

Лилия ЛУКМАНОВА

Лирика

Рассказы

ВДВОЕМ ПО РАДУГЕ

Лилия Лукманова

Лирика

Рассказы

ВДВОЕМ ПО РАДУГЕ

Сборник стихов и рассказов
Лилии Лукмановой
в память о ее творчестве
и жизни

Караганда - 2008

УДК 579.7 (075.8)

Л 28.4

Лилия Лукманова, Вдвоем по радуге, Литературно-художественное издание. Караганды, «Региональный учебно-издательский центр», 2008 - 416 стр.

Рисунок автора

Л 4602020400
00 (03)-08

ISBN 9965-9127-9-2

© Лукманова Лилия, 2008 г.
© Региональный учебно-издательский центр, 2008 г.

Искусство - зеркало, отражающее того,
кто в него смотрится, а вовсе не жизнь.
Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

От этой картины на стене очень большая польза.
Она дырку на обоях загоразивает.

Из мультфильма "Трое из Простоквашино"

Кто стихи читает?
Ветер мне ответил
Тихим перебором
Листьев в старом сквере.
Где душа витает?
Ветер мне ответил,
Показав на город.
Я ему не верю.

Ценно жить без обиды,
Высоко не стремясь,
Никому не завидуя,
Над собою смеясь.
Ценно просто увидеть
Много лет, много стран,
Горы - солнца обитель,
Лес, любовь, океан.
Ценен дом с тихим садом.
За столом лучший друг.
Книги, музыка. Рядом
Дети, внучка и внук.
Вот и все, что так важно
В жизни нашей успеть.
Напоследок отважно
Песнь сложить и пропеть.

Прозрачна безымянная печаль,
Мохната бесконечность темной ночи,
Когда в стакане стынет старый чай.
Сон с четверга вновь небытие пророчит.
Ты не спеши уснуть перед рассветом.
Вновь будет день разбрызгивать лучи,
Раскинет лес волнующие сети
Зеленых веток. Вслушайся. Молчи.
Звонящий дождь прохладой лес омоет,
Спадет с души печали пелена,
Крылатый мир перед тобой откроет
Свой светлый образ. Ты ему нужна.

Что обещает рождение солнца?
Юного тела горячую бронзу,
Щедрые знания, лирику, прозу,
Если в судьбе ты сидишь как заноза.
Что обещает случайная встреча?
Робкие речи, руки на плечи,
Ласковый вечер, шампанское, свечи,
Если судьбой ты на радость отмечен.
Что обещает нам мудрая старость?
Ветренный сон и немую усталость,
Страшные думы: "Сколько осталось?".
Если душа зачерствела, то - мало.

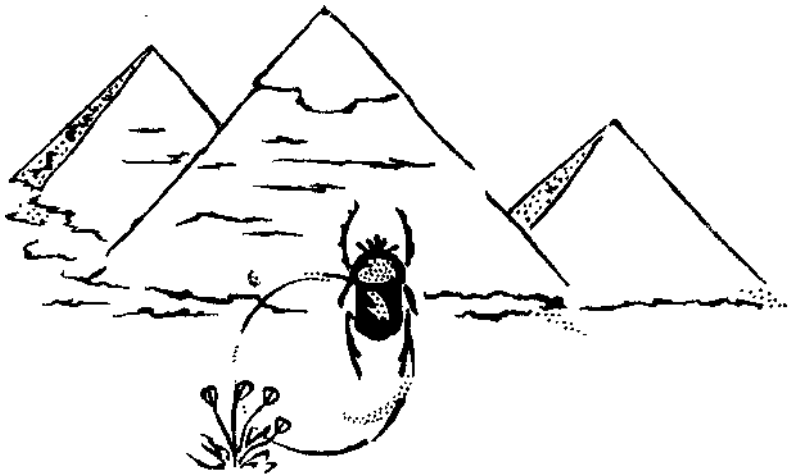
Метаморфоза

Я бужу ушедших, я пишу о прошлом.
Я пишу о грустном, светлом, о хорошем.
Что писать о завтра, если уже вечер,
Если еженощно жду я с утром встречи?
Что писать о мире, где увядшей розой
Я стою в стеклянной вазе на морозе?
Что писать о море, если я кораллом
Высохшим застряла на комодe старом?
Что тревожить горы? Горы - это горе.
Горе побеждает радость в любом споре.
Горы обещают. Ветер возвращает
Их с небес на землю, прахом развевая.
Что писать о людях? С ними не знакома.
Я усталой елью стыну возле дома.
Ёжиком колючим спряталась я в прошлом,
В прошлом моем светлом, добром и хорошем.

Скоро, скоро придет неизбежный тот миг -
Мир уйдет. Мир огромен, огромен и тих.
Разлечусь я в пылинку, траву и звезду,
Мокрым ветром в туманную небыль уйду.
Летним ветром я лучших друзей навещу,
Дорогим нелюбовь и обиды прощу.
Юным ласковой феей приснюсь поутру.
Я, конечно, умру. Но совсем не умру.

Араб у пирамиды с черной аурой
Продав мне голубого скарабея,
И после встречи с томнооким мавром
В песках тоски я больше не робею.
То росчерком пера рисую радость,
То радугу цветную распишу я,
В рекламном ритме милого мне града
Любовь изображу твою большую.
То просто у камина с лучшим другом
О юности спою смешным дуэтом.
Пройдя моей судьбы эскиз по кругу,
Поставлю точку белым сухоцветом.

Осенний смутный дождь
по стеклу ползет.
На постаменте вождь
до цоколя продрог.
Кого-то ждет успех,
кому-то не везет
На перекрестке вех -
четырёх дорог.
Печали серпантин
ручьём - водоворот.
А неба палантин
накрыл - не продохнуть.
Как хочется узнать,
где верный поворот!
Случайно не проспать
единственный мой путь.

Громадного города грохот дорог.
В автобус набился народ, как горох.
Провисшего неба тяжёлая сталь.
В подземке убогий с мольбою, как встарь.
Экран ежедневно жуёт сериал,
Рекламу, скандалы, войну, криминал.
За морем вольготнее вроде бы,
Но в наших артериях - Родина.

Уфа

За что полюбила - не спрашивай,
В словах потеряется суть.
Кленовые горы окрашены
Багрянцем - без слез не взглянуть.
В объятиях белого облака
Расплавился солнечный свет.
Иголки еловые войлоком
Лежат на упругой траве.
Приветом из Азии Белая
На запад несет теплоход.
Рябина вдоль берега спелая
Зовет на Уфимку в поход.
За Дёмой поляны и дачи там
Купаются в чистой воде.
Четыре реки - вот удача-то!
Такое увидишь ли где?
Волной оторвавшись от гавани,
Росой разбежавшись в траве,
Уехав в далекое плавание,
Я сердцем осталась в Уфе.

У юности порывы чисты,
Неровен юности полёт...

УТРО

Прохлада юности мятежной,
Оставив свой порочный след,
Ушла, махнув рукой небрежно
Усталой женщине вослед.
Она одна листает нежно
Чуть пожелтевшие цветы
Души - засушенный подснежник
Стихами в рифме слов простых.
Надежда нитью золотистой
В тех строках иногда сверкнет.
У юности порывы чисты,
Неровен юности полет.

Нервы в разбеге огромного города.
Ливневой музыкой ритмы дождя.
Всюду приклеит мохнатую бороду
Дождь, по бульвару усмешкой пройдя.
Как откровением всех обойдет
Чистая музыка. Как это здорово!
Радость в ладонях неспешно несет
Мокрая девушка каждому поровну.
Встречный прохожий, улыбку поймав,
Радость на сердце уносит торжественно.
Злобные чувства попросят тайм-аут.
Юные девушки - это божественно.

Грусть

Ночь темна, уснули окна,
Перелай собак утих.
Небо в облачных волокнах
Растворяет тень двоих.

- Мое сердце солнцем было -
Расколосось пополам.
Потому земля остыла,
Душу дав колоколам.

Ночь темна, луна угасла,
Заскрипел крылечком дом.
Стало ясно - он напрасно
По углям шел босиком.

- Милый, милый, я звонила
По ночам в колокола.
Ты молчал. Я не простила.
Руку другу отдала.

Ночь темна. Душа в потемках.
На войне как на войне.
Он девчонку елью тонкой
Видел каждый день во сне.

- Милый, милый, я любила,
Вечность я тебя ждала,
А потом иссякли силы,
И я просто умерла.

А писать Вы меня не просили,
Не оставили адреса даже.
За окном не дожди моросили -
Ожидание капало влажно.
Но пишу я который раз -
Паутинкой сплетаются строки,
О любви, о себе, о Вас,
Мой единственный, милый, далский.

Жду тебя больной собакой,
Плачу гулко я во мраке,
В сонной пустоте.
Разбужу воображением
Я твое изображение
На сухом листе.
Пририсую ушки, рожки,
Ручки, тоненькие ножки -
Грустно и смешно.
Дам звонок на перемену,
Платье красное надену
И пойду в кино.

Подражание

В звонком бокале вино, словно кровь.
Чистые линии. Отблеск свечи.
Я на заклатие готовлю любовь,
Утром за нею придут палачи.
Бледное утро в холодном поту.
Белое платье сломало крыло.
Желтым кольцом я убила мечту.
Шепот в толпе? "Жениху повезло".

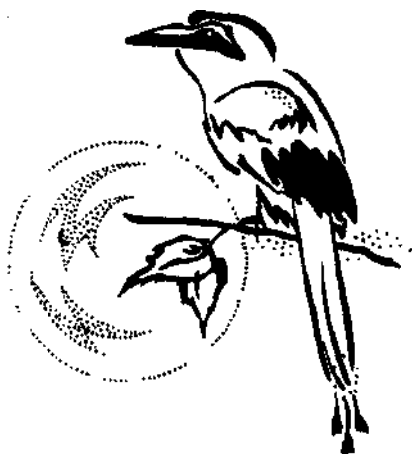

В толпе незрячей я невидима,
В густом лесу я - лист обыденный.
Жизнь - суета обыкновенная.
Умею петь проникновенно я.
Сумею злобу несусветную
Развеять в дымку предрассветную.
Лечить умею боль чужую.
Умею петь, когда тоскую.

С тонким носом лисьим,
Весь седой и хрупкий,
Мерзнет серым утром
На углу старик.
Ворох желтых листьев
Прикрывает руки,
Нос уткнулся хмуро
В старый воротник.
Ветром околдован,
Он стоит безмолвно,
Брови - иней-иней.
Страннейший чудака.
Просто возле дома
Странник, грусти полный,
Продает осенний
Листопад за так.

Сонный дождь, лентяш, размажет
Тротуары лужами.
Заржавевший листик ляжет
Скукой заутюженной.
Серый дом согнется хмуро
Над печальной статуей.
Пронесется ветер в город,
На безделье ратуя.
За двойным стеклом оконным,
У камина съезжившись,
Загрустит один знакомый,
Свою осень проживший.

Прошелся дождь по окнам.
Прохожие, промокнув,
Губами ловят дождик,
Бегут в водоворот.
Косым веселым рядом
Прошелестел по саду
И небо, как художник,
Раскрасил щедрый мот.
На старом фортепьяно
Тапер, немного пьяный,
Тот дождик простучал,
Сыграв веселый джаз.
Певица пела знойно.
Дождь снова беспокойно
По сердцу застучал,
Как ловкий ловелас.

Под тяжестью ворон
провисли провода.
Природы поворот
несет весной вода.
Мостом разинув рот,
река - с шугой бульон.
Природы поворот
разносит почгальон.
Уж замуж невтерпех,
да только не берут.
Средь бела дня грабеж -
поманят и наврут.

Желтяки на грядке грузно.
Тяжесть яблок ветки клонит.
Солице алое арбузом
За листвою на небосклоне.
Это осень, осень.
Шоколадом крыши - плитки.
Сад свернулся семенами.
Одиночество улиткой
Проползает между нами.
Это осень, осень.

Бегут реки мимо, мимо.
Я кого-то жду.
Жизнь проходит белой льдиной
равнодушных дум.
Жизнь проносится, играя
в войны, красоту.
Я девичий цвет роняю
и кого-то жду.
А под вечер ждать устану,
выйду в парк гулять,
Книгу добрую достану,
чтобы почитать.
Рядом сядет на скамью
он - совсем седой.
"Я хотел создать семью
именно с тобой", -
Скажет мне старик серьезно.
Разве не смешно?
Я скажу: "Довольно поздно.
Я ждала давно.
Я ждала тебя в семнадцать,
в тридцать я ждала.
А теперь пора прощаться".
Вот и все дела.

Иллюзия солнца - осенний сад.
Надо быстрее вернуться назад.
Гордое сердце - насмешливый шут!
В это не верится - я уйду.
Калитка открытой осталась за мной.
Сад плачет листвой золотой за спиной.
Какая бы песня сложилась у нас!
Забыла об этом я в горестный час.

Легкие снежинки на ладони тают,
Хрупкие пушинки в воздухе кружатся,
Мягким снегопадом землю заметают,
Медленным покоем на душу ложатся -
Больше не летаю.
Дом мой одинокий - в этом вся причина.
Проскользнет сквозь пальцы зимний день короткий,
Снегом из ладони утечет кручина,
Окнами заплачет дом в надежде кроткой -
Дом мой без мужчины.

Я с тобой. Эта формула сложна.
Из колючей морщинки у рта,
Неизбежностью тревожа,
Без труда проглянули лета.
Без тебя. Моя грусть необъятна.
Отдаляешься счастьем чужим.
Для тебя моя жизнь непонятна.
А твоя недоступна мне жизнь.

Азиат

Глаза, как миндали, раскосы -
Глубокие щели, разрезы.
За веками плещется космос.
Трепещет в ущельях поэзия.
Глаза отражают алмазы.

 Теряю я разум.

В глазах - амбразурах по пуле,
Размахи бровей вороньем.
Жужжащей угрозой с улей
Добытое мною вражье.
Я лунною тенью при нем.
 Играю с огнем.

Люблю читать роман с конца,
Чтоб знать, где правда, а где ложь.
Любовь кладу под подлеца.
Ему не верю ни на грош.

Он напоет, что лучше всех
Мои усталые черты.
Он нужен мне. И смех, и грех.
Опять с неправдой я на "ты".

Ему не верю, не томлюсь
В бокале пьяным коньяком.
Обманет он - не удивлюсь,
Пройдя по бритве босиком.

Нежен сон осенней ночью.
Горек, между прочим.
Мир его любви порочен.
Ветер напророчил.
Обещает невозможность.
€ Ложь не греет вовсе.
Ищет он во мне похожесть
На осень.

Просится в подруги
Черная собака -
Шерстка черным лаком.
Прыгает упруго,
Рядом семенит.
Я иду за хлебом,
А за магазином
Рыжим апельсином
Лунный блин в полнеба
Золотом блестит.
Жалко мне собаку.
Накормлю обедом,
Наделю советом
Обо мне не плакать -
Я же не одна.
Лучшая подруга
Вокруг меня вертится.
Верная наперсница
Апельсином-кругом
Рыжая луна.

Дом горбатый, кособокий
От дождя и слез,
Затерялся одиноко
В ветках старых роз.
Это дом моей надежды.
Сердцем ты согрей
Мой холодный дом.
Но где ж ты?
Стыну у дверей.
Во дворе собака лает,
Просит отпустить.
Бедолаге цепь мешает
Радость ощутить.
Без цепи гулять боится,
Хвост поджав, сидит.
А зачем к тебе стремиться
До волос седых?
На цепи не одиноко,
Есть кому служить.
От свободы сколько проку?
Нам вдвоем не жить.

Задождало упруго.
На вершину ход крут.
За ресницами друга
Лед унесшихся лет.
Неужели нескладно
Тучи снова наврут,
Что у нас все неладно -
Для тебя меня нет?
Тучам я не поверю -
На вершину взойду,
Разгляжу другой берег
С тихим домом в саду.
Я дождем морозящим
На траву упаду,
Я дождем шелестящим
Мимо окон пройду.
От дождя ты проснешься.
На крыльце постояв,
Ты ко мне прикоснешься,
Меня вновь не узнав.

Ямбарукуина

Нелетающая птица
ямбарукуина.
Окинава снова снится -
райская картина.
На обед едят папайю
ямбарукуины.
Все японцы обожают
этот остров длинный.
Не бывает снегопадов,
постоянно лето,
Там кораллы пышным садом.
Я туда уеду,
Буду плавать в океане
рыбкой пышнохвостой.
Меня остров этот манит,
манит меня остров.
Я отведать хочу гою -
горький огуречик.
Не расстанусь я с мечтою,
ведь еще не вечер.
Окинава ночью снится -
райская картина.
Нелетающая птица
ямбарукуина.

Обидно, но обиды не прощаю,
Я не умела никогда прощать,
А человека просто забываю,
О ранах нанесенных умолчав.
Мой бывший друг, мой друг порой сердечный
Уйдет, не зная, что давным-давно убит.
Убит не мной, а мелочностью вечной.
Он кляксой на душе залит. Забыт.

Сон

Ты меня сегодня спрашивал,
А бывает ли мне страшно.
После сна позавчерашнего
До сих пор на мне мураши.
Мне приснилась площадь города,
Вся в булыжнике укатанном.
С самолета бомбы вороги
Сыплют. Спрятаться куда там нам?
Папа сон мне растолковывал,
В суть вникала со вниманием.
Видно, память бестолковая.
То - конец войны в Германии.
Через гены ли досталась мне
Даль кошмарная истории?
Я - участница войны во сне,
Родилась после которой я.

Если бы не было мая
Девятого в черной войне?
Свастика с бешеным лаем
Рвется с цепи на стене.
Танки взрывают рассветы,
В жирные пашни солдат
Засеивает рыжим летом
Враг, с улицы нашей ребят.
Со старческим взглядом в луже
Трехлетний сидит мальчуган.
В разрушенных окнах ужас.
У нежных висков наган.
Послушайте, это страшно.
Снимите скорее мундир.
Закроем дверь во вчерашний
Распятый мир.

Инвалиды - ветки.
То - моя душа.
Ты, как зверь из клетки,
по душе прошла.
Белыми ногами
по сырой росе.
Я играю гаммы.
Я такой, как все.
Для тебя забава -
разрушать мосты.
Снега белый саван
выбелит кресты.
В черно-белых звуках
привкус коньяка,
В ритмах перестука
"здравствуй" и "пока".
Я играю гаммы -
музыка ушла.
Я не лучший самый.
Ты мне не врал.

Я одна у телевизора танцую,
Новый год встречаю в радости хромой.
В сером зеркале собою я люблюсь,
В платье новом с серебристой бахромой.
Отражение разгляжу неторопливо -
В моем взгляде стынет мутный хризолит.
Ничего. Мне хорошо и не тоскливо.
О разлуке ничего не говорит.
В пальцах тонких переливчато мерцает
Мой бокал, звенящим пенится вином.
Телевизор посмотрю и почитаю,
Но тебя, поверь, не вспомню перед сном.

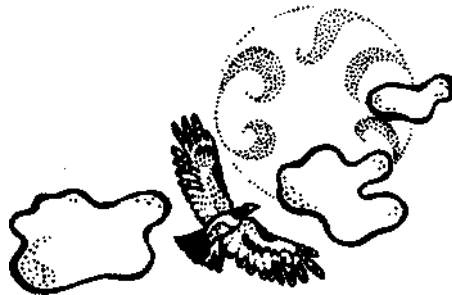
Родная,
 видела - облаком птицы?
 Я пролетал.
Крылья тяжелые в каплях росы.
Родная,
 видела в небе зарницу?
 Я просверкал
Отблеском молнии дальней грозы.
Родная,
 видела зверя оскал?
 Я тосковал
В дальней неволе на толстой цепи.
Родная,
 видела юную деву?
 Я ее сделал.
С тебя Галатею слепил.

Было, было, пела, пела
лучше соловья,
Полюбила, улетела
в дальние края.
Белой бабочкой спалила
крылья у огня.
Как же я его любила!
Он любил меня.
Ураган ревнивым ветром
остудил наш жар.
Между нами километром
черная межа.
Я теперь колючий ежик -
яблоневый маг.
Кто же выжить мне поможет?
Мой заклятый враг.

Слово злое коршуном
выпустил.
Взгляд, тобой брошенный,
был пустым.
Слово злое носится
по ветру,
В гости ко мне просится
по утру.
Пусть застынет на снегу,
не пущу...
Будет горько, но смогу -
я прошу.
Птицу неразумную
приручу,
В добрую певунью
превращу.
Синюю красавицу
выпущу.
Буду снова нравиться.
Все прошу.

Ночь. Удар жужжанием по уху.
Скину трубку торопливым махом.
Вновь жужжит, как между рамой муха.
Поднимаю трубку, жду со страхом.
Слышу шорох, голос, чью-то ругань.
Вылетает радость чайкой дикой.
Неужели не забыл подругу?
Неужели же ко мне привык он?

Радость прыгает собакой - не унять.
Много лет я догоняла - догнала.
Ты однажды оглянулся, чтоб понять:
Для тебя звонила в колокола.
Ты в меня перетекаешь в щели глаз,
Сообщаются сосуды наших вен.
Этот день я сочиняла сотни раз.
Радость прыгает, не хочет перемен.
Нет на нашем горизонте облаков.
Стала *тобой любима, ты любим.
Голубями мы летаем высоко,
Растворяясь в небосводе, словно дым.
Горе ползает гадюкой далеко.
Ожидание не стынет больше в нас.
Хорошо с тобою рядом и легко.
Ты в меня перетекаешь в щели глаз.

Поздней осенью
Мерзнет досиня
И звенит от мороза клен.
В кровь оденется
Утром денница,
Поливая пурпуром склон.
Я не наглая,
Просто нага я,
Нараспашку я - душа.
Видеть некогда,
Верить некому.
А зима ускоряет шаг.
Поздней осенью
Листья сбросил,
Обнажился бесстыжий лес.
Лужи морщатся.
Осень корчится.
А зима набирает вес.
Осторожно я,
Чуть небрежно я
До тебя дотянусь, не дыша.
Невозможна я,
Неизбежна я.
Но тебе я не буду мешать.

Не услышишь от меня слова любви.
Наши судьбы - в синем мраке корабли.
Вижу я издалека

тихий призрак маяка,
Только сердце о тебе не говорит.
Ты пройдёшь, шурша осеннею листвою,
Сад увянет. Я пройду другой тропой.
Пожалею потом я,

что не ты - судьба моя,
Но споткнулась я о камешек другой.

Новый человек
пахнет светлым летом.
Запах этот вечен,
сладок запах этот.
Девочка-дошкольница
пахнет шоколадом,
Мамой, домом, вольницей,
плачем, детским садом.
Молодая, юная -
чистотой и зноем,
Средних лет и умная -
книгами, покоем.
Венчанная женщина
пахнет пирогами,
Сериалом, вечером,
теплыми руками.
Древняя старушка -
внуками и мятой,
Самоваром, сушками,
кружевами, ватой.
А от одиночества
пахнет тайной, поиском,
Странствиями, творчеством,
В неизвестность поездом.

Весна

Распушило волосы
небо белым облаком.
Молодую поросль
солнце тащит волоком.
Та сопротивляется -
еще очень холодно.
Почки появляются,
улыбаясь молодо.
За апрелем майские
заморозки редкие.
Реки снимут маски.
На поля соседские
Разольются озером,
не сдержав томления.
Птичьё пенё оперой
славит воскресенье.
Меж ветвей разгульная
ветреная вольница.
Хаю день огульно я
вечером, как водится.

€

Сумрачно небо со сна,
Зябнет во мгле бурелом.
Плачет живицей сосна -
Лесом идет зверолов.
Выдаст звериный наив
Тайну его бытия.
Шорох прыжков утаив,
Дрогнет листвы кисея.
Выстрела гулкой раскат -
Не повторится весна.
В зверя вонзилась тоска.
Плачет смолисто сосна.

Юноша с норовом
в курточке порванной,
Волосы вороном.
Все у нас поровну.
Я - рука левая.
Он - рука правая.
Он - Адам, Ева - я.
Сила не слабая.
От меня плавится -
я мартен, домна я.
Очень мне нравится,
когда с ним дома я.

Акварель.

Марковой

Синее небо. На небе

звезда.

Жизнь - как речка сквозь сито -

вода.

Желтый автобус, в автобусе

я.

Синее небо. Звезда

бытия.

Пулей навстречу автобусу

небыль.

Часть пассажиров направилась

в небо.

Алое зарево, боль,

стекло.

Время моё

истекло.

Я у времени прошу долго,
Глядя кроликом удаву в очи:
- Не кори меня пудовым долгом,
Уходить я не спешу, нет мочи.
Босиком прошла по росам утром,
Повалялась на лесной поляне.
Время радость раздавало мудро,
Наводя на неприятность глянец.
И за все мои полеты летом
Вынуждает расплатиться мукой.
Время право, может быть, в этом,
В паутине долговой я мухой.
Поманить цветами, синим небом
И пушистым разноцветьем счастья,
А потом отправить душу в небыль -
Все у времени в бездушной власти.

На пушистом небе поплавком луна,
Марево над дубом шелковой волной,
На дворе уютной кошкой тишина
Мягкими шагами бродит за спиной.
Облака клубочком катятся во сне,
За забором в тяжелой дреме чужой пес.
Лунный блин, купаясь в томной глубине,
Распустил по небу седину волос.
Сонными ночами пью земной покой.
Дом в саду причалил, встал на якорь дом.
Не томлюсь печалью о судьбе иной,
Мне не нужно думать больше ни о ком.

ВРЕМЕНА ГОДА

Январь.

Диск с горошину,
небо синее,
Сад заброшенный
дремлет в инее.
Гль, застывшая
в хрупком облике.
Слезы бывшие
в белом облаке.
Кошка спряталась
в шубку длинную,
Нам сосватала
стужу зимнюю.
Окна стальные
разрисованы.
Печь топила я
изразцовую.
Снег игольчатый
под ногой хрустит.
Речка стылая
подо льдом грустит.

Февраль

Метель. Калитку занесло.
Исчез под снегом сад.
Такое выбрал ремесло
Февральский снегопад.
Из шали высунула нос -
Колючкой ветер в лоб,
Пощечиной в лицо мороз.
Где двор? Один сугроб.
Всё завалило. Чистота.
Мир стал вдруг глух и нем.
Начни всё с чистого листа,
С весенних перемен.

Март

После долгого, долгого сна,
После зимних трескучих морозов
В сердце робко стучится весна.
Но зима огрызается грозно,
Как обиженный пёс в конуре.
Не пускает хорошего друга.
Снег подтаял слегка во дворе.
Возрождением дышит сердце
Солнце мир обнимает ласковым.
Проникая в забытые щели.
Птичье пенье на дубовых ветках
Горы тают ручьями в ущельях
По асфальту капелью шума.
Тают снежные зимние крыши
Будут долго о снеге скучать
Зачехленные старые пилки

Апрель

Талый снег ручьем весёлым
Мой кораблик подгоняет.
Ветер радостной виолой:
"Мчимся к маю", - напевает.
Клавесином за забором
С крыш капель стучит, играя.
Воробьи недружным хором
Подпевают: "Мчимся к маю".
Почка высунула носик
Зеленеющий наружу:
"Можно выбраться? Не осень?
Не застыну? Не завьюжит?".

Май

У мая глаза голубые,
Зеленое платье у мая.
Поет мне романсы простые.
Я слушаю. Таю. Летаю.
У мая растрёпаны косы
Сиренью душистой у дома.
Легки мимолетные грозы,
Светлы, как хороший мимолет.
У мая душа пчеловодца
Прозрачным ручьем умывается.
Стремительно и торопливо
Умчится, как юности любовь.

Июнь

Лес зовет многозвучностью солнца,
Приглашая на праздник цветения.
А с реки теплоход отзовется,
Увозя холод сердца в забвение
На поляне из снов незабудки
Голубым островком возле речки
Я прилягу на них на минутку
И полюблю эту землю навеки.
Сквозь прозрачное кружево леса
В вышине вижу белые стаи
Облаков. Под волшебной завесой
Я июньский секрет разгадаю.

Июль

Жужжит в жару мохнатый шмель.
В лесу цветов волшебных хмель.
Тепло объятий солнца рыже.
Уставших влать деревья крыша.
Неторопливая дорога
К прохладе озера лесного.
Пернатых трепетное слово
Чарует с неба голубого.
Лишь лист дрожит на старом дубе,
Почувствовав, что скоро осень
Волшебный летний лес погубит,
О долгом лете чуда просит.

Август

Вот та маленькая родина -
Старый домик на пригорке.
В саду чёрная смородина,
Листья свежие в ведёрке.
Аромат садовый правит всем,
Осы пьяные летают.
В саду дышит всё и варится,
На губах варенье тает,
В штофе свежая анисовка,
На столе букет ромашек.
Из грибов, на нить напизанных,
Виадук для всех мурашек.
Улыбаясь, в летней кухне
Мама в светленьком платочке
Поровик кромсает пухленький...
Намнит вечер этот дочка.

Сентябрь

Кленовые листья корзинкой
Багряной. Букет сухоцветов.
На ветках скучают вороны.
Прощаются с ясным летом.
Пружинится лес под ногами,
Роняет еловые шишки.
А небо грозится дождями.
В траве суетливые мышки
Опасностью пренебрегают,
Судачат о холоде близком.
Прохожих врагов соблазняют
Шуршанием, ветреным писком.
На яблоне жухлые листья.
Нет яблок. Поля опустели.
В вине виноградные кисти.
Растеряны души растений.
У белочки в доме запасы
Орехов, засушенных ягод.
Природа состарилась сразу.
Снега скоро белые лягут.

Август

Вот та маленькая родина -
Старый домик на пригорке.
В саду чёрная смородина,
Листья свежие в ведёрке.
Аромат садовый правит всем,
Осы пьяные летают,
В тазу дышит всё и варится,
На губах варенье тает,
В штофе свежая анисовка,
На столе букет ромашек.
Из грибов, на нить панизанских,
Виадук для всех мурашек.
Улыбаясь, в летней кухоньке
Мама в светленьком платочке
Боровик кромсает пухленький...
Помнит вечер этот дочка.

Октябрь

Вьюжит, стужит, листопадит.
Солнце с осенью не ладит.
Ветер тучи с крыши рушит
Проливным дождем. Закружит.
Желтый иней на бульваре
Солнце в миг прощальный дарит.
И трамвай ползёт печальный
В синеокий сумрак дальний.
Я за дождь не голосую,
Сажу в комнате. Рисую.

Ноябрь

Ноябрь. В предчувствии голода
Куда-то попрятались голуби.
Раздетые улицы города,
Афиши, застывшие в холоде.
Горошинки мелкие, снежные
Булыжник шлифуют на улице.
Неяркий луч солнца. Неспешные
Движения души. Утро хмурится.
Церквушка с тремя прихожанами.
То - проводы или крещение?
Собачка хромая, поджарая
Потеряна. Ждёт угощения.
К зиме старый сквер приближается.
Уснула река вчера вечером.
Мир ёжится и уменьшается.
Уныло одной. Делать нечего.

Декабрь

Накануне грядущего года
Город, в белую шубку одетый,
Очарован волшебной погодой.
Парк искрится обилием света.
У деревьев пушистые ветки
В снежных варежках, валенках снежных.
Ждут такси с апельсинами в сетке
Горожане в нарядных одеждах.
Дома запах гуся с черносливом.
В хвойном облаке день утопает.
Украшается ель суетливо
Мишурой. Новый год наступает.

Любовная лирика - это эротика...

Мария Арбатова

ПОЛДЕНЬ

Между нами две дороги -
Параллельные прямые.
Вдоль - картины смотрят строго
Акварельные, немые.
 Первый путь прожит тобой.
 Был другой - моей судьбой.
На размытых акварелях
Хлопья снежные в сочельник
И застольное веселье
В наших старых, милых семьях.
 На двоих у нас диван,
 Столик, штоф, пустой стакан.

* * *

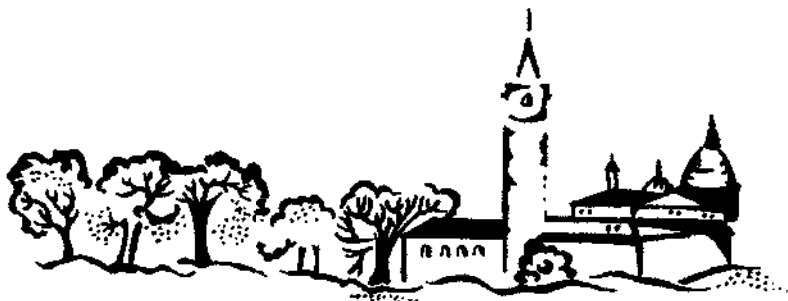
Мой дом - как будто грот морской,
В нём гулкий сумрак и покой,
Тяжёлый ряд тисненых книг,
С бордовых штор бордовый блик,
Засохших роз волшебный след.
 То - твой букет.
Твой дом - обман и суета,
В нём женщина живёт не та,
Там окна, двери на замке.
Твой дом, что замок на песке.
Слепой тоски течёт река.
 Я далека.

Дети индиго, вы нами не поняты,
Вами заполнены классные компаты.
Выпустив джинна, мы мерзнем в терзаниях:
- Кто вы такие, родные создания?
Что вы несете во время грядущее?
- Вы нас не бойтесь! Несем мы все лучшее.
Мы приручим коня времени разумом.
Снова отыщем те тайные фразы мы,
Что исцеляли больные сознания.
Мы завоюем те тайные знания.

В клетке прохладного зала,
В мягких волнах саксофона
Медленно с ним танцевала
В шелесте слов полусонных.
Тень пробежала мышонком
Между танцующей парой.
Остановилась иголка
На граммофоне старом.
Память не любит драмы.
Я не готова к отмщению.
Время излечит раны,
Время подарит прощение.
Память стихами щемящими,
Музыкой вновь заиграла.
Были ли мы настоящими?
Или я всё сочиняла?

В доме вещи редкие -
хрупкие изделия.
Милы статуэтки ей,
милы рукоделия.
Девочка с косичками
в полосатом платье -
У фарфора личико
в теплом свете плавится.
Из фарфора снежного
юбочное кружево
Балерины нежной.
Красота - оружие.
На стене прозрачные
акварели плавные,
Вазочки невзрачные,
старше века, главное.
На иконе строгий лик,
с горечью взирающий.
Зачем храмы строим мы
для руки карающей?
С Элюара томиком
маленькая женщина
В антикварном домике
тишине обещана.

От волшебных превращений в мае, мае
Сладкозвучные пансоны зарыдают.
На пушистых одуванчиках поэты
В неге томной отдыхают светлым летом.
Облака земле даруют разноцветье.
Незабудка есть в ромашковом букете.
"Любит, любит, не разлюбит, не забудет" -
Юных девушек вопрос простой заботит.
На тропе лесной ажуром солнце, солнце!
Ключевой воды напьюсь я из колодца.
У колодца на елани разнотравье...
А встречаться с тобой, милый мой, не вправе я.
Между нами-то Китайскою стеною
Твои дети, твои крохи, твои двое.

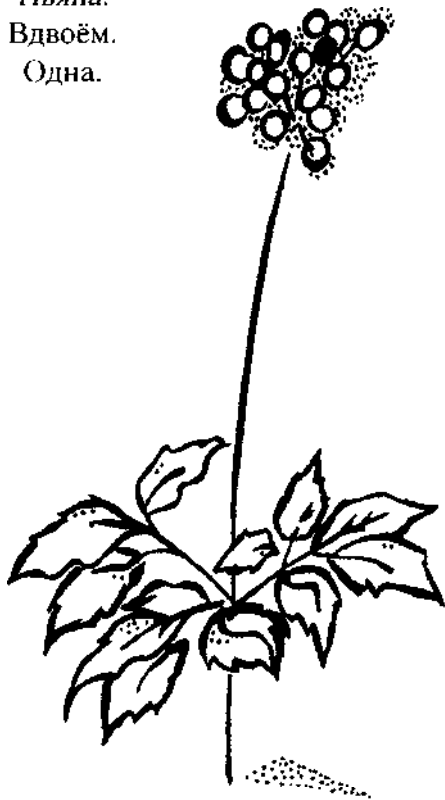

Надежда

Последняя пристань мужчины - надежда,
Последняя песня в раскрытой ладони.
Надежда в нарядных воздушных одеждах
Холодную старость от сердца прогонит,
Откроет таинственный остров услады;
Ленивое слабое тело жался,
Она очарует весенней прохладой,
Застывшую душу дыханьем согреет.
Когда возвращаешь колечко надежде,
Ее босиком на мороз выгоняя,
Себя пожалеть не мешало бы прежде.
Она не жена, а мечта дорогая.
Закрытая дверь не откроется снова,
Она не умеет назад возвращаться.
Как пулею в спину обидное слово...
Не нужно с надеждой при жизни прощаться.

Я.
Я и ты.
Я, ты, она.
Метель вижу из окна.
Бокал вина.
Пьяна.
Вдвоём.
Одна.

Параллельные миры, да, параллельные,
Проступают на страницах - акварельные.
Краем глаза я ловлю неуловимое,
Пробегаю, не заметив, снова мимо я.
Кто-то в окна постучит ко мне настойчиво.
Пирамидами неверие устойчиво.
Этот некто, может, я сама из прошлого
Мне совет несет, снегами запорошенный.
Или я же, чуть вперёд себя живущая,
Или духи, за порогом меня ждущие.
Но неверия глаза полузакрытые.
Лишь душой слегка почувствую событие,
Что стучится осторожно прямо в сердце мне,
О беде предупреждает, хлопнув дверцами...

Агат болезни сердца лечит,
Янтарь спасёт от малярии.
Носить топаз - здорова печень.
Цирконий - недруг аллергии.
От алкоголя - аметисты,
А бриллиант от отравления.
У минералов мир цветистый,
И каждый камень со значением.
Но я люблю их без корысти:
Прохладу нежного агата,
Сирень в прожилках аметиста,
Вишнёвость гордого граната.
Зелёный омут хризолита,
Лимонный свет внутри топаза,
Тяжёлый холод жадеита,
Прозрачность в отблеске алмаза.
Коралл с нефритом - роза в вазе
На ушке девушки невинной.
Рубин у женщины на пальце
В оправе чопорной, старинной.
Для женщин камни - украшение,
В минуты грусти - утешение.

Вот та дальняя дорога -
Тополя вдоль до небес.
Распластался куст здоровый
Под окошком, словно лес.
Ты меня, обняв за плечи,
По дороге той водил.
Ты шептал: "Ещё не вечер".
Розы красные дарил.
Наступил тот вечер скоро.
Жив ли ты? Или не жив?
Для других любимый город
Расцветает, нас забыв.
В кабинете в древней вазе
Пыльный розовый букет
Сохранил значение фразы
Для меня на много лет.
Я тебя уже не встречу.
Но у нас был этот вечер.

О себе я поняла, что птицей
Уродилась странной, однокрылой.
Хочется мне в стаю в себе влиться,
Но подранком у земли застыла.
Вирази орлиные рисует
Высоко в зените мой любимый.
Как полёт чужой меня волнует!
Сердце вниз летит глухой лавиной.
Квохчут нелетающие рядом,
Делятся нелёгкою добычей.
Доброте сородичей я рада.
Среди них урод я необычный.
Где другой с одним крылом в печали,
В тёплый плед зарывшись, одиноко
Песнь свою слагает у рояля?
Надо мне тебя найти до срока.
Мы б орлом двуглавым ввысь умчались,
Если бы однажды повстречались.

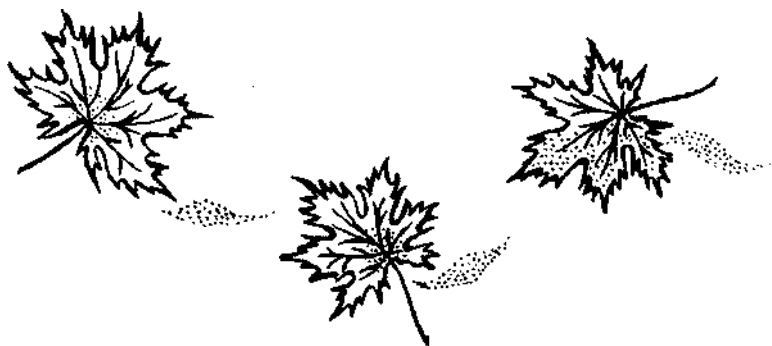
Мы у черта на рогах -
в Эйфелевой башне.
Рядом с нами облака
гонят день вчерашний.
Мы умчались из страны
унесенным ветром.
Тысяч пять до Астаны -
много километров.
Под ногами миражом
огненное поле.
Поднимаясь виражом,
мы летим на волю.
Парижане проплывут
на речном трамвае.
В горы лыжи позовут -
отпуск будет раем.
Хорошо в чужих краях -
в турбюро не ввали.
Но вдали родной маяк.
Дом милей, чем дали.

Неужели же загадкой неразгаданной
Будет время, по которому плыву?
Неужели по прямой до точки заданной
Мелкой мышью суетливо проживу?
Каково моей судьбы предназначение?
Вновь без устали стучусь в глухую дверь.
За стеной слышны шаги и чье-то пение.
На охотника охочусь, словно зверь.
Постороннего души прикосновение
Я, почуяв, настроженно молчу.
Перед дальним путешествием в забвение
С незнакомцем познакомиться хочу.
Где и как живет и сколько будет лет ему -
Не гадать хочу, а только точно знать.
Посторонний, улыбнувшись мне по-легкому,
По-приятельски со мной будет шагать.
Скажет: "Люди на земле не одинокие,
В параллелях существа не старше вас.
Только время в бесконечности жестокое
Всех направило сегодня в первый класс.
Описать земного шара притяжение,
Солнце, море, горы, город, чистоту -
Таково твоей судьбы предназначение,
Не напрасно ты стучалась в пустоту".

Осень - точка отсчета
 времени - паутины.
В школах настежь ворота.
 Юность тонет в путине.
Лучший тронет за душу,
 верно струны настроив,
Худший душу задушит,
 кинув в бездну по трое.
Осень - линия старта
 жизни без переменок.
Выпадет лучшая карта,
 худшая - попеременно.

Полумесяц полукругом
Вспашет неба полотно,
Облака разрежет плугом
Заодно.
Фиолетовое небо
Над сиреневым кустом.
Как к тебе уехать мне бы
Лет на сто?
Фиолетовое лето.
В небе яркий полукруг.
На луне к тебе уеду,
Милый друг.
Облаками я укроюсь,
Чтобы сразу не узнал.
Я приснюсь тебе луною
В теплых снах.

Лунный полукруг
В небе, небе, небе.
Ночью сонный друг -
Небыль, небыль, небыль.
До тебя доплыть
На луне бы мне бы.
Ты со мной давно
Не был, не был, не был.

Женщина в горах

Цена вирши - полушка,
мера страха - аршин.
Нашепчи мне на ушко
о красотах вершин.
Кожей я ощущаю
замороженный страх,
Храбро путь намечаю.
Рядом ты и гора.
По суровым отрогам
из гранитных пород
Поднимаюсь к порогу,
до Петровских ворот.
Страх в коленях застрянет,
а душа задрожит.
Меня к дому потянет -
хочу жить, только жить.
Потому на вершины
я с тобой не хожу.
Лучше эти картины
на стихи положу.

А кто сказал, что ветер пахнет морем?
Не слышу в нём мелодии дождя.
На кухне о политике вновь спорят,
О роли и величии вождя.
То старость? Или время? Или леность
Душой открыться трепетному дню?
Есть Мандельштам. Есть Гёндель. Есть Поленов.
Я в равнодушии себя виню.
Любить и быть любимой - слаще мёда.
А если сорок, осень и обед на кухне просят?
А если снега нет и слякоть по полгода?
А если не цветы в подарок носят?
А кто сказал, что ветер пахнет морем?
Я слышу в нём хрустящий запах снега.
С друзьями поднимусь зимою в горы,
На лыжах улечу с вершины в небо.

Мерибель

Хрусткие снежинки на лыжне скрипят,
На горе неспешный светлый снегопад,
Под морозной шапкой лес слегка продрог.
Мы на остановке пьем душистый грог.
Колесо фортуны в небеса зовёт.
Над вершиной белой белый вертолёт.
Лучшее катание на исходе зим!
На фуникулере медленно скользим.
Под ногами ели, черепица крыш,
Возле магазинов стояки для лыж.
Вниз по Чёрной трассе лыжники летят,
Лишь на поворотах резко тормозят,
Там внизу, у кассы, в касках детвора -
Все на лыжной трассе с раннего утра.
На вершине солнце в отражении гор,
За горами горы, а внизу простор.
Мы на лыжи встанем и поедem в дали -
Километров десять по лыжне спиралью.
Мимо сноубордистов, деток в рыжих касках,
Словно в скороходах. Как в любимых сказках.

Ты не жди меня к обеду.
На рассвете первым рейсом
Я уеду. Я уеду
В горы к нежным эдельвейсам.
Выше озера у неба
Заколдованы поляны
В томной неге. Там я не был.
От цветов я не был пьяным.
Ты не жди меня назавтра.
Я в горах шалаш построю,
Я росы напьюсь на завтрак,
Я гитару вновь настрою.
По романгике скучая,
Облака рукой достану.
Но тебя, моя родная,
Я любить не перестану.

Разрушение ритма

Плохо. Очень плохо быть одной.
Тебя не чувствовать за спиной.
Плохо в зашторенной комнате,
Когда празднуют за стеной.
В сорок смотреть на своё отражение,
Чувствовать земное притяжение.
Плохо в зашторенной комнате
Иметь хорошее воображение.

Отчего так хорошо-то? От того ли,
Что я птицей легкокрылой вновь на воле?
Не готовлю добрый ужин для кого-то,
Испарились галым снегом все заботы.
Мне никто не скажет: "Думать тебе нечем",
Не увязну в пластилине его речи.
Лягу в теплую постель я с детективом
И задумаюсь о светлом и красивом:
О дожде, стеной стоящем в летнем сквере,
Об удаче, что свалилась в полной мере,
О ранетках, освещенных солнцем, в вазе,
О судьбе, что раскололась на две фазы.
Отчего так хорошо-то? От того ли,
Что я птицей быстрокрылой вновь на воле?

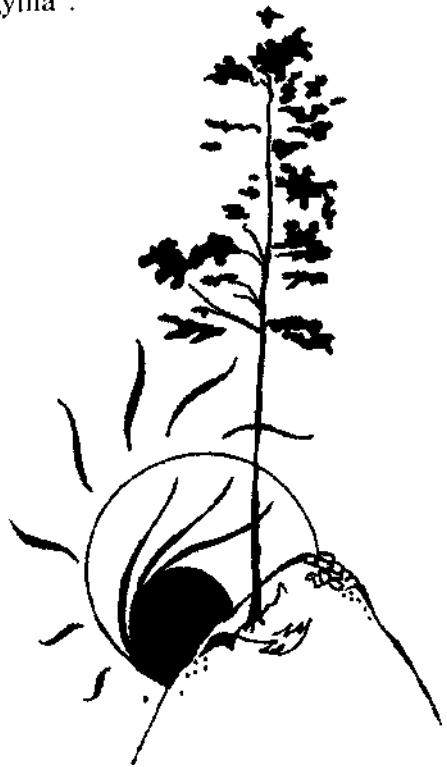
Деревянная душа
Гладит рябь воды -
Лодка пляшет в камышах,
Пенятся следы.
От причала до небес
Солнечный зигзаг.
Камышами водный лес.
Волны - бирюза.
В глубине летят, спешат
Рыбы пулей.
Сердце Родины моей
В Кандрыкуле.

Над пустыней песня ветра,
Между скалами дорога.
Ты уехал в город Петра,
Опоздав опять намного.
В романтическом настрое
Ты находками доволен.
На земле нас стало трое.
Помнишь ли о нас на воле?
Ты уехал в город Петра -
Твой малыш смеётся в зыбке.
Мои чувства в стиле ретро.
Ты - мираж в пустыне зыбкой.
Город канул безвозвратно,
Он от времени разрушен.
Жду домой тебя обратно,
Ты в неволе очень нужен.
Ты разрушил дом постылый
Торопливыми шагами.
Опоздаешь снова, милый,
Сыновья не ждут веками.
В стиле ретро песня ветра.
Ты уехал в город Петра.

Материя вторична,
Поверь мне, друг.
А что тогда первично?
Замкнулся круг.
Яйцо или несушка -
Не нам решать.
Шепнули мне на ушко:
"Ядро - душа".

Сказка

В вишнёвой стране на чужой стороне
Жил Эльфик в два дюйма, с плащом на спине,
С распахнутым настезь крылом стрекозы.
Тот Эльфик ужасно боялся грозы.
Он прятался в листьях, мелко дрожал,
Однажды бояться грозы перестал.
Зелёные крылья расправил храбрец -
И Эльфу, и сказке пришёл тут конец.
В развесистой кроне огромной сосны
Жил леший лохматый при свете луны.
Ужасно боялся он солнца и дня,
Глаза закрывал, говорил: "Чур, меня".
Однажды пугаться и плакать устал,
Он солнечным утром под лучиком встал.
"Как славно!" - воскликнул, смеясь, удалец.
Но сказку и лешего ждал тут конец.
В лесной деревушке у сердца страны
Жил парень один, он боялся войны,
От армии прятался, мелко дрожал.
Однажды бежать и пугаться устал.
Доспехи надел - пошёл на врага,
Хотел защитить свой кусок пирога.
Героем решил стать, как дед и отец.
Но парню и сказке пришёл тут конец.

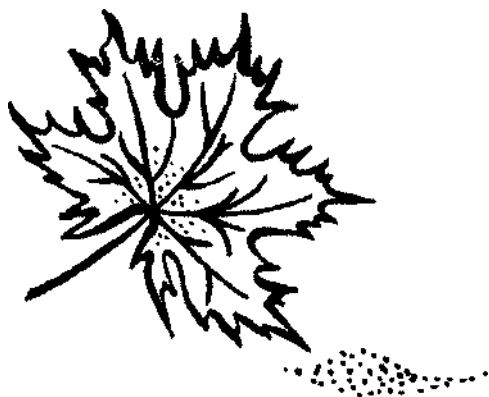

Вдоль куражистой реки
 светлая ветла
Сжала листья в кулаки
 и в себя ушла.
Из объятий облаков
 солнышко взошло,
Сбросив ласковость оков,
 принесло тепло.
К солнцу тянется ветла -
 корни у реки.
Дотянуться не смогла -
 плачет от тоски.

Тонет в море бескрылая чайка -
Оборвали в свободном полёте
Крылья. Горестно плачет хозяйка -
Муж пропал на воскресной охоте.
То ли выстрел случайный - причина?
То ль в болоте его обнаружат?
Твой единственный в мире мужчина
Волоокой красавице нужен.
Не печалься. Рой юных красавиц
Подрастает и той на замену.
Он с другой на охоту отправится,
Не заметив в пыли перемену.

Осень сухая шуршит в палисаде.
Осень - плохая подруга в досаде -
Сносит антенну, деревья ломает.
Мокрая скука её погоняет.
Где же романтика пушкинской осени,
Листья, опавшие солнечным ворохом,
Изморозь первая в зелени с проседью?
Где барбариса пожарные всполохи?
То был сентябрь - осеннее лето -
Свежесть упругого тела пшеницы.
Нынче ноябрь без тёплого света.
Снега недружное племя роится.
Осень сухая шуршит в старых семьях.
В воздухе носится зыбкое: "С кем я?".
Осень - плохая помощница лету.
Скоро наступит зима. Я уеду.

В любви один целует, а другой.
Подставив щеку, мирится с судьбой.

ЗИМНИЕ ПИСЬМА

Любовная лирика - это эротика,
Где строятся чувства стремительной готикой.
Где в стиле барокко тяжёлые рифмы,
Когда учащаются нервные ритмы.

Позови меня шепотом: "Лилия".
Отзовусь можжевельным запахом,
Прорисуюсь на окнах я инеем,
Стану ветром восточным для запада.
Ты поверил в меня только вечером.
Кроме сердца, мне дать тебе нечего.

Моя боль может двигать мосты,
Может солнце затмить на заре.
Может камнем тяжёлым застыть
Наступающий нынче апрель.
Моя боль неразумно проста,
Как Малевича "Чёрный квадрат".
Я на клетчатой сети листа
Боль свою напишу невпопад.

На току токуют вновь тетерева,
Строит домик суетливый воробей.
На губах трепещут птицами слова.
Выпускай их поскорее, не робей.

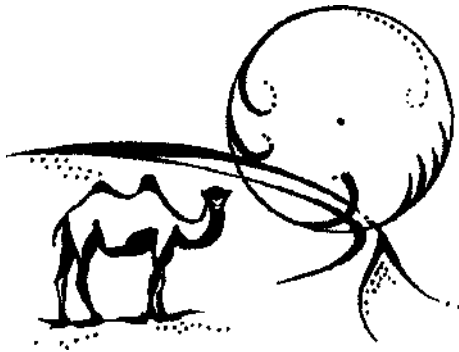
Поворот судьбы не нами предрепен,
Наш полет Шагал давно нарисовал.
На душе легко и очень хорошо -
Ты меня своей голубушкой назвал.

На ухо: "Голубушка", -
 прошептал.
Называл меня ты любушкой -
 все наврал.
На часах четверть девятого -
 не пришел.
Не хватает мне тебя-то. О,
 нехорошо.
Фонарем на темной улице
 застываю я,
На часах минуты хмурятся,
 проливая яд.
Называл меня ты чижиком,
 кошечкой своей,
Называл меня ты рыжиком -
 пел, как соловей.
Называл меня красавицей
 на ушко.
Я хотела тебе нравиться.
 Все ушло.

Полынь цветёт. дурманит голову.
Меж сопок скудный день, как дым.
Я сохну, умирая с голоду,
Мне нужен взгляд твой, как поток воды.
В степи простор неуправляемый,
Табун ничейных лошадей.
Пойдём туда с тобой, любимый.
Как одиноко среди людей!

Тебе прохожие - как солнечные зайцы.
А я, похожая, как скучный сад зимой.
Смириться бы с судьбой. Такое же случается.
Или уйти с сумой. Уйти самой.

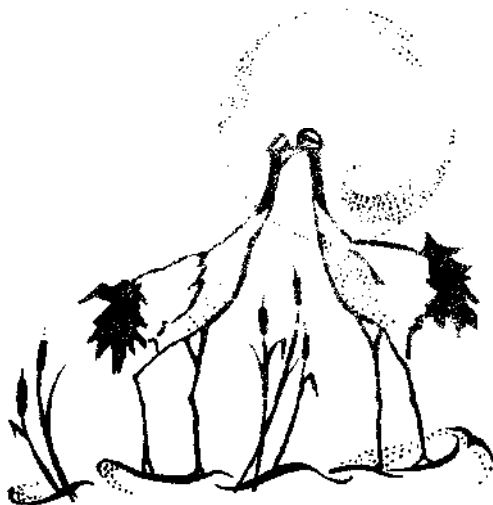

- Как тебе, любимый, без меня?
- Хорошо, родная, хорошо.
Я сегодня в середине дня
Под лучистой радугой прошёл.
Хочешь, я вернусь к тебе с утра?
- Не спеши, родная, не спеши.
(Мне на зорьке к ласточке пора,
Да в кармане мелкие гроши).
- Как тебе, любимый, одному?
- Хорошо, родная, хорошо.
(На балкон повесил свой хомут.
Поживи у маменьки ещё).

А доброе слово и кошке приятно.
Скажи, что со мной навсегда, безоглядно,
"Голубушкой" ласково, "милой женой"
Меня назови. Можно просто "родной".
Скажи, что любима, скажи, что нужна.
В ответ тишина, тишина, тишина...
О, сладость мгновения! Даришь слова:
"Варенье, яблоко, мёд и халва".

Что такое счастье, милый?
Это тёплый дом и ты.
Это жить имешь силы.
Это прочные мосты.
Это ласковое слово.
Это светлая луна.
Это слышать снова, снова,
Что тебе нужна.

Легко для всех быть добрым, друг,
Но трудно для одной.
Меня обиды стиснул круг -
Ты мир отдал другой.
Шептал ночами: "Будет день,
Когда с тобой в горах
Забудем будней хмурых тень,
Забудем о делах".
Сказал: "С тобой мы купим дом
С большим тенистым садом.
И старость вместе проведём".
Верить бы я рада,
Но ты сказал: "Всех краше та,
Люблю её одну.
А ты служи мне, как всегда,
Порадуй седину.
Ты угощай моих гостей,
Ты дом мой сторожи,
А мир свой трепетных страстей
Ты на замке держи".
Легко себя раздать вокруг,
Но трудно дать одной.
Меня уж нет, мой милый друг,
В той клетке золотой.
Я разлетелась на куски.
Мозаику не собрать.
Лишь тело в плене у тоски,
А душу не догнать.

Любимый мой, до встречи двадцать дней.
Курю на кухне сигарету.
Любимый мой, до встречи двадцать дней.
Я ненавижу строчку эту.
Я расстелюсь лыжиною для тебя.
Я превращусь в вино в твоём бокале.
Портьерой в комнате, дышащие лоя.
Затихну к ночи, сон храня устало.
К утру через перо уйду в слова,
Стеку в письмо к тебе, любимый.
Твой взгляд скользя по мне едва.
И ты уйдёшь неуловимый.

Моя жизнь полосатая,
С чёрно-белой игрой.
Нежность с черной заплатою.
Сердце с чёрной дырой.
Моя жизнь неразумная.
Ни кола, ни двора.
Настаёт час безумия -
Расставаться пора.
То ли в степь необъятную,
То ли ввысь улететь?
Лишь бы горько, украдкой
На тебя не смотреть.
Только ты, быстрокрылый,
Не заметил в жару,
Что сегодня закрыла
Дверь, стою на ветру.
Чёрно-белую, глупую
Полутенью та страсть.
Надо мной твоя грубая
Простирается власть.
Не унять боль дорогою,
Не запрятать в кольцо.
Ухожу в жизнь убогую,
Жизнь с закрытым лицом.
Почему белоснежная
Не идет полоса?
Небытие неизбежное
Победит на весах.

На любые его выпады
отвечаю только "да".
Может, день хороший выпадет,
и увидит он тогда,
Что его всегда любила
и всегда была верна,
Настроение ловила,
как гитарная струна.
На любые превращения
соглашалась сторяча.
Не терпел он восхищения
и рубил всегда плеча.
Стала музыка усталой,
струны резко сорвались.
Я ушла водою талой.
Те надежды не сбылись.
А калина веткой машет мне:
"Возвращаться не спеши,
В его сердце тебе места нет".
Нет у времени души.

Вечерами, вечерами
Мы друг друга маним, маним.
Не встречаясь берегами,
Мы друг друга больно раним.
Мы любимым не прощаем
Обещания пустые.
За вечерним темным чаем
Души медленно остыли.
За обидными словами
Боли более не слышим.
Разрываем дружбу сами,
В унисон уже не дышим.
Берегами, берегами
У реки застыли двое.
Не дотянутся руками,
Развязав узы душою.

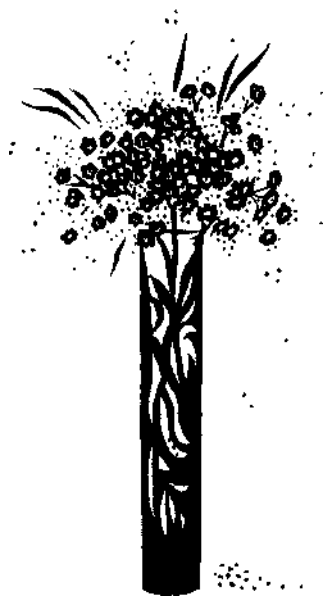
У природы выверты
 нервные по осени,
Словно лампу вывернув,
 мне под ноги бросили.
Ломкими шагами я
 тку канву для вышивок -

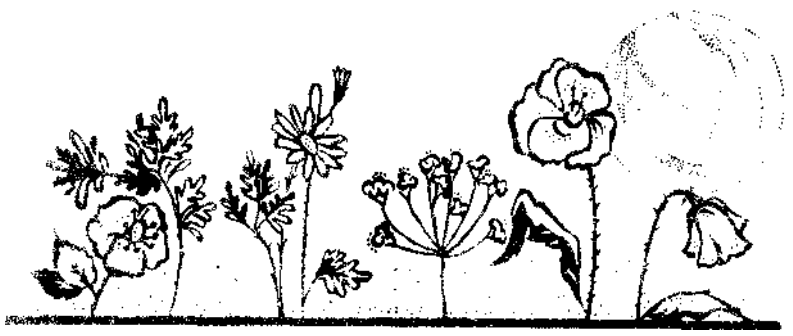

Кончился срок заточения,
Завтра уеду к тебе.
Буду искать утешения
В буднях, в высокой траве,
В жарких объятиях города,
В сопках, в колючей степи;
Буду смеяться я молодо,
Пальцы до боли сцепив.
Брошу привычку печальную
Песни слагать у окна.
Не догадайся случайно,
Что я тобою больна.

Вечер, как поздняя встреча,
нежностью лечит.

ВЕЧЕР

Почему нишу с заглавной
буквы слово "Родина"?
По её дорогам славным
было много пройдено:
На Балхаше загорала,
плавилась изнеженно,
С Чембулака вниз летала
по лыжне заснеженной,
В Боровом рассвет встречала
у берёз танцующих,
За орлами наблюдала
я в степи ликующей,
Шампиньоны собирала
в мелком караганнике,
Для друзей стихи слагала
на мотив романтики.
Над трубой дымок клубится
в доме моём маленьком.
Серебристый лох хранится
в томике прозаика.
Хоть была во многих странах,
хоть душою русская,
Иноземцем в Казахстане
я себя не чувствую.

Караганда

Город родом из Карлага.
Память реет вместо флага.
Судьбоносный, золотой
Шар на площади большой.
Золотые купола,
Звонницы, колокола.
Минареты в небо взвились,
Зазвучали, окрылились.
На соборах золотых
Души странников святых -
Кто был честен, горд и смел,
В муках в Долинке сидел.
Всех казахи приютили,
Обогрели, накормили,
Как умели, обласкали,
Слов тяжёлых не сказали.
В благодарность Чёрный град
Счастьем щедрым стал богат.

Миром правит Сатана.
Без вина земля пьяна.
Шатко, валко по орбите
Человечества обитель
Бродит с болью головной,
Вся опутана войной.
Миром правит Сатана.
Есть великая стена
Между жизнью и покоем,
Между счастьем и тоскою,
Между злобой и добром,
Между мыслью и пером.
Между адом, между раем
Мы второе выбираем.

Мой друг приехал. В доме май.
Под вишней пьём душистый чай.
Тепло вдвоём. Хоть и молчим,
Мы обо всём поговорим.
Твой друг приехал. В доме свет.
Не виделись вы много лет.
Он пуп земли покажет нам.
Расскажет всё про то, как там.
Друзей родные голоса
Творят на свете чудеса.
Они уедут. И опять
Мы будем ждать. Их будем ждать...

Завершился круг -
К нам приехал друг.
Чай в саду накроем.
Вспомним все бывшее.

Сирень кудрявая у дома
закрыла старые кусты.
Под вишней кот уснул знакомый.
Забыл дорогу к дому ты.
Черемуха снежинкой белой
роняет легкие цветы.
Май на исходе. Что мне делать?
Забыл дорогу к дому ты.
Вишневый цвет ласкают осы,
сад устилается травой.
Моя любовь - одни вопросы.
Когда вернешься ты домой?

Одурачена метель
за удвоенным стеклом.
Моя нежная постель
обняла меня теплом.
Согревает твой портрет.
За окном еловый лес.
Ваза с яблоком. Букет.
Карты. Вышел интерес.

Две женщины за клеткою морщин
Сидят в саду в вишнёвом кружеве.
Прощают их покинувших мужчин,
Которым их прощение не нужно.
Которые, оставив по кольцу,
Оставив сыновей в пушистой юности,
Ушли в любовь, траву, к Творцу,
Не заплатив за годы своей нужности.
Две женщины, попрятав зеркала,
Сидят у самовара в летнем мареве.
Гадалка наутину так сплела,
Что крылья отрастут теперь лишь на небе.

Высоко подняться в небо синее,
Распуститься пышно белой лилией,
Помолиться утром твоим именем,
Долгожданный сон на скуку выменять.
Потому опять прошусь в изгнание,
Добровольно отрекусь от крепости,
Мимолётное удачи знание
Простоты не дало мне и крепости.
Надоело вместе строить лестницу,
Суетиться бытомольной мельницей.
Отыщу для рисования кисточку.
Из супружества на цыпочках выскочу.

Ты не горюй, что прожил недостойно.
Не каждому дано родиться Богом.
Ты вёл себя смешно и испростойно,
Когда бодал судьбу бараньим рогом.
Не от щедрот она с тобой делилась
Из рога изобилия товаром,
Нахальству твоему так удивилась,
Что отдала все блага просто даром.
Ты не горюй, что был неромантичным.
Не каждому дано родиться в море.
Ты честным был и даже симпатичным.
В лицо ударить мог в горячем споре.
Ты не горюй, что прожил понапрасну.
Не каждому дано в сердцах остаться.
Ты был не скуп, не глуп и вечно разный.
Но мне с тобой не грустно расставаться.

Взгляд осенний чуть рассеян,
 сфокусируйся на мне.
Возле дуба я осиной
 притулилась в тишине.
Я уже тебе не мила?
 Время листья унесло.
Как же я тебя любила!
 Грустно очень. Всё прошло.

В Памуккале, в Памуккале
Турки строили каскады,
За шедевры выдавали
Из бетона водопады.
В десять раз скромней и строже
Фантастический источник
Красной лентой огорожен.
Снежный город вырос точно.
Для туристов недоступен,
Как невеста под фатой,
Тот источник на уступе
Гор, за каменной грядой.
Ты запреты отвергаешь,
Прикасаешься к шедеврам.
Ты Колумбом открываешь
Мир мечты и солнца первым.
Вот бассейн Клеопатры
За горой, в тени, безводный.
От нескромных взглядов спрятан.
Рядом пасынок безродный.
Гид кричит: "Неромантичный,
Не умеет верить в чудо!"
Можешь видеть ты отлично,
Где алмаз, где фальши гряда.

Евпатория, ах, Евпатория!
Персик зреет на желтом песчанике.
Виноградная ждет территория
С чаем мятным в саду, в белом чайнике.
Манит морем соленым, террасами
За обветренным домиком стареньким.
Я осталась в саду сердцем, разумом.
Я осталась в том домике маленьком.
Евпатория, ах, Евпатория!
Растворилась песчинкой у моря я.

У каждого своя Лаура,
У каждого свой Эверест.
И каждому та пуля - дура
Рисует свой последний крест.
Умейте рано просыпаться,
Чтобы успеть увидеть свет,
Любимым в верности признаться,
Подняться на вершину лет.
Умейте рано просыпаться,
Чтобы успеть сто стран пройти,
Случайно никого не ранив,
Сады раскинув по пути.

Умейте на заре проснуться,
Чтоб не проспать прекрасный мир,
Шедевров всех душой коснуться,
Пройдя путями разными.
Пройдите каждое мгновение
Без горьких слов и дел печальных.
Не каждому дано быть гением.
Прожить успеите гениально.

Генерал от инфантерии,
мира ждет пехота.
Вам оказано доверие -
выжить всем охота.
За родную территорию
ринутся в атаку,
Повернут назад историю -
будет каша с таким.
Будут красными знаменами
прикрывать погосты,
Слезы реками солеными
потекут вновь в гости.
Генерал от инфантерии,
очень уж охота,
Чтобы съели вас бактерии.
Вот мечта пехоты.

Полет

Мне тринадцать. Ледоход,
Мост, записочка, поход,
Синее пальто, подружка.
Старт, разбежка и полёт.
Мне шестнадцать. Школьный бал.
Одноклассник мне сказал:
- У тебя глаза большие.
Я смотреть бы в них не стал.
Тридцать лет. Я хороша,
Сын растёт, светла душа.
Бархат платья цвета моря.
До звезды всего-то шаг.
Сорок. Смелость, мир друзей,
Переезд, сад, дом, лицей,
Муж, поклонник, заграница.
Мой полёт - парение птицы.
Сорок пять. Развод, разлом,
Казахстан, любовь и дом.
Без корней я на чужбине.
Одиноко жить вдвоем.
Дом, семья, обеды, лыжи.
Турция, Каир, Париж и
Прага, снова Казахстан.
Опускаюсь ниже, ниже.
Приземлилась. Ледоход,
Телеграмма, мост, поход,
Синее пальто, подружка.
Пятьдесят, а я старушка.

Тиберкуль

Парапет моста зубами
Отражается в реке.
Лист кленовый меж волнами
Лодкой мается в тоске
По прошедшему цветению
Разнотравных берегов.
Вальс танцует листик с ленью -
Полдороги до снегов.
В вышине на небе пыльном
Стынет солнце в облаках.
Скроет лист в дожде обильном
Пена цвета молока.
Я зиме слепой не рада.
Я укуталась, как куль.
Где на свете Эльдorado?
Где на карте Тиберкуль?
Там тепло зимой и летом
В человеческой доброте.
Там по радуге поэты
Босиком идут к мечте.
Лист кленовый меж волнами
Шепчет бога имена,
Просит робко: "Можно с вами?
Отогрейте и меня".

Утром обнаружила -
выпали из гнёздышка
Громкие, недружные
два смешных воробышка.
Перья неопрятные,
мокрые, лохматые.
В драке, вероятно,
братьями помятые.
Клювы желтоватые,
глазки, как у гномиков.
Хрупкие, пузатые,
выпали из домика.

Бережно я в гнёздышко
положила маленьких:
- Отогрейтесь в перышках
под бочком у маменьки.
Позже я увидела
рядом с тёплым гнёздышком
Выкинутых, видимо,
каменных воробышков.
Вдруг "ку-ку" над крышею,
где гнездо вчерашнее,
Голос едва слышимый.
Стало тогда страшно мне.

Та другая была интересней.
Я осталась минорной песней.
А аркан из фиалок ночных
Он украдкой плетет для других.
Воронье под окошком кричало.
Пароход возмущался с причала.
Ну а совесть молчала, молчала,
Да с тоски одичала.

Боже! Как горька любовь!
Больно слышать голос твой.
Строгие упреки вновь.
Лес осыпался листвою.
Я устала нелюбимой
Быть твоею половиной.

Уеду далеко с потухшим взором,
Оставив дом, тенистый сад и тыл.
Придет конец раздорам, разговорам.
Кристалл любви осядет. Был ли ты?

Давным-давно никто не ждёт меня.
Я распрягу и отпущу коня
На вольные хлеба, на водопой.
Никто вослед не скажет мне: "Постой".
Давно никто не смотрит на меня.
Наряды я оставлю для огня,
Соседке подарю все жемчуга,
А деньги я оставлю для врага.
Давным-давно хороших слов никто
Не дарит, меня искренне любя.
Раздам я всё и в платянице простом
Уйду, оставив песни для себя.

В Урумчи у базара китайцы
Варят в чае куриные яйца.
Смог туманом размазал дороги.
Небоскребы унылы и строги.
На ветру новогодний фонарик
Тусклым светом прохожих одарит.
Поднебесная в красных полотнах.
От кафе запах тины болотной.
Серой мышью толпа суетится.
Ах, скорее бы с ними проститься
И уехать в прозрачное лето!
Урумчи - это ад для поэта.

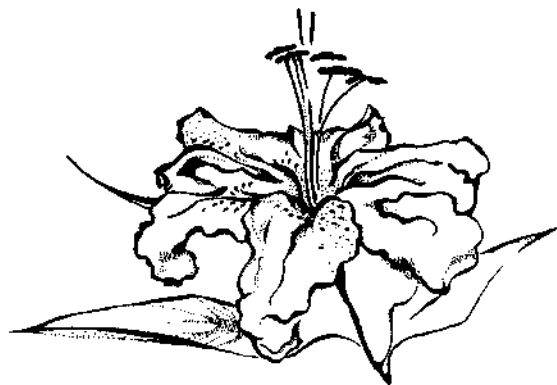

Радуга

Останется эхо от Лилии
Едва обозначенной липией
На серой равнине холста.
Как радуга, жизнь проста.
Как радуга с сочными красками,
Умытая влажною ласкою,
На солнце прозрачна, чиста,
Как радуга, жизнь проста.
Есть в радуге искренне белое,
Невинное, сильное, смелое.
Оно сохранит все цвета,
Рассыпавшись в веер моста.
На красную верхнюю полочку
Предательство стелется корочкой.
Как больно стоять на юру!
Нет! Красную краску сотру.
Оранжевый манит удачами -
Отрезок моста очень значимый.
Искристая юность для всех,
Кто дружит и верит в успех.
Цвет желтый - смешной, неуклюжий.
Ребёнок, картошка на ужин,
На речке семейный пикник,
Гитара, купание, родник.
Зелёный - большой и хороший.
Из рога рассыпан горошек
Земных удовольствий и тайн,

Рисует судьба мир, летая.
Вопрос. Голуба ли та линия,
Что так покрывается инеем
Седеющей мысли о сне?
Печально ютиться на ней.
Унылая старость на синюю
Устроится ломаной линией,
Осядет в морщинах души.
На синюю ты не спеши.
Останется цвет фиолетовый
С потерями, тихими бедами,
С соседкою у самовара.
В углу позабыта гитара.
Но есть в этой радуге чёрное,
Холодное и утонченное.
Сметает все краски с холста.
Как радуга, жизнь проста.

Буквы - воробьи на проводах -
Рядом крыло к крыльишку сидят.
С музыкальным ритмом не в ладах
Под ее пером слова скрипят.
Верно, что слова не воробьи.
Не вернуть, что пишется пером.
Ты его письмом не торопи,
Время выдает пока "зеро".

Семиструнная гитара
Не играет во дворах.
Мир уставший, очень старый,
Сам с собою не в ладах.
В Каракумах льются ливни,
На Таити снегопад.
Заболел мир древний, дивный,
Повернулось все назад.
Семиструнная гитара
Зазвучала у костра.
Нам с тобой, мой друг, на пару
Ковчег строить не пора?
Я возьму с собой в дорогу
Кошку Лесю и Пушка,

Но оставлю, сердцем дрогнув,
Сторублёвок два мешка.
Я возьму блокнотик плоский,
Запылённый патефон,
Две пластинки с Хворостовским,
Старый мамин медальон.
Я возьму перо, две книги:
Мураками, Губерман.
Огонёк и две снежинки
Положу в свой чемодан.
А потом, расправив парус,
Поплывём в далёкий век.
Сохраним с тобой на пару
Это слово "Человек".

Строгого окрика эхо.
В доме моем пустота.
Жизни ли горькая вежа
Льется на клетку листа?
Четки вечерние краски.
Честен прозрачный рассвет.
Я нарисованной сказкой
Юности вышлю привет.

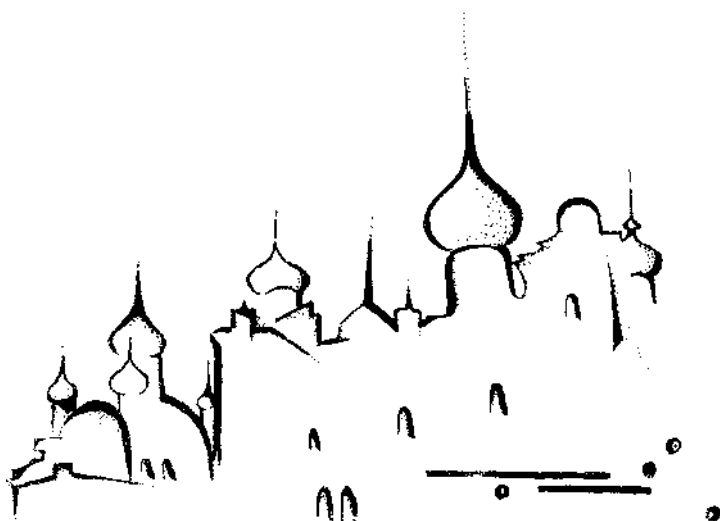
Счастьем праздничным дышит округа.
Печь растоплена, в комнатах жарко.
Дети радостно бегают кругом,
Разбирая под елкой подарки.
Мама в красном, в ушах алмазны,
Орхидея у папы в петлице.
Стол нарядный накрыт, бьют куранты,
Полукругом любимые лица.
Я стою за окном индевелым,
Сквозь морозный узор наблюдаю,
Как ребенком рукой неумелой
Я "К Элизе" с трудом подбираю.
В ностальгии нечаянным даром
Пианино, из шелка шпалера,
На ломбардном столе карты Таро
Няне щедро сулят кавалера.
Сквозь морозное кружево время
Дарит милое детство в виньетке.
Давит на душу времени бремя.
Я у рода засохшая ветка.

Срезанные флоксы
 в комнате зеленой,
Пианино, Моцарт,
 ты в меня влюбленный.
За окошком время
 носит перемены,
Созревает семя
 бледное измены.
Дом осиротеет,
 когда мы уедем.
Кто его согреет?
 Мы - цветы в букете.
Если дом обманем,
 бросив равнодушно,
Вместе мы завянем.
 На душе так душно...

Тихо коснулся забытой струны
Пыльный мотив городской старины.
Церковь макушкой уткнулась в зенит,
Вдоль у дороги цикада звенит,
Окна слепые внутрь глядят,
В красной калине утоп палисад.
Девушка с гордой осанкой, с косой
Смотрит со снимка на берег другой.
На берегу её внучка сидит,
С нежною грустью на фото глядит.
Бабушки строгий учительский взгляд
Не разрешает войти в этот сад.
Тих и печален старинный мотив,

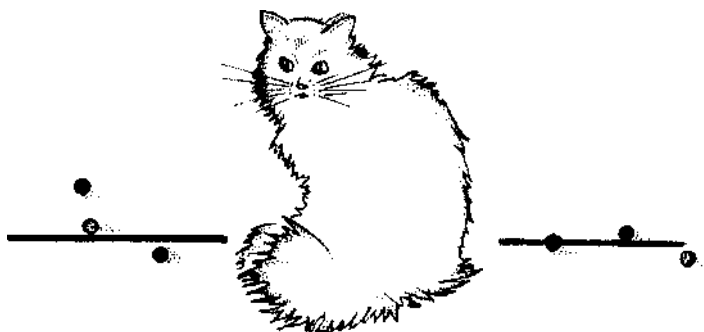

Маме

Родная, какие цветы ты любила,
Я все посадила, в саду посадила.
Родная, какие ты книги читала,
Я все пролистала, рукою ласкала.
Сейчас, повзрослевшего сына жалея,
Хочу я голубить тебя и лелеять.
И только сейчас понимание настало.
О, сколько хлопот я тебе доставляла!
Но твой оренбургский платок отдала я,
Накинуть на плечи свои не смогла я.
Тепло твоих рук вспоминала невольно.
Мне было так больно, так больно, так больно.

Белый котик, розовые ушки,
Носик хвостиком прикрыл.
Мягкий котик с толстым брюшком,
Ты случайно не простыл?
Я включу сейчас котёнка,
Проведу рукой по спинке.
Замурлычет тонко-тонко.
Снятся сладкие картинки.
Белый котик, тёпленький комочек,
Мне нехорошо.
Вырос мой единственный сыночек
В жизнь ушёл.

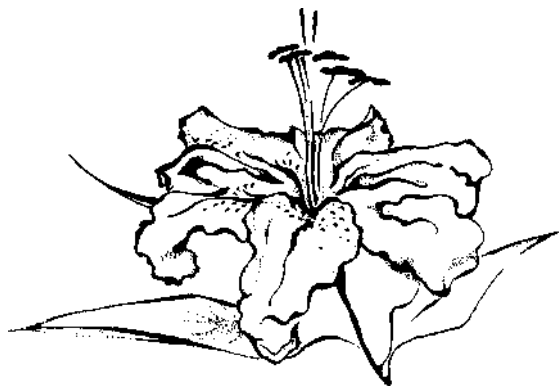

В кабинете зубном экзекуция,
Страх стучится каплей по темени.
За широким окном жар настурции,
Клен прогнулся под тяжестью времени.
Небо синее, синее, синее,
На шоссе вперевалку автобусы.
Птаха чертит крылом в небе линию,
Исчезает, кружась, в ленте Мебиуса.
Где ты, птаха? В другом измерении?
В те края не ходили ни разу мы.
Все ушедшие там поколения -
Бестелесные чистые разумы.
Но пока я рассеянно маялась,
Размышляя о брэнной материи,
Боль мороженым белым растаяла.
Я смирилась с зубными потерями.

Нынче я не уснею,
Ожидая, дожждаться.
Лето сердце не греет.
Не хочу наряжаться.
Не хочу я обедов
На закате у моря.
Не хочу я победы
Ни в забеге, ни в споре.
Не хочу я романов
Ни бумажных, ни встречных.
Я разбита обманом.
Я замерзла навечно.

Саше

Ночью ветер унёс крышу,
Дом заплакал дождём тёмным.
На земле тебя не слышу,
Мы с детьми в печали тонем.

Сыновья, отца не зная,
Вырастают, вырастают.

Ночью ветер сорвал с корнем
Дуб, достойный восхищения.
В одинокой горькой скорби
Нет тебе детей прощения.

Сыновья, отца не зная,
Вырастают, вырастают.

Сыновья, отца не зная,
Рассыпаясь твоим смехом,
Тебя дважды повторяют
На земле задорным эхом.

Сыновья, отца не зная,
Вырастают, вырастают.

За забором высоким
на крыльце, у порога,
С взглядом чистым и строгим
ты сидишь возле Бога.
За забором дорога.
Ты торопишься снова.
Там уныло, убого
возле неба немого.
Я тебя окликаю -
твои губы безмолвны.
Та дорога другая,
та дорога из молний.
Заведёт тебя в небыль,
закружит в карусели.
Та дорога из снега,
без улыбки весенней.
Та дорога навстречу
черноликому мраку.
Ты, конечно, не вечен,
ты умчишься без страха.
Без тебя мне не хватит
кислорода на сутки.
Так на что мне растратить
эти злые минутки?

Старые письма - лезвием бритвы,
Словно читасшь роман "В круге первом".
Мы проиграли со временем битвы.
Лезвием бритвы по нервам, по нервам.
Старый альбом позовет адресами,
На фотографиях светлые лица.
Плачут страницы по тем, кто не с нами.
На лицах пылится быль, небылица.
Вспомнится все в белоснежных нарядах.
Прошлое в сердце, всегда с нами рядом.

Порой невольно кажется,
Что мир вокруг мной выдуман.
С пороками, куражеством,
С бедою ненавидимой,
С трагической историей,
Богам беспощадными,
С войной за территории
И казнями площадными.
Не может человечество
Так поступать бессмысленно -
Губить своё Отечество
Порочностью немислимой.
И потому мне кажется,
Что мир вокруг мной выдуман.
Признать не все отважатся:
- Мы не живые, видимо.
Мы - мира сочинители.
Наш разум изощряется:
Опутывает нитями
Всё, что вокруг встречается.

Взгляд ускользает рыбешкой озерной.
Женщина в красном - рыбак без улова.
Гордость сложила ладони покорно.
В сети не ловится доброе слово.
Словно бы милости просит на наперти.
Сердце любимого наглухо заперто.
Женщина выложит карты на скатерти
И упадет от открытия замертво.

Письмо

Расскажи, подруга,
как твоя Америка.
Встретила ли друга
у чужого берега?
Или, как и прежде,
дружишь с кем попало ты,
Вспоминаешь реже
о своей усталости?
На исходе лета
я была на Родине.
Шлют друзья приветы,
все здоровы вроде бы.
В тополиной зелени
город уменьшается,
В промежуток времени
краткий умещается.
Школа в астрах розовых
окнами хрустальными
Смотрит в парк берёзовый,
манит снами дальними.
В детстве нашем было
множество хорошего.
Пустота уныло
меня огорошила.
И куда девались
наши одноклассники?
В формы одевались,
обожали классику.

Пруста на коленях
 прятали под партами.
Мысленно и с ленью
 изучали карты мы.
Крепость обещала
 Родина границами.
Как вдруг обнищала
 городами, лицами!
Рвали и терзали
 все её, сердечную,
Как прожить - не знали -
 годы быстротечные.
Ты - в своё жилище,
 я - в свой город каменный,
Бросив пепелище,
 ринулась с раскаянием.
Одиноко бродим
 по чужим дорогам мы.
Дети мы двух Родин.
 Пасынки у Бога мы.

Пианистке

Я приеду. Я ещё приеду.
Огонёк души вновь привезу.
Из клубочка ниточку беседы
Потяну, как паучок лесу.
Расскажу о пройденном, о снетом,
С каждым годом больше о былом.
Память щедро на исходе лета
Перепишет песню набело.
Ты откинешь крышку фортепьяно,
Как обычно, спросишь: "Что сыграть?"
Я отвечу: "Ты сыграй мне пиано
День, любовь и Божью благодать.
Ты сыграй распахнутые окна,
Шторы в зелени соседних лип.
Под дождем отцовой вишни мокнут,
В ширину растёт песочный гриб.
С фонарем под одеялом ночью
"Вия" мы читаем вчетвером.
Три сестры с подругою воочию
Видят страхи, слышат за ковром.
Ты сыграй мне озеро лесное,
Пионерский где горел костер.
Кто-то неумелою рукою
Из Отчизны островок тот стер.
Ты сыграй, как старенькая мама
У окна простуженной зимой
С выражением читает нам Хайяма.

Как давно то было! Боже мой!
Ты играй. Я, лёжа на диване,
Пошлыву волну доброты.
Ты играй. Мелодия обманет.
Молодыми станем я и ты".

Художнику

Было-было, былъем поросло.
Чертежи вечерами чертил -
Не любил ты своё ремесло,
Потому что художником был.
Я на выставку робко вошла.
Шепот, шорох и шелест листа,
Тихий шаг. Я, в душе вороша,
Узнаю нашей дружбы места.
Коромыслом у лодки весло,
В воскресенье на озере смех.
Время весело перенесло
На полотна на выставке всех.
Узнаю чуть растерянный лес,
Двое в лодке на светлой воде,
Но в картину охотник не влез,
Что разбил нашу лодку. Он где?
Узнаю мой родительский дом,
На цепи у калитки Полкан,
Мальчуган с самодельным ружьем -
Друг он твой, не охотник пока.
Вот и я. Неужели такой
Стрекозой, в оперении цветном,
Я жила на планете другой,
В измерении дальнем, ином?
Было-было, былъем поросло.
Я любила, и ты полюбил.
Нынче осень. Листву унесло...
Ты не знал, что хозяином был.

Клоуну

Надевая страшненький парик,
На манеж ты клоуном выходишь.
Зал смеяться над тобой привык,
Ты их манишь радостью, заводишь.
Этот смех меняешь на алтын,
Дочке на жемчужные сережки,
На учёбу, на пальто, на тыл...
Разменяешь сердце понемножку.
Муж старательно возводит дом,
Размышляя грустно о печальном:
- Кто огонь поддержит в доме том?
Внуки где? За поворотом дальним.
Дома дочка в свадебном венце,
В зеркалах принцессой отражаясь,
Тень морщинок ловит на лице.
Ждать ли свадьбу к середине мая?
Или снова на лихом коне
Вдаль умчится парень тот незрячий?
Расцветает девушка в окне,
Как кувшинка в озере стоячем.

Терроризм

Проза грозная, серьезная.
У Отчизны крылья срезаны.
Налетают ночью поздною
Люди черные с обрезами.
Люди тёмные отчаянно
Душат мир спокойный, ласковый,
Эти нелюди с окраины
Брызжут с неба чёрной краскою.
Куда спрятать свою голову?
Зло гадюкой жёлтой ползает,
Для солдат добыто олово,
Миномёты лают борзые.
Оловянные солдатики
Маршируют по пожарищам,
Бессловесные лунатики
С головой змеиной, жалящей.
Дома вдовы одинокие,
Неродившиеся мальчики.
А вдали дома высокие
Рушат люди из подвальных чиков.
В тех подвалах сердцу холодно,
Голова змеи там спряталась,
Без войны ей люто, голодно.
Она к ненависти сваталась.
Серебро для пуль отлито.
Из осины колья струганы...
Генералы сонно-сытые
Воют в норах перепугано.

Теряем друзей все,
Творя несуразности.
Душа в душном сейфе,
Ей всё там без разницы.
Теряем любимых,
Обидев в гордыне.
И в поздние зимы
Их помним поныне.
Теряем здоровье
Дурными замашками,
В никчёмном злословии
Завязнув мурашками.
Теряем себя мы,
Единожды сдавшись.
И вянем садами,
Листовою опавшей.

Гончар

Теплую глину мешает он заново,
Груди округлые ей формирует,
Лепит гончар совершенство под занавес,
Душу вдохнув, свое чудо целует.
Женщина спит. Он целует ей спину,
Крылья из глины рукой убирает.
Женщину лепит, а не богиню.
День обещает за яблоневым раем.
Двое в футболках из белого хлопка,
Теплая комната, розовый запах...
След телефонный протянется робко.
Азия - Запад.

К тебе подойду я без слов и без слез.
Такими бывают скелеты берез
В начале зимы. Без листвы на ветвях.
Такими бывают стихи на губах.
К тебе подойду я без губ и без рук.
Меня ты не видишь, не слышишь, мой друг.
Но ведь у тебя есть и руки, и сердце.
Сыграй же мне скерцо.

Заплачет музыкант, играющий на скрипке.
Под сенью неба темно-синего осина
Шуршит обидой на отшибе по ошибке.
Об участи иной она Его просила.
Об участи иной просила Бога вера.
Неверия колючки, как венец терновый.
Отсыпала судьба ей испытаний в меру.
С неверия начав, мы веруем по новой.
Об участи иной любовь просила Бога,
Мимозой нежной, чистой быть она хотела.
Ревнивые шипы, тоска - ее дорога.
Но мы опять идем к любви душой и телом.
Об участи иной надежда Бога просит.
Надеется, что скоро будут перемены:
Неверия печать подруга вера сбросит,
Любовь забудет о разлуке и измене.
Как жаль, Его любовь с трудом мы понимаем,
Гораздо хуже, чем слепцы письмо в санскрите.
Какие ждут нас испытания - не знаем.
Заплачет музыкант, играющий на скрипке.

Мокрый берег заморожен,
Отрешен и осторожен.
Все забыть, забыть.
Время медленно качает
Душу, что живет и тает.
Без тебя как жить?
Мотылем ночным мохнатым
О стекло ломать крыло?
Утром рыхлым и горбатым
В нечто, что меня звало?
Я уйду так, словно бы усну,
С неба в небо, душу распахнув.

Разговор горохом крошится,
Чай, качаясь, остывает,
А душа наружу просится,
Как листок из почки в мае.
За окном мелькают рощицы,
В простыне тумана маясь.
Флаг над станцией полощется,
Сизым голубем прощаясь.
Перестук колес аккордами
По сердечным инструментам

Наиграется негордыми
Переборами момента.
Незнакомая попутчица -
Для душевных кладов яма.
Может, что-нибудь получится,
Перейдет в романы драма?

Ламы в Корее друг друга колотят.
В Киеве лупят друг друга попы.
Вязнет народ за копейку в болоте,
Запах богатства поддразнит их пыл.
Бог, усмехаясь, на облаке сидя,
Смотрит на свой муравейник внизу.
Наше ничтожество с горечью видя,
Он высылает то сель, то грозу,
То снегопады на летние грядки,
То ураган на построенный дом.
Он намекает: "У вас непорядки
В глупеньком черепе вашем пустом".

Пасека

Деревня обветшала,
забытые дома,
Собаки бродят шальные.
Зима вокруг, зима.
А летом превращается
в пчелиный рай погост.
Деревня всем прощает все.
Хозяин, словно гость.
Дома из бревен струганы,
черным черны сто лет.
Забор, зимой поруганный,
белых времен скелет.
Но чудо расчудесное -
вишневый светлый сад
Зовет пчелиной песнею
на сладкий медопад.
Добытый из омшаника,
гудит пчелиный рой
Над скалами с лишайником,
с малиновой горой,
Над липовыми рощами,
над ключевой водой.
А будь немного проще мы -
вернулись бы домой.

Взгляд пушистый, махровый,
как пчелиный укус.
Для любви бестолковой
ложе строил Прокруст.
Алый мак - это проза,
окропившая сад.
А любовь, как заноза.
Оглянувшись назад,
Вижу жало, но поздно
отмахнуться рукой.
Я в печали бесслёзной
прошепчу: "Бог с тобой".
У любви бестолковой
нет романтики чар.
Поглощает суровый
и незрячий пожар.
Из неё головешкой
на погибшей траве
Поживу я немножко.
Ни ему, ни себе
Не останется веры.
В голове полумрак.
У любви нет ведь меры.
Где, кто, с кем - всё пустяк.

У меня муж суровый. Суровые
Люди те, в чьей округе живу.
Продалась за колечко грошовое,
А теперь по течению плыву.
Камышами шуршит одиночество.
С иностранцами сложно дружить.
Называюсь по имени, отчеству,
Не хочу я ничем дорожить.
Чужды мне непонятные разговоры,
Струны рвутся от песен чужих.
Продалась за колечко грошовое.
Будни колются, словно ежи.
Торопливое время укатится.
Я привыкну, скучая, стареть.
Бесполезно в содеянном каяться -
Мне картину судьбы не стереть.

Как жалобно в саду тоскует осень!
Поникли темноглазые ромашки,
На небе облаков скуная проседь
Размазала природные промашки.
От флоксов пышногрудых ароматы -
Пьянящий рай для робких ос-нектарниц.
У вялых яблочек привкус теплой ваты,
У осени прощальный желтый танец.
"Сезам, Сезам, откройся, - говорю я, -
Секреты увядания поведай".
Под яблоней усталой я, горюя,
Любуюсь горькой осени победой.
"Сезам, Сезам, откройся, выдай тайну:
Зачем приходят в мир Его создания?
Зачем Он наградил меня случайным
О краткости мгновения тяжким знанием?"

Куда бежит муравей?
Куда спешит паучок?
Куда летит воробей?
Куда идет старичок?
Известно, известно!
Неинтересно.
Куда стучат поезда?
Куда плывет теплоход?
Куда упала звезда?
Куда парит самолет?
Известно, известно!
Неинтересно.
Куда отправится дух,
Когда заставят молчать?
Вопрос сей горький я вслух
Успею едва прокричать -
Закончится песня.
Как всё интересно!

На стихи Ошанина
вновь поют о Волге.
Он опять вышагивал
с васильками к Ольге.
Он просил о малости -
погулять беспечно.
У природы шалости
от порога в вечность.
Ольга не приветила,
лучший друг был в армии,
Она не заметила
васильков у парня,
Она не увидела
ту печаль, кручину,
Что рождает, видимо,
слабого мужчину,
Что рождает, видимо,
нитку бесконечную -
Те, кого обидела,
обижают встречного.

За звонком неутомонным
От начала дня
Голос твой по телефону:
"Ты прости меня".
За звонком живая сила,
Божья благодать.
Я тебя давно простила,
Перестала ждать.

Нет таинства в любви без ответа,
За болью наступает тишина.
Закрыла я дорогу в наше лето,
Польиное вино испив до дна.
По Млечному пути дойдя до края,
Завязнув в паутине долгих лет,
Я к встречному ушла, не выбирая,
Надолго потеряв любимый след.
Но вдруг звонок - тот голос позабытый
Доносит телефонный ангел мой:
- Я одинок, а дверь моя открыта.
Мне только ты дарована судьбой.

Эскиз

На рояле он играет
романтично джаз.
Сердце сладко замирает:
"Обожаю вас".
Одуванчиком пушистым,
с тонким стебельком,
Голова у пианиста,
руки - мотыльком.
Саксофон тягуче
тянет ниточку души.
Возле стойки в ресторане
падают гроши.
В темной нише незнакомку
пригласят на вальс.
Шепот в музыке негромкой:
"Обожаю вас".
Обожают пианиста.
Обещанием - вздох,
На глазах слеза лучиста.
Остальное - вздор.

Пьяная пиано читала стихи,
Пьяная рано считала грехи.
Не позабылся осенний мотив.
Берег накрылся. Вновь лунный прилив.
Волны накатят. Шуршащей рукой

Берег разглядят, даруя покой.
Будут шептать губы: "Солнце мое".
Голос голубою песнь напоет.
Волны накатят и снова уйдут.
Вечно нас трое. Где мой приют?

У любви милости
просил.
На заре вновь снилась ты.
Прости.
У любви в недругах
жалоба.
На моих - твоя рука.
Палуба.
За бортом река в слезах
радугой.
Загляни в мои глаза.
Я другой.
У любви я в долгу,
как цветы.
Без тебя я не могу.
Только ты.

Когда ты уехал,
я звонко смеялась,
А долгое эхо
вернуло мне плач.
Мои телефоны,
как ночи, сменялись,
Молчал всегда сонно
твой номер - палач.
Когда ты вернулся -
кривила я губы.
Меня ты коснулся -
луной поплыла.
Я помнила злобу.
Стал нежным, не грубым.
Надела на пробу
два белых крыла.
О дивное диво -
летаю над морем!
Ты смотришь правдиво,
даруя покой.
Алмазом осело
то горькое горе.
Послушное тело
летит высоко.

На пианино засохший букет,
Желтая чашка, мамин портрет,
Тени двоих на оконном стекле,
Старая лампа на круглом столе
Светом случайно лизнула диван.
Он на фоне подбирает романс,
Клавиши - ребра ласкает рукой,
Льется мелодия белой рекой.
Тени на окнах - театр теней,
Ель за окном в новогоднем огне.
Он напевает слова - кружева:
- Живы мы оба. Я жив. Ты жива.

Люблю.
Весну я люблю.
Весенней травой мое солнце люблю.
Люблю.
Я лето люблю.
Плодами горячее солнце люблю.
Люблю.
Я осень люблю.
В дождливости осени солнце люблю.
Люблю.
Я зиму люблю.
Морозной зимой мое солнце люблю -
Тебя.

Наплела намедни ворожея,
Что один за дальним рубежом
Целовал голубу в белу шею.
Одному вдали нехорошо.
Утону в его глазах-миндалях,
Провалюсь, как в черную дыру.
Что голуба, что мне эти дали?
Я однажды на его руках умру.
Провода завяжут в косы космы.
Телефон нас связывает пусть.
Пусть пока нас связывает космос.
Я его когда-нибудь дождусь.

Романтическим настроем
Пусть поэты наслаждаются.
Нас с мечтой и мыслью трое.
Больше нас не ожидается.
Греет дактилем поэт ум,
Амфибрахией, хореем.
Не поэт я, и поэтому
Я мечтой себя согрею.

Ей наворожила
старая колдунья
Друга у порога
и мешок грехов.
Все разворошила -
хлопотала втуне.
Выстлала дорогу
для ее стихов.
Сломанной игрушкой
женщина с тетрадью
Обвенчалась с буквой,
заглушив порыв.
Слезы на подушке,
музыка по радио.
Ни грехов, ни друга
до седой поры.
Слюдяные крылья
шерстяного шмеля
Занесли на розу
в пурпуре росы.
Облаками плыли,
наслаждаясь хмелем,
Сочинитель прозы
и женщина - весы.

Со словами в чехарду
поиграю вечером.
Рифму для тебя найду,
когда делать нечего.
Если скажешь: "Для тебя
я звезду достану".
Рифмой будет: "Я, любя,
ждать не перестану".
Если скажешь: "Навсегда
у тебя останусь".
Рифма - там у них беда,
ты двуликий Янус.
Аргумент у рифмы веский -
не люби соседа.
У него в чулане детских
два велосипеда.

Когда-то был он искренним,
Когда любил неистово.
Потом он стал воинственным.
Забыл, что он любил.
Цедил сквозь зубы: "Глупая".
Бросал слова ей грубые,
Не звал ее голубою.
И он ее убил.
Вели слова те злобные

Ее на место лобное.
Дитя в толпе заплакало,
Она слезой укапала.
Костер любви остыл.

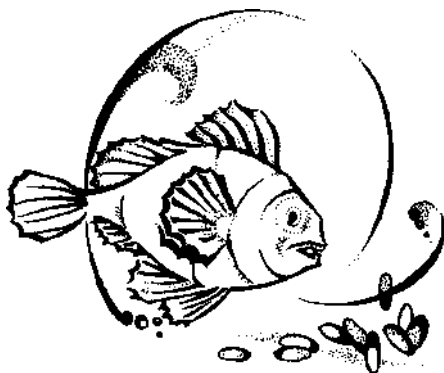
Под ногами ветки с хрустом.
Старым парком город дышит.
На аллеях листья грустно
Сочиняют ветру вирши,
В оркестровую ракушку
Залетают на площадке.
Село солнце на макушку
Каруселевой лошадки.
Променадом наслаждаясь,
По аллее идут двое.
Жили, счастья ожидая,
Ты, да я, да мы с тобою.

Испещренная солнцем тропа,
Тени леса, застывшие камнем...
Одиночество - это судьба,
Что дарует гордыни рука мне.
Что забудешь меня - не клянись.
Разве солнце свое позабудешь?
С полдороги слегка обернись,
Может, спящее сердце разбудишь.
Исказилась во множестве глаз
Сочиненная лживость театра.
Твое теплое имя сто раз
Повторю, как священную мантру.
Что взлетишь высоко - не клянись,
Без меня ты крылатым не будешь.
Уходя в никуда - оглянись.
Разве солнце свое ты забудешь?

Рыбку, рыбку золотую
В шелковистой лёгкой дымке
И с печальными глазами
Я нечаянно поймала.
Отпустила я в родную
Её реку там, где льдинки
Разрисованной мозаикой.
Три желания загадала.
Первым делом я хотела
Петь, чтоб радовались люди,
Во-вторых, рукой умелой
Рисовать волшебно будни.
В третий раз совсем несмело
Попросила я о чуде:
- Знать хочу о том, что было,
И о том, что только будет.

А в озерной воде рыба плещется,
То подпрыгнет, то вниз ускользнет.
Ей полеты по небу мерещатся,
Принимает прыжок за полет.
Идя бродом с тяжелыми бреднями,
Ловят рыбу с утра рыбаки.
Засыпает, с нелепыми бреднями,
Эта рыба в песке у реки.

По капле выжимает осень лето:
Из яблок - сок, из неба - бирюзу,
Из строк полузабытого сонета -
Непрошеную светлую слезу.
По капле вынимает душу зрелость.
До белых снегопадов полшага.
И мы, подрастеряв былую смелость,
Принять готовы милость от врага.
По капле вынимает сердце старость.
Салют не будоражит новизной.
А встреча с однокурсником - подарок.
А что потом? Потом покой, покой...

Мелодии засеяны
на джазовой волне -
Волной морской рассеянно
прошли, застряв на мне.
Успела я, успела я,
успела полюбить
Ранетки переспелые,
возможность просто жить;
Распахнутые душами
родных друзей дома,
Где пульс земной мы слушали,
порой сходя с ума;
Дождливыми потоками
умытый летний лес,
Что стражником под окнами
поднялся до небес;
Обыденность привычную
и суету сует,
И жизнь сугубо личную
с любимым много лет.
Еще понять сумела я,
как хорошо любить
Все хрупкое, несмелое
в волшебном слове "жить".
Успела я, успела я
пройти земной тропой.
И много песен спела я!
А ты свои пропой.

Ты напрасно вспоминаешь имя Бога,
Умоляя вернуть ушедший рай.
Докричаться до него - удел немногих.
Отдавать долги пришла тебе пора.
На земле среди цветов в лесах дремучих
Раздается ярких птиц душевный хор:
"Рай земной под небом синим - самый лучший".
Неужели ты не понял до сих пор?

ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

Алфавит

Апельсин, арбуз, айва -
Аппетитные слова.

Белит бревна брат бобер.
Браво! Белым стал забор.

Вдруг волшебное виденье -
В ванне варится варенье.

Глянь, гусыня с гусакom
С горки грохнулись гуськом!

Добрый друг дошел до дома.
Добряка дразнили гномы.

Ежевику ел енот.
Есть еда - не лезет в рот.

Ёж от ёлки ёжится,
Ёрзает и ёршится.

Жаба желуди не жалует.
Жбан желе жуку пожалует.

Завтра засветло зверек
Злак запрячет в закуток.

Иней избы изрисует,
Иглу иглами спрессует.

Нью-Йорк, Йошкар-Ола.
Мало слов на Й. Дела.

Козлик кинулся к котенку.
Крякнув, кот куснул козленка.

Лупоглазый львенок ладный
Льет на лук морс лимонадный.

Мошка - мелкая мошенница,
Может мучить всех, не ленится.

Надкусил нос натоцак
Ночью неслух. Вот чудак!

Ослик очень огорчается -
Обезьянка обзывается.

Петушок пустился в пляс,
Пухом публику потряс.

Раки робко речку роют.
Рядом дом русалки строят.

Смесь соленого со сладким
Сом считает слишком гадким.

Толстокожий тупогуб
Терпелив, тяжел и туп.

Укусил улитку ужик.
Ужас, ужас! То - не ужин.

Филин фыркал: "Фу, фотограф!"
Фрак надел и дал автограф.

Хомячок - хозяин хитрый,
В хлеве хлеб хранит в корыте.

Целый центнер с "Ц" цукат
Цапли прячут от цыплят.

Чаща чаще, через час -
Чудо. "Ч" чихнет на вас.
Шла шалунья по шоссе.
"Ш" с шутком плелись в конце.

Щедро шуку щекотали,
Но напрасно чуда ждали.

Твердый знак "Ъ" и мягкий знак "Ь"
С "Ы" не сдружатся никак.

Эра, эхо, эрмитаж -
Это с "Э". Эх, весь этаж!

Юркий юнга встал на ют.
"Ю" нашел уют у юрт.

Я на ярмарке Ягу
Ясно видел наяву.

Ленин друг

Это друг мой - добрый робот,
Вот глаза, вот рот, вот ушки,
Длинный нос похож на хобот,
Есть антенна на макушке.
Я ему стихи читаю -
Улыбается машина.
Мы друг друга понимаем,
Он - мужчина, я - мужчина.
Угощу его обедом -
Кашей манной и "Растишкой".
Расскажу ему секреты.
Тетя спорит. Это слишком!
Говорю я своей тете:
- Включим шнур сейчас на пробу.
Почему его зовете
Пылесосом? Это робот!

Домики

Бархатистый черный крот
Вырыл норку у ворот.
У жука изба в коре,
У улитки - на спине,
У собаки - в конуре,
У змеи - на старом пне,
У бельчонка дом в дупле,
У мышонка - под горой.
Все устроились в тепле,
Все бегут домой, домой.

Только маленький рачок
Позаимствовал чужой.
Рак - отшельник, чудачок,
Лучше домик свой построй!

Кошка

Знакомая кошка смотрела в окошко.
На ушках - сережки, на фартуке - брошка.
Красивая кошка! Ты веришь немножко?
Так Белла ее нарядила.
К бабуле на ужин водила.

На елке за шишкой - мышонок- плутишка.
Купила за дешево мышонка хорошего
Знакомая кошка. Ты веришь немножко?
Так Белла ее научила.
С собой по базару водила.

Кот

Кот надел на уши
Старые бабуши,
Натянул на пятки
Красные перчатки.
Сел на подоконник.
Ждет, когда поклонник
Принесет - положит
Мышку на ладони.
Сам ловить не может.
Дробно дождь долдонит:
- Ты в уме, котище?
Растолстел от лени.
Тот найдет, кто ищет,
А не лени пленник.

- Белочка Беллочка, где твоя шубейка?
- В желтенькой шубейке скачет канарейка.
- Белочка Беллочка, где твои сапожки?
- В красненьких сапожках убежала кошка.
- Белочка Беллочка, где твои штанишки?
- Синие штанишки подарила мышке.
- Белочка Беллочка, где твои игрушки?
- Я свои игрушки прячу под подушкой.

Любовь-морковь

- Не бросай меня в терновник,
Буду пайнкой,
Умоляю, лис-садовник, -
Просит зайчика.
Отчего война с соседом?
Не воруй морковь.
Понадешься в суп обедом.
Вот и вся любовь.

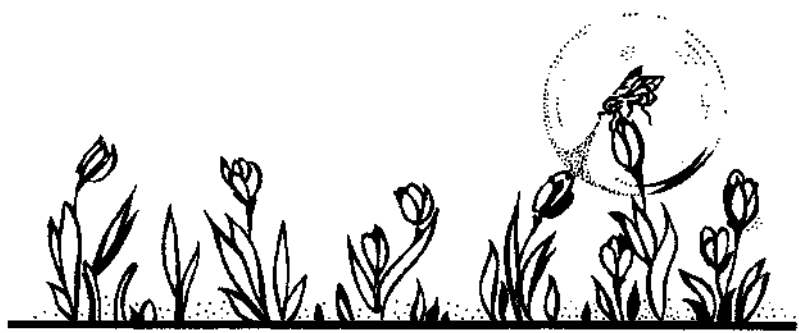

В глаз попала чепушинка,
Щекотала рот и нос.
Почему не спит смешинка
На уроках? Вот вопрос.
На девчонкины косицы
Приземлился самолет.
На меня она косится,
А записку друг мой шлет.
Я ее еще ни разу
На коньках не покатал,
А учитель двойку сразу
В дневничок мой накатал.

Проза

ВТОРОЙ КРУГ

Класс

У министра Сафина жена была русская. Близняшек назвали Альбина и Полина. У одной в паспорте значилось Сафина Альбина Мидхатовна - татарка, у другой - Сафина Полина Михайловна - русская. Позже Полина стала Селивановой, а Альбина никогда не меняла фамилию. Никогда. Только отчество, мать дала им отчество деда.

Различить девочек было невозможно.

При разводе детей почему-то не стали делить, жена увезла их в маленький провинциальный городок к матери, поклявшись, что никогда не покажет бывшему мужу.

У Шурочки игрушечные ушки, на шее кудрявый завиток под кудрявым маленьким хвостиком. Она сидит за первой партой с прямой спиной отличницы в черном кружеве фартука и белом кружеве воротничка. Она и есть отличница. Если Шурочка повернется лицом к окну, Оля увидит ее кукольное личико с синими глазами в половину лица, кудряшки на лбу, словно уложенные талантливым парикмахером. Но Шурочка не поворачивается, а Оля без того знает, что это самая симпатичная девочка в их десятом "Б". Рядом сидит странный маленький Ярослав. Почему странный? Зануда и зубрила умеет играть на гитаре и поет песни Высоцкого. По отдельности это может существовать, но вместе - походит на чай с солью и сахаром.

Полина и Мила за второй партой тихо перешептываются, мимолетными движениями касаясь друг друга, как попугай-неразлучники, чистящие перышки. Альбина сидит за Олей у окна, рядом с ней Орлов. Поворачиваться спиной к учителю девушка не рискует, опять химичка скажет:

- Шаронова, амуры после уроков, а сейчас к доске.

Справа за четвертой партой шмыгает носом Самусев Коля, у него нет носового платка, он осторожно наклоняется над тетрадкой и сморкается в промокашку.

Оля на него смотрит, а он смотрит на тетрадь без промокاشки.

Что в нем нашла Мила, Оля не понимает, тайком разглядывая квадратное лицо, словно вытесанное из камня; такой портрет есть у Пикассо в период кубизма. Коля баскетболист, выше его только Деревянко из десятого "А".

У доски Галя Чемоданова. Она барабанит домашнее задание, вытаращив глаза. Можно открыть учебник и проверить - рассказывает слово в слово, словно читает по книге.

Оле становится скучно, она поднимает руку:

- Можно выйти?

Получив разрешение, лениво поднимается, мельком бросив взгляд на Женю, идет к двери, чувствуя, как он провожает ее глазами.

В коридоре большие часы показывают, что до конца урока осталось немного, можно не возвращаться в класс. Девушка идет в пионерскую комнату, где на столе лежит новая школьная газета, начинает докрашивать заголовок. После уроков Оле надо еще немного поработать, и газета будет готова.

В комнату заглянула взбудораженная пионервожатая:

- Хорошо, что ты здесь. Надо срочно близняшек спрятать, мать попросила. Одну я заберу, а вторую отведи в спортзал, там сейчас пусто, - говорит она на ходу, торопливо направляясь в класс. Оля бежит за ней, заинтригованная таинственной игрой в прятки, но пионервожатая не собирается отвечать на вопросы.

Альбина в школе была Алей, о вывертах с отчествами и нациями мало кто знал. Она послушно шла за Олей, растерянно озираясь по сторонам, на вопрос одноклассницы ответила одним словом "отец". Оля заперла ее в спортзале, вытащила из замочной скважины большой ключ, пошла обратно и около кабинета литературы встретила солидного мужчину в серой тройке.

- Девочка, ты не знаешь, где сейчас Сафины? - спросил он, когда Оля взялась за ручку двери.

- Они не приходили сегодня на уроки, - сказала девушка, вертя ключ в руке, и мучительно покраснела.

Мужчина улыбнулся по-доброму и сказал:

- Не переживай...

Потом Аля просила рассказать о встрече подробно, Оля доходила до последней фразы: "Не переживай", одноклассница просила повторить:

- Как он сказал?

- Не переживай.

- Нет, я не о том спрашиваю, какое у него было лицо?

- Грустное, ему было очень грустно, - Оля не помнила, какое лицо у мужчины, но Але хотелось услышать, что ему грустно.

Грустно было Оле.

По четвергам Оля ходит в изокружок во Дворец пионеров. Она давно не пионерка, но ходит в мастерскую Дим Димыча, это самая важная часть ее жизни. Когда девочка училась в четвертом классе, в Индию отправили три картины с городской выставки детских рисунков, среди этих работ одна была Олина. Дим Димыч круглый, румяный, с копной длинных седых волос. Он всегда улыбается, шутит, гладит учеников по голове и говорит хорошие слова.

- Вы, наверное, братья, - говорит он двум ребяташкам, которые с обожанием глядят на него. - Фамилии у вас одинаковые: Петухов и Кочетков.

С Робертом и Олей художник занимается индивидуально, он говорит им:

- Вы - мои дети, моя надежда.

У девушки хорошо получается графика, у Роберта все получается хорошо.

В углу мастерской у вешалки стоят большие старомодные туфли, художник ходит в домашних тапках без задни-

ков. Дети рисуют натюрморт. На зеленой ткани, небрежно брошенной на стол, стоит композиция с деревянной вазой, около которой лежит засушенная ветка рябины. Композиция девушке не нравится, она разглядывает мертвую с прожилками вазу на фоне окна, думает о дереве с круглыми листьями веселого зеленого цвета, которое сбрасывает по осени семена-парашюты, неизвестно где теперь пустившие корни; с дерева мысли переключаются на Алю.

Оля рисует вазу на фоне окна, похожую на девичий стан, и думает о случившемся сегодня:

- Почему Але нельзя видеть отца? Он совершил преступление? Этого не может быть, он не похож на преступника, больше - на директора школы.

Девушка еще не знает, что бывает тихое преступление, за него не судят, но оно причиняет невыносимую боль. Имя этому преступлению - предательство.

Близняшки, как барометр класса, врозь тихие скромницы, вместе представляют силу, с которой считается каждый, не понимая причину. Они не влияют на погоду в классе, а создают ее.

В прошлом году на классном часе обсуждался вопрос о летней работе, возможность поехать на южные плантации собирать арбузы будоражила сердца девятиклассников, перспектива наесться арбузов вдоволь, вгрызаясь в сочную сладкую мякоть зубами, невероятно привлекала своей доступностью.

- На юг едут отдыхать, - тихо сказала Поля.

Услышали все, притихли, словно сморозили несусветную чушь, аккуратно соскользнули на обсуждение пропусков занятий. А легком поехали отдыхать в Киев, не все поехали, только некоторые. Удовольствие недешевое.

Близняшки отдыхали в Сочи.

Уроки литературы Оля обожает, она выпрямляется на-

гнутой струной и начинает звенеть. Евгеша вываливает на учительский стол альбомы с иллюстрациями. Коля с Жесей кнопками прикрепляют картину Марка Шагала к доске. На фоне неба летит женщина, держась за руки за крепко стоящего на земле мужчину; включается допотопный проигрыватель, с шипением донося до притихших учеников далекий голос Ахматовой.

Оля погружается в манящий мир искусства, где ей обязательно найдется место, не последнее место. Она с жалостью смотрит на хрупкую учительницу в мелких светлых кудряшках, разлетающихся веером при стремительных движениях.

- Ты стала только учителем, как это, наверно, скучно, а могла бы...

Кем могла бы стать Евгеша, Оля так никогда не додумает. Повзрослев, она поймет, что Евгеша была Учителем от Бога, десятому "Б", в котором все умели писать стихи, любили Вертинского и Баха, невероятно повезло, что на их пути был такой Учитель.

- Лучшее сочинение у Шароновой. Читай сама, от твоего почерка у меня голова болит, - говорит учительница, протягивая тетрадочку.

Оля читает, класс затихает. У нее всегда лучшее сочинение. Она пишет их всем желающим, Евгеша говорит: "Узнаю руку Шароновой", и ставит две оценки: четверку - хозяйке тетради и пятерку - никому.

- Фуонг, Пайл, Фаулер, - перечисляет учительница, повернувшись к окну, загораживаясь от солнца ладонью, добавляет, - Вьетнам...

- Ура! "Тихий американец" Грэм Грин", - Оля тянет руку, но спрашивают Таню, а Мила огорчается - опять не ее спросили. Вся Олина компания читала эту книгу, сегодня повезло Тане, соседке по парте. Компания - это близняшки, Мила, Таня. Правильнее было бы сказать - компания близнецов, они негласные лидеры. У нее есть фотография, где

три девушки улыбаются фотографу, а с двух сторон стоят близнецы со строгими лицами, словно родители, охраняющие детей.

Шурочка раздает классу листочки. Оле достаются строки:

Белая роза дышала на тонком стебле.

Девушка вензель чертила на тонком стекле...

Брюсов, Валерий Брюсов, никаких сомнений. Оля заглядывает в Танин листочек:

Слух чуткий парус напрягает,

Расширенный пустеет взор,

И тишину переплывает

Полночных птиц незвучный хор.

"Господи! Как же красиво!" - Оля знает наизусть это стихотворение, дальше будет:

Я так же беден, как природа,

И так же прост, как небеса,

И призрачна моя свобода,

Как птиц полночных голоса...

Автора пока никто не сумел вычислить, листок вновь и вновь ходит по классу, озадачивая и рождая светлую грусть.

- Математики вы или нет? Уравнение с одним неизвестным решить не можете, - подтрунивает Евгений. Девушки перерыли кучу литературы, но отыскать это стихотворение Осипа Мандельштама Оля сумела лишь в университете, полюбив музыку поэта на всю жизнь.

Ближе к концу урока Евгения всегда говорит одно и то же: "Учебник без меня прочитаете", - и начинает рассказ. Интересный рассказ с тремя неизвестными, поиски которых начнутся сегодня же. Надо узнать: кто автор, как называется произведение, чем заканчивается.

Десятый "Б" - второй экспериментальный класс в городе с углубленным изучением математики. Первый - десятый "А". Год назад Мила принесла подруге новость:

- Я прошла по конкурсу в математический класс.

- Что за класс, с чем его едят? - Оле было немного обидно, что что-то важное прошло мимо нее незамеченным.

- Во второй школе. Желающих - море, поэтому открыли два класса, меня папа подготовил.

Милин папа преподает математику в соседней школе. У Оли пятерка по этому предмету и светлая голова, она об этом знает, очень хочется попасть в класс, но уже второе сентября. Четвертого сентября Оля Шаронова сидит за третьей партой у окна в этом классе. Устроил все папа - золотая рыбка семьи, умеющая исполнять желания.

В начале ноября Оля принесла домой дневник с двойкой по физике за четверть и привела буксир - маленького Ярослава, которому поручили вытянуть девушку из болота. Ситуация обескуражила всех. "Досочинялась", - сказал отец, нанял репетитора и посадил дочь под домашний арест до появления твердых четверок, перемежающихся радостными пятерками. Оля поняла, что в этом классе придется серьезно учиться, услышанного на уроках недостаточно. Стала читать книги, которыми увлекались в основном мальчики - Ландсберг, Винер.

Неожиданно для себя девушка обнаружила, что ей интересно.

После уроков идут к Тане и едят столовыми ложками черную икру из трехлитровых банок, потом садятся на крыльцо около буйно цветущих пионов и делают уроки. Танина мама выносит пышки, посыпанные сахарной пудрой, компот из яблок.

Девушки тихо шепчутся, Оля рассказывает про Женю, она всегда говорит о нем. Высокая, крепко сбитая Таня занимается баскетболом, мальчики ее не интересуют.

Над кроватью в ее комнате висит Олин портрет.

- Где ты взяла такую хорошую фотографию? - удивилась она, когда впервые вошла в комнату.

- Похожа на тебя, правда? - с улыбкой спросила Таня. - Это гимнастка из Германии, я в журнале нашла.

Девушка подошла ближе к портрету, действительно, это была вырезка из журнала.

Потом Таня провожает Олю, они идут по узкой пыльной улочке с пышной зеленью мимо частных домов, утопающих в яблоневых и вишневых садах. Они идут, как Тарапунышка и Штепсель, крохотная Оля с ладной фигуркой гимнастки и Таня, высокая сильная девушка с разноцветными глазами на миловидном круглом лице: один глаз у нее карий, а другой зеленый.

Дома ждет грустный Ярослав. Он приходит каждый день, приносит книги, раскладывает их на столе и начинает решать задачи. Девушке давно уже не нужна его помощь, но он не мешает, как не мешают старые игрушки - пользы от них никакой, а выбросить жалко.

Для того чтобы осмыслить свои визиты, юноша приносит гитару и учит Олю играть.

Сегодня он читает книгу из папиной библиотеки. Оля подходит к столу и садится рядом. Шаркающими шагами в комнату входит бабушка, начинает переодеваться у большого шифоньера.

- Бабушка, у нас Ярослав! - в ужасе восклицает девушка.

- Ой, я забыла, - говорит бабуля, прячась за дверку, - смотри, всех твоих женихов отобью.

Девушка смеется, а друг, улыбаясь, берет гитару и пересаживается на диван.

Вскоре бабушка зовет к столу. Оля кричит из комнаты, где трехметровые потолки съедают половину слов:

- Не хочу, я икру ела!

- Опять икру, ну фантазерка, говорит бабушка, наливая в три тарелки дымящийся суп.

- Правда-правда, бабулечка, Танин брат присылает.

- Что за брат такой? - ворчит бабушка.

- Он на консервном заводе работает. Завод на корабле, а корабль в Северном море.

Оля за компанию садится за стол. Ярослав ест неторопливо, потом хлебом вытирает тарелку и съедает хлеб. Девушка фыркает, но маленький одноклассник обладает удивительным характером: он всегда поступает так, как считает нужным, не оглядываясь на мнение окружающих. Она чувствует, что в этом молчаливом парне скрыта сила, лежащая свернутой пружиной до поры до времени.

Вечером девушка провожает одноклассника через парк почти до дома. У выхода из парка высится здание Дворца спорта с огромным гимнастическим залом, с черными матами, выложенными в длинный ряд, на которых так радостно получается сальто.

После тренировки девушка идет в кино с Орловым. Он держит ее руку во время сеанса; рука теплая, подушечки пальцев слегка примяты, как у всех, кто долго играет на пианино. Оля не всегда запоминает фильмы. В подъезде ее дома они долго прощаются, Женя наматывает на палец прядь ее волос, наклоняется к ее щеке, щекочет ресницами. У него длинные ресницы, выдерживают шесть спичек. Каждый раз они долго молчат, потом юноша решается и целует ее.

Мила просит написать сочинение. Оля думает, рисуя круги в тетради, пока подруга моет полы на освещенной солнцем веранде с подвижными тенями дикого винограда на стенах.

- Ты знаешь, кто нравится Поле? - спрашивает Мила, убирая мокрыми руками выбившуюся из платка прядь светлых волос. - Женька!

- Врешь!

- Правда, я знаю это совершенно точно.

- Она сама тебе сказала?

- Нет, но я знаю это совершенно точно.

Оля сидит над тетрадью, переключившись мыслями на Женю. Поля ее не интересует, она похожа на книгу, которую почему-то не хочется читать: ироничная, прохладная, закрывая. Аля совсем другая, она теплая. Сестрицы не хотят походить друг на друга, отыскивая разные жизненные пространства, разные одежды, разных друзей. На дни рождения им дарят всегда разные подарки. Что Женя думает о Полине, неизвестно, лучше бы он о ней вообще ничего не думал.

- Поедем вместе в Москву поступать, - предлагает Мила, - я в театральный пойду.

- Нет, меня родители не отпустят. Я хотела бы в Суриковское училище, но в прошлом году там двадцать пять человек на место было, боюсь потерять год.

- А куда пойдешь?

- В училище искусств на живописное отделение. Правда, папа против, говорит, что пока жив - даст мне высшее образование, потом могу хоть маляром работать, - Оля легко рассмеялась, не подозревая, что ей не суждено стать художником. В день вступительных экзаменов в училище около аудитории состоится короткий разговор, изменивший Олино будущее бесспорно.

- Что ты тут делаешь, папа? - испугалась Оля, тайком сдавшая документы и рисунки в приемную комиссию училища искусств.

- Что ты тут делаешь? - переспросил любимый папочка, делая ударение на слово "ты". - Твои документы я отнес в университет на филфак, иди готовиться к экзаменам.

Оля чистит старинное кольцо с сапфиром после нашатырного спирта и зубного порошка тонкой иголкой. Камень сверкает глубокой синевой. Она примеряет кольцо, которое ей чуть великовато, подносит к глазам, любуется невероятной красотой. Затем вновь мажет его приготовленной смесью. Але оно тоже велико, девушка надевает драгоцен-

ность на указательный палец, выставляет руку вперед, разглядывая бабушкин подарок. Ладонка у одноклассницы узкая, ногти длинные. Мила говорит, что это признак породы, прадед близняшек был графом, Аля рассказывает ей свои секреты, а Оле - нет.

- Некрасивые люди некрасивы от лени, - продолжает Аля, берет лист бумаги со стола, карандаш и рисует маленький круг:

- Смотри, в этом круге красота.

Рисует большой круг вокруг маленького, обводит его красным карандашом, с силой нажимая на бумагу так, что появляется дырочка.

- А это граница, которую прорвать очень трудно, с внешней стороны лень. Надо каждый день себя заставлять бороться с ленью, чтобы добраться до центра.

Аля борется. Близнецы не ходят в спортивные секции, танцевальный кружок, им интересно только в литературном. Тем не менее они красиво танцуют, у них легкая походка, голова гордо поднята, спина прямая.

Олина мама считает, что девочек учит балетному искусству бабушка.

- Надо подниматься по лестнице, когда тебя никто не видит, как королева, - учит подругу Аля. - Ты не обращала внимания на Милу, она красивая, похожа на Ассоль.

В Милу переименовали Люсю близняшки, после чего девушка перестала слышать старое имя, приучив всех, кроме отца. Отец называет ее по-прежнему полным именем Людмила, никак иначе.

Второй сестре подарили кольцо с топазом, но Оле не удается разглядеть подарок, с Полей они редко разговаривают.

С Алей они разговаривают постоянно, иногда на уроках, за что часто попадает; Оля поворачивается к подружке, получает замечание. Классная руководительница Вера Тагировна стыдит девушек после уроков. Она действитель-

но классная - строгая, неподкупная, справедливая, после двойки за четверть по ее предмету Оля побаивается физички, но уважает.

- Мила хочет стать актрисой, а ты кем? - спрашивает Оля.

- Я буду жить в Москве.

- Москва - это не профессия.

- Я в Москве буду жить, - говорит Аля, - там посмотрим.

У нее много родственников в столице, которые живут в больших собственных домах в центре в каком-то хитром микрорайоне, Оля видела фотографии. В Москве она была в прошлом году проездом, город представляется ей иностранным государством, где все чужое: лица, шумные пугающие улицы, вокзалы - можно потеряться навсегда.

Они говорят о чем угодно, только не о мальчиках, у них не настолько близкие отношения. Девушка подозревает, что у Али ни с кем не могут быть очень близкие отношения.

- Почему все время зеваешь?

- Не выспалась, - со смехом говорит Оля, - ночью с Ярославом ходили на НЛО смотреть.

Об этом можно рассказать, это не сердечная тайна. Она живописует ночное приключение. Под утро девушка соорудила куклу на своей постели и выскользнула во двор, похожий на колодец. В городе всю неделю говорили о светящемся объекте, блуждающем за частным сектором около загородных садов. Туда они ходили с Ярославом, но ничего таинственного не встретили, только одноклассник сирень в чужих садах воровал, вот она, на столе. Мама не спала, прождав дочь до утра во дворе, но не ругалась, только сказала, что чуть с ума не сошла. А вот про Женю она никому не расскажет, даже Тане. У них едва не изменились отношения, но решили отложить опасные игры до свадьбы.

- Ты, наверное, сразу замуж выйдешь после школы, -

полувопросительно говорит Аля. - Люди, у которых имя и фамилия начинаются на одну букву, становятся обычно знаменитостями.

- Чарли Чаплин, - смешинка попадает в Олин рот.

- Не обязательно Чарли Чаплин. Например: Мэрилин Монро, Мерей Матье, Грета Гарбо.

Оля мысленно смакует волшебные звуки - Ольга Орлова.

Женя, Женя. Он предложил поступать в Омск. Есть ли там училище искусств?

Миле хочется гулять по улице Песчаной. Оля знает, что на этой улице Колин дом. У него старенькие родители. Случайно девушка узнала, что они его усыновили, когда дочь бросила ребенка и уехала в неизвестном направлении. Мама приказала Оле заклеить рот и никому об этом не говорить. Не говорить трудно, но это чужая тайна.

Обсуждают платье на выпускной вечер. Мама вяжет кружева для Олиного платья, тонкие, нежные; получится чудесная вещь. Мила живет только с отцом, ее родители недавно разошлись, тетя Лера приходит к Олиной бабушке и жалуется на бывшего мужа, Милин отец тоже приходит в гости, но никогда ни на кого не жалуется, пьет чай и тихо улыбается. Они все родственники, девочки считают друг друга сестрами. Мила о своем платье не хочет рассказывать, многозначительно возводит к небу миндалевидные глаза. Может, она действительно красивая? Оля внимательно разглядывает тонкий носик с небольшой горбинкой, бледное лицо в обрамлении не очень густых волос, слегка полноватую неспортивную фигуру в старой мешковатой школьной форме и не видит в ней Ассоль. В детстве она была симпатичной куклой с толстыми белыми косами, особенно в красном платье в белый горошек, что случилось с ее волосами - непонятно. Мила постоянно болеет простудой, гриппом, воспалением легких - не перечислить всех

напастей, они сыплются на девушку как из рога изобилия. Оля еще не знает, что некоторые цветы поздно цветут, что в нарисованный Алей круг прорвется только одна Мила.

Экзаменационная суeta превращает десятый "Б" в муравейник: цветы, билеты, платье, проклятая химия, измучившая Олю, стенгазета, Женя - все мелькает, как в детском калейдоскопе с разноцветными стеклышками, несмотря ни на что, принося только радость.

По химии Оля получает позорную тройку.

Во время экзамена одноклассник Каримов Марат слегка приоткрывает двери и в образовавшуюся щель свистящим шепотом во всеуслышание:

- Шаронова, потом шпаргалки мне дашь.

"Убить бы его, - думает Оля, - вот на этом самом месте убить".

Близняшки тоже получают тройки. По физике.

Холеная тонкокостная женщина привозит Вере Тагировне большую коробку.

- Нет! - слышится голос классной из лабораторного кабинета.

- Поймите, вы судьбу девочек ломаете. Для чего им ваша физика по экспериментальной программе? Они на иняз пойдут, - тихо уговаривает гостя. Класс сидит молча, всем все слышно.

- Уходите, пожалуйста, - просит учительница, - пожалуйста.

Женщина уносит коробку.

- Продолжим собрание, - спокойно говорит Вера, входя в класс, и смотрит на детей невидящими глазами, на почти взрослых детей. Лицо у нее в красных пятнах.

После собрания не торопятся расходиться, спешить больше некуда, договариваются встретиться через десять лет в этот же день в этом же месте.

- Зачем? - спрашивает Поля.

Класс, как всегда, отступает перед этой непонятой силой, которую зовут Близнецы, прячет глаза друг от друга опять по непонятной причине. Вроде обо всем поговорили, пора расходиться.

Через много лет в памяти двух женщин вновь возникнет этот день, они попытаются собрать свой класс на десятилетие. Приедет ответственная Галя Чемоданова, у которой в трудовой книжке будет одна-единственная запись "Принята инженером...". Холодков приедет, скучный толстый Холодков. Ярослав пришлет телеграмму из Подмосковья.

Женя с Олей остаются в классе последними, сидят по разные стороны учительского стола и смотрят друг на друга сквозь прозрачные букеты цветов, стоящие в вазах. Через открытые настежь окна на мягких лапках в комнату проникает летний вечер, теплый ветер развеивает белые шторы, которые машут крыльями, словно большие птицы: "Прощайте, прощайте..."

- Вдруг так случится, что мы расстанемся, - говорит девушка и печально смотрит на юношу, словно они уже расстались.

- Не случится, - смеется одноклассник, - поедем вместе поступать.

- Давай с тобой договоримся встретиться через десять лет.

- Десять - долго, через семь, в семь.

Сегодня вручение аттестатов. В школьном спортзале с открытыми настежь дверьми собрались родители, представители горкома, среди них Олин отец; первоклашки с растерянными выражениями лиц и выпускники с красными бантами на груди. Кто-то привел кинооператора, который перетаскивает с места на место штатив с тяжелой кинокамерой, наконец находит нужный ракурс и начинает съемки.

В конце торжества Дервянко из десятого "А" выносит на плечах маленькую первоклассницу с большими бантами, которая одной рукой держится за его голову, а в другой держит колокольчик с бантиком. Сегодня все в бантиках. Они идут по кругу, девочка неумело звонит в школьный колокольчик, за ними бежит неизвестно откуда взявшаяся собачонка, громко тявкая, потом останавливается у микрофона и делает свое черное дело. Взрослые не успевают сориентироваться, все происходит очень быстро, школьники тихо хихикают, потом кто-то не выдерживает, хрюкает, пытаюсь удержать смех, зал словно ждал этого, грохает смехом, готовым обрушить потолки. Директор стоит у опозоренного микрофона и вытирает носовым платком выступившие слезы.

После торжества все выходят из зала в приподнятом настроении, разглядывают новенькие аттестаты, пахнувшие типографской краской и свободой, - в школу больше ходить не нужно. Какое странное чувство, словно убрали над тобой крышу, снесли стены и сказали:

- Иди, защищайся сам от непогоды.

Вечером бал. У Оли волшебное платье цвета мечты, слегка розовато-сиреневое со вставками нежной пены кружев маминой работы, Женя пошатнется и рухнет бездыханно. Девушка любит себя у зеркала: "Хороша!".

На крыльце собираются девочки. Мила всех изумила. Она в голубом шелковом платье с многочисленными рюшами на груди, в голубых туфельках и с живой розой на белых волосах, кажется, что она сошла со страниц модного журнала, где рядом фотографии дорогих духов. Оля с удивлением обнаруживает, что у подруги очень стройная фигурка. Как это она раньше не замечала? Действительно Ассоль.

У Али театральная сумочка на витом золотистом шнурке, на руках белые перчатки выше локтей, платье без рукавов, с длинным шарфом на открытых плечах. Она шепчет:

- Пойдемте, что-то покажу.

Идут втроем за угол школы, Аля вынимает из сумочки темный шербатый камень чуть меньше куриного яйца.

- Что это? - спрашивает Мила, рассматривая камень на ладони.

- Мой талисман, бабушка подарила, он мне принесет удачу.

- Тяжелый, - удивляется Оля, пробуя на вес странный предмет. Зачем такой некрасивый талисман дарить? - Что за камень?

- Самородок. Золото.

- Ты что, с ума сошла? Зачем в школу принесла? А вдруг что-то случится? - Оля в тревоге оглядывается. Девушка знает, что если подруга сказала - самородок, значит, самородок. Она не раз чистила драгоценности, приносимые Алей, и показывала родителям; папа сказал, что они без сомнения настоящие.

- Ничего не случится, никто не поймет. - Аля заворачивает талисман в носовой платок и прячет в сумочку.

Вечер начинается торжественным входом в нарядный актовый зал со сдвинутыми стульями, шарами, плакатами. На сцене суетятся музыканты из девятых классов. Пионервожатая объявляет по микрофону:

- В зал входит лауреат Нобелевской премии, известный физик-ядерщик Ярослав Адонин!

- Встречайте, встречайте чемпиона мира по боксу Холдкова Петра!

- У нас в гостях знаменитая актриса, снимавшаяся в фильме "Прощание" вместе с Аленом Делоном, несравненная Мила Ладисова!

- Первый секретарь обкома партии Узбекистана Роксана Муратова!

- Жена итальянского миллионера многоуважаемая госпожа Полина Сафина!

- Историк и писательница Альбина Сафина. спешите получить автограф!

Гомонящая толпа у двери со смехом провожает каждого приглашенного и каждый с нетерпением ждет, что скажут про него.

- Художница Шаронова Ольга. За ее картинами стоят в очереди Третьяковка и Лувр!

- Самусев Николай, директор "Автоприбора"!

- Член Верховного Совета Татьяна Пилер!

- Орлов Евгений, композитор...

Все подходят к столу и вытаскивают из большой самодельной картонной шляпы пророчества. Ольга разворачивает листок, свернутый в рулон, и читает:

"Чиста и не подвержена влияниям других страстей только та любовь, которая спрятана в потайных уголках нашего сердца и неведома нам самим.

Франсуа Ларошфуко"

Наконец после концерта и разнообразных игр наступает время танцев. Женя танцует с Олей первый танец и больше к ней не подходит, танцует с Полиной. Дело не в том, что он танцует с Полиной, дело в том, как он танцует. Оля ничего не понимает, они не ссорились, не было никаких причин с ней так поступать, девушка пытается поймать Женин взгляд, но ей не удается. Женя с Полиной несколько раз выходят в коридор и теряются, видимо, в пустых классах. Возвращаются порознь, у Полины следена вся помада на губах.

"Убить бы его, - снова думает Оля. - Почему так больно?" Она вспоминает "Митину любовь" Ивана Бунина. Боль скручивает душу, прессует ее, превращает в крохотный камень, который подкатывается к горлу - трудно дышать. Трудно растягивать губы в улыбке и делать вид, что все в порядке. Но Оля улыбается и танцует, танцует, ее приглашает даже Деревянко из десятого "А".

Во время танца Ярослав говорит:

- Я не могу смотреть тебе в глаза.
- Почему?
- Они такие большие.
- Она шепчет на ухо юноше:
- Уйдем?

Они гуляют по ночному городу, идут по парку, обсуждая вечер. Оля кружит в танце юношу, взяв его за руки, громко смеется.

"Господи, как больно! - стучит в голове безостановочно. - Как больно".

Под высоким ясенем она останавливается, притягивает к себе юношу и целует умело, долго.

- Зачем ты так? - спрашивает он.
- Хочешь, я за тебя замуж выйду? - спрашивает она.
- Выйдешь, только немного позже, - говорит он.

После выпускного бала начинается взрослая жизнь, все отправляются по выбранному маршруту. Большинство одноклассников поступают в авиационный институт, находящийся в двухстах километрах от родного города, близнецы - в университет на французское отделение, Коля - на магфак в Казани, трое мальчиков - в МИФИ, одна девочка уезжает в Челябинск, один - в Ригу. Шуручка и Малахов идут в родном городе в филиал нефтяного института, им все равно, куда поступать, лишь бы не расставаться, в чем преуспевают, поженившись той же осенью.

Женя из Омска пишет Оле письма, Ярослав пишет из Москвы, он студент училища имени Баумана. В сентябре выясняется, что завалили экзамены только Мила, ГИТИС оказался ей не по зубам, и Холодков, который не растерялся, тут же поступил в танковое училище.

Оля набирает шестнадцать баллов в университете, куда ее привел отец, становится кандидатом в студенты, едва не завалив английский. Такое положение вещей ее оскорбля-

ет, она возвращается домой, где устраивается на вечернее отделение института, где учатся Малаховы. Это еще хуже. Оля понимает, что против танка по имени "папа" не пойдешь, поступает на заочные подготовительные курсы при МГУ и начинает усердно готовиться на филфак. Днем работает художником на фарфоровом заводе.

Она хуже всех, ни с кем не хочется встречаться после такого провала. Вечером еще тоскливее, на занятиях скучно, все эти интегралы уже изучили в десятом классе. На работе ее не любят сверстники, потому что Оля заняла место, обещанное одной девочке. Но работа интересная. Грузденко, главный художник, рекомендует отправить Олю на учебу от завода с выплатой большой стипендии, отца предложение не вдохновляет.

Однажды вечером, возвращаясь с бидоном молока из магазина, она натывается возле дома на угрожающую толпу заводских девчат. Сейчас ее будут бить. Оля с криком "Аааааа..." начинает кружиться на одном месте, далеко вперед выставив руку с бидоном, молоко плещется во все стороны, поливая землю вокруг, обливая девчат, которые уходят со словами "чокнутая", "ненормальная".

Письма Ярослава интересные, Оля сама не замечает, как с нетерпением начинает их ждать, это письма не зубрили и зануды, а совершенно другого человека. Они смещают ее, заставляют задумываться над серьезными вещами, рассказывают о горных тропах и подъемах на вершины, о московских театрах, о концертах знаменитостей. Но никогда Ярослав не пишет о чувствах, только присылает стихи.

Возвращаются все - кроме лучших друзей,

Кроме самих любимых и преданных женщин.

Возвращаются все - кроме тех, кто нужней, -

Я не верю судьбе, а себе - еще меньше.

Женя присылает три коротких письма с многозначи-

тельными точками после буквы "л" по следам песни Ободзинского. Оля на них не отвечает, но перечитывает каждый вечер перед сном, прижимает к груди и плачет.

Через полгода он приходит к ней домой во время каникул. Она тихо говорит: "Закрой дверь с той стороны".

Женя уходит. Уходит. Многие годы длинными ночами она будет оплакивать свою первую любовь и ругать глупое сердце, не умеющее прощать.

Через семь лет в назначенный день он позвонит Олиной маме и спросит, где Оля. Потом расскажет, что живет в Омске, не женат, детей нет. Мама в свою очередь расскажет, что Оленька в командировке в Москве, что она учит ребятшек во второй школе, замужем, есть сын. Она не скажет, что сына зовут Женя. Он не оставит ни номера телефона, ни адреса, а Оля будет ночью кусать подушку, чтобы заглушить рыдания, и проклипать свою пустую голову, забывшую про этот день.

Таню из авиационного переманивают в ленинградский кинематографический институт как перспективную баскетболистку. Она приезжает, словно с другой планеты, рассказывает о практике на Мосфильме, о встречах с кумирами: Герасимовым, Янковским, легко называет Белохвостикову ханжой, как будто лично с ней знакома, а Неелову - стервой. Мила через год устраивается на иняз, но безответная любовь к кинематографу заставляет ее жадно слушать сплетни о звездах, которые приносит ей Оля.

Через год зимой у Ярослава собирается несколько одноклассников. Оля - студентка университета, комплекс неполноценности больше не мучает ее. Она с радостью встречается с милыми сердцу одноклассниками: Таней, Милой, Колей, Малаховыми, Роксаной. Ярослав сильно изменился, уверенно направляет парус яхты с друзьями в русло радости, он - душа компании; Оля замечает, что девочки с удивле-

нием смотрят на него. Его по-прежнему называют полным именем, несмотря на маленький рост. Рассматривают фотографии, где он на горных лыжах в Казахстане, на байдарке где-то на Урале, в пушистой волчьей шапке в Дудинке.

Он снисходительно смотрит на Олю, садится перед ней на пол и надевает на ее ноги шерстяные носки-самовязки:

- Лапки застудишь, - говорит он, улыбается и проводит рукой по ноге. - Оставайся сегодня у меня, зачем до лета тянуть. Навсегда оставайся, - добавляет тихо.

- Нет, мама будет волноваться, - отвечает девушка. Мама действительно будет волноваться, она всегда волнуется, хотя Оля уже взрослый человек, в августе замуж выходит, родители Ярослава приходили к ее родителям, все решили, что лучше летом устроить свадьбу.

Он берет гитару, поет для нее, это приятно, но почему-то немного грустно. За окном выюжит, маленький родительский домик друга завалило снегом; кот лежит возле ног, спрятав нос в шубку. Когда-то в другой жизни такой же зимой они с Женей катались на лыжах в лесу. Девушка протягивала ему лыжные палки, сложенные парой, он волок ее по пологовому спуску, Оля смеялась и нарочно падала в сугроб, Женька валился рядом, раскидав руки в разные стороны, и протяжно кричал, глядя в небо:

- О-ля!

- Же-ня! - кричала она.

Позже по очереди танцевали друг с другом. Коля прижимал ее к себе, она отталкивала.

Ярослав сказал другу:

- Поговорим.

Они вышли в заснеженный двор, из двери повалил клубами холод с улицы. Вернулся Ярослав с красным пятном под глазом, Колька не вернулся.

А утром пришел к ней за книгой, обещанной вчера. Пили чай в большой кухне с веселым линолеумом на полу,

с прозрачным тюлем на морозном окне, сквозь который просматривался только бабушкин декабрист с начавшими увядать лиловыми цветами.

- Вы дрались вчера? - спросила Оля, хотя ответ читался и на Колькином лице.

Он хмыкнул, сгреб ее в охапку и понес на родительскую кровать.

- Ты с катушек съехала совсем, отпусти, дурак, - сопротивлялась девушка, - отпусти, кому говорю!

Он навалился на нее сильным телом, удерживая ее раскинутые в разные стороны руки своими руками, и пытался поймать губы своими губами, но она вертела головой, и ему это не удавалось.

- Ну что ты ко мне пристал? Лучше бы приставай к тому, кто тебя любит! - крикнула Оля и вдруг почувствовала, что хватка ослабла. Коля сел на край кровати спиной к ней, тяжело дыша.

- Кто меня любит? - глухо спросил он.

- Мила.

Предавать легко, словно сломать вчера посаженное дерево. Как с этим жить потом?

Вскоре Оля предала Ярослава.

Она ждала письмо и загадала: "Если получу - не поеду на день рождения". Однокурсники собирались на даче у Вовки Кузина за городом, закупили продуктов, море водки. Утром она решилась, покидала в сумку необходимую мелочевку, надела спортивный костюм, кроссовки, прихватила куртку. Нельзя сказать, что на улице холодно, но начало мая - не лето.

Вернулась она через сутки, оставив в саду вместе с девичеством что-то еще очень важное, чему никак не могла придумать название, но ощущала в себе пустоту. Долго сто-

яла под душем, холодно разглядывала себя в треснутом зеркале, висевшем в общежитской комнате, потом взяла ножницы и аккуратно обрезала длинные мокрые волосы. Она испугалась той темной сокрушительной силы в себе, которая придавила ее и стерла, как ластик стирает первый робкий эскиз на бумаге.

- Все, - сказала Оля вслух, взяла со стола пришедшее вчера письмо, провела по нему ладошкой, словно разглаживала морщины, потом села к окну и написала ответ:

"Твое письмо опоздало на сутки. Больше не пиши".

Дальше унылая долгая дорога. Долгая. С дальних белых гор юности отдаленным эхом доходят обрывочные вести, которые и не печалят, и не радуют. Которые просто сообщают, что Таня вышла замуж за представителя посольства в Англии; у Роберта состоялась первая персональная выставка в Москве, Ярослав пьет по-черному, потом женится на девушке с длинными волосами, при испытаниях нового оружия станет инвалидом и год пролежит без движения.

Полина ходит на прием к управляющему банком и говорит:

- Я вам нужна, вы пока просто не понимаете этого. Возьмите на работу.

Она ходит регулярно.

- Я не могу взять, у тебя нет экономического образования, - говорит он, не подозревая, что через два года она принесет необходимый диплом, и он вынужден будет взять ее на работу. А еще через несколько лет она займет место рядом с ним и в банке, и дома.

Альбина устроится в Москве почтовым работником ради прописки, позже купит квартиру, переживет мучительный роман с многодетным вдовцом, приручив его и посадив на свою шею вместе с детьми; и завянет навсегда в путях религии, отвернувшись даже от сестры.

Со временем меняются ценности, меняется окружающий мир, Олю не удивит случайно обнаруженный факт - близняшки тогда получили свои четверки по физике. Время поездом, набирающим скорость, будет уносить ее дальше и дальше, разноцветные дни юности постепенно потеряют краски, яркие очертания, превращаясь в однообразно мелькающий пейзаж за окном, в котором зло сольется с добром, радость смешается с горечью. И потекут мутными потоками дни без очертаний манящих берегов. Поздно, слишком поздно женщина научится прощать, но жизнь не перепишешь в чистовик.

Однажды в класс к Ольге Михайловне, которая работает в том же провинциальном городке, в той же школе, приведут кудрявую девочку с голубыми глазами в пол-лица.

- Ты ли это, Оля? - спросит оплывшая рыхлая женщина, и учительница с трудом узнает в ней Шурочку Корнилову, которая потом стала Малаховой.

Ушло всё, ушли все. Осталась только Мила, когда-то преданная Олей и сумевшая простить; родной человек, помнящий твою молодость. Как, оказывается, для человека важно, чтобы его помнили молодым! Раз в полгода она звонит из Америки и негромким голосом, чтобы не разбудить своего мужа, спрашивает:

- Ты как?

- Хорошо. А ты как?

Этим они хотят сказать друг другу: "Я тебя люблю, родная. Будь на Земле! Будь!".

Нежность

Десятый "Б" в Дарнице отдыхал уже вторую неделю, до отъезда в холодный уральский городок оставался день, а самые главные слова он до сих пор не сказал ей. Надя с трепетом ожидала, заранее смущаясь и украдкой поглядывая на идущего рядом одноклассника.

Вечер выдался теплый, светлый, торжественный. Юра мял в руках букет незнакомых белых цветов, сорванных с клумбы недалеко от турбазы; но не мог набраться смелости и подарить их нежной темноглазой девушке, с которой вот уже десять лет учился в одном классе.

Однажды на большой перемене он увидел ее шоколадные глаза в оправе пушистых ресниц, и все вокруг изменилось. Надя, освещенная мартовским солнцем, задумчиво смотрела мимо юноши, в одиночестве стоя у прозрачного окна. Тонкая фигура гимнастки, похожая на натянутую тетиву, трогательная белизна кожи рук, исходящий от мягких волос девушки сладкий запах весны - все поразило юношу, вставшего рядом возле подоконника. "Это же Надька, обыкновенная Надька Дементьева!" - думал Юра, ощущая, как что-то теплое, как котенок, комочком устраивается под левым ребром.

- Я хочу попросить тебя об одной вещи, но боюсь, что ты рассердишься, - говорит он, не глядя на нее.

Надя краем глаза наблюдает, как Юра отрывает лепестки белых цветов с неизвестным названием. Щеки юноши покрыты легким пушком, в светлых волосах застрял белый лепесток, который девушке хочется убрать.

- О чем?

- Я боюсь.

Они идут вдоль бульвара, взявшись за руки. Сгущаются сумерки, четко вырисовывая контуры домов на фоне неба. Становится прохладно. На Наде легкий сарафанчик с тонкими бретельками, между округлостями на груди вырисовывается ямочка, от которой трудно оторвать взгляд.

- Наверное, уже закрыли дверь, - говорит она, рукой загораживая ямочку.

- Не беспокойся, окно открыто. Погуляем еще? - спрашивает Юра. Цветы он истерзал окончательно, не решившись подарить. Они заходят в ближайший многоэтажный дом, скользят в лифте на последний этаж, радостно улыбаясь друг другу. В их родном городке всего два высоких дома: гостиница и главпочтамт, поэтому подъем в лифте кажется им романтическим путешествием.

Он ведет ее к окну. Уже совсем стемнело, вдали сверкает река, мигая глазами теплоходов.

- Ты не рассердишься, если я тебя о чем-то попрошу? - Юра стоит напротив - высокий, полноватый, привычный и незнакомый.

- О чем?

- Ты не рассердишься? - он спрашивает уже третий раз, пугаясь своего желания.

- Нет.

- Можно тебя поцеловать?

- Да, - еле слышно отвечает она, не поднимая головы.

Юноша прикасается к ее щеке теплыми губами. Девушка испуганно отстраняется и бегом спускается по ступеням, торопливыми шагами разбудив гулкое подъездное эхо. Все в доме спят.

На улице он ее догоняет. Идут молча, прислушиваясь к стрекотанию невидимых сверчков в траве, с нежностью думают друг о друге.

Дверь турбазы закрыта, окно тоже. Юра осторожно стучит костяшками пальцев в деревянную двустворчатую дверь, с улыбкой поглядывая на девушку. Она улыбается в ответ. С ворчанием сонный сторож отодвигает засов и впускает полуночников. Надя отворачивается от любопытного взгляда пожилого человека в мятой фланелевой рубаше, бесшумно скользит в комнату девушек.

В постели она с головой укрывается одеялом и пере-

живает, не спит. Так тревожно и грустно, почему-то хочется плакать. Почему так хочется плакать? Она ладонью дотрагивается до щеки, вспоминая его легкое прикосновение, лежит с открытыми глазами, разглядывая потолок с движущимися предрассветными теньями

Утром все девочки укладывают рюкзаки, с Надей никто не разговаривает.

- У тебя что-то с ним было? - спросила одноклассница Наташа, разглядывая ее с любопытством.

- Да.

- Не переживай так сильно. Если что случится - скажешь, у меня папа гинеколог.

Надя не поняла, о чем речь, но обрадовалась, что кто-то с ней заговорил.

В сентябре собрали родителей в связи с чрезвычайным происшествием в десятом "Б" во время летних каникул. С собрания мама пришла веселая, долго о чем-то рассказывала на кухне отцу. Родители смеялись.

- Я сказала, что дочери доверяю, - услышала девушка мамин голос и, ощутив холодок в животе, поняла, что речь идет о ней. Дальнейший разговор утонул в звуках телерадиопередачи, мама, видимо, прикрыла дверь на кухню.

Девушка сидела в своей комнате, низко опустив голову, на столе лежал ненавистный учебник химии, под книгой лучший друг - девичий дневник.

Химию Надя не любила, как и Ренату Петровну.

В Москве химичка повела группу в китайский ресторан. Все были голодные после поезда и прогулки по ВДНХ, пересадка до Киева ожидалась к вечеру. Они ели необычные хрустящие макароны с хлебом, прихваченным с собой.

- Что мы едим? - спросил Руслан у официанта, который с улыбкой начал что-то отвечать парню в больших роговых очках, но музыка заглушала голоса, да никто особо

не прислушивался к разговору, увлеченно делясь впечатлениями о Москве.

- Мы едим вымоченных в молоке червей, - громко сообщил всем Руслан, продолжая невозмутимо хрустеть макаронами. Класс зашатался, шумной толпой выбежал на улицу и приземлился на ближайшем газоне. Бледно-зеленые девчата шумно ругали Юру, который первый увидел китайский ресторанчик, когда надежда найти нормальное кафе без зеленого горошка и сосисок испарилась, как дым.

В поезде еда закончилась в первый же вечер, осталась копченая колбаса, закушенная предусмотрительными родителями в огромном количестве. В Москве мальчики тихо "забыли" сумку с надоевшей колбасой на верхней полке вагона, украдкой переглядываясь и радуясь своей смелости. Но после прогулки по столице всем хотелось есть, они вспомнили сумку, шепотом переругиваясь, в это время Юра увидел китайский ресторан.

Надя закрыла дневник, задумчиво разглядывая цветы на обоях:

"Какой Юра замечательный, умный, умест играть на пианино, а мама у него красивая и ласковая", - думала она. Потом снова открыла тетрадочку.

Из кухни доносился мамин смех.

- В твоей комнате Таня уже с полчаса тебя дожидается, - говорит мама, выходя навстречу дочери в переднике с ромашками, руки у нее в муке. У Нади после тренировки стремительные движения и хорошее настроение, сегодня она замечательно работала на брусьях.

Таня что-то читает в ее комнате.

- Ты уже пришла? Слушай, я не знала, что ты так хорошо пишешь, прямо как в жизни, - говорит подруга, поднимаясь навстречу. Надя с ужасом смотрит на свой дневник в руках одноклассницы.

У Нади в альбоме нет ни одной Таниной фотографии, потому что нет ни одной Лидиной. Стройная пушистость Лидушки осталась в памяти вкусом ирисок. Мальчишки часто и много снимали ее на свои "Смены", где подруга получалась с ямочками на щеках, улыбающаяся, легкая, веселая.

- На этой фотографии она плохо получилась, я хочу оставить только хорошие снимки, - с этими словами Надя порвала карточку, где Лида в украинском танцевальном костюме стояла за кулисами, остальные снимки аккуратно положила в альбом.

Таня продолжала жевать большое яблоко белыми крепкими зубами, с интересом наблюдая за Надиными движениями остановившимся кошачьим взглядом.

Вечером пришла обиженная Лида и с порога заявила:

- Верни все мои фотографии, я не хочу больше с тобой дружить.

Какие-либо объяснения выслушивать не захотела, ушла, забрав снимки, которые от неожиданности Надя сразу отдала. Так получилось, что за короткий промежуток времени Лида потеряла всех подруг. Машу тоже потеряла.

Как-то после катка Маша Бахир сказала Наде:

- Я хочу сделать тебе одно серьезное предложение, только давай сначала отойдем от урны.

- При чем тут урна? - удивилась Надя.

- Я хочу тебе сейчас сказать очень важные слова.

Девочки встали под заснеженной елью.

- Говори.

- Давай дружить.

Надя оторопела. Они уже давно дружат, с пятого класса, зачем об этом говорить. А то, что Машин отец был полицаем во время войны, не имеет значения, она хорошая девочка, с ней интересно. Дома у подруги есть медаль за какое-то изобретение отца, которую семья бережно хранит в хрустальной вазе. Но Наде неприятно, словно Маша перед ней на улице неожиданно разделась, и она отвечает:

- Нет. У меня уже есть подруга Лида.
Теперь она одна: ни Маши, ни Лиды, ни Тани, ни Юры.

Летом после выпускных экзаменов Юра с родителями уехал в Омск. Низенький двухэтажный дом на улице Калинина опустел. Надя ходила под тополями мимо дома, смотрела на чужие тени в освещенной комнате за окном. Вот из этой форточки украли единственную бутылку шампанского, ее десятый "Б" приготовил для встречи Нового года. Пили вишневый компот, потом всем классом пошли к Наде танцевать и случайно уронили полку с тонким немецким фарфором - гордостью мамы.

- Давай на всякий случай договоримся встретиться через десять лет в семь вечера у кинотеатра "Фонтан", вдруг потеряемся, - он говорил эти слова, не веря, что что-то может раскидать их так далеко друг от друга, что вскоре перестанут приходить даже письма.

- Я тебя люблю, - шепнул он тогда ей на ухо, щекоча щеки девушки длинными ресницами. Они стояли возле открытого окна в пустом классе, где летний ветерок, размахивая белыми крыльями штор, уносил их в разные стороны, о чем юноша и девушка еще не догадывались.

- Тебе звонил Юра, - сказала мама когда-то привычную фразу. Надя прислонилась к дверному косяку, ноги стали мягкими, подгибались. Она не слышала эти слова десять лет, десять долгих лет с мокрой подушкой по ночам, с его именем на устах; десять долгих лет, давших ей семью от скуки, болезненного ребенка, несбывшиеся мечты.

- Где он остановился?

- Не знаю, говорил, что на один день прилетел. Я сказала ему, что у тебя дочь. Помни об этом.

Мама, мама! Надя забыла о встрече у "Фонтана".

День

Романтические истории, которыми была забита симпатичная Лида головка, сыграли с ней злую шутку.

Прозрачное озеро дышало звенящей свежестью и покоем мировой мудрости. В глубине миражом колыхались прохладные рыбы, неожиданно исчезающие и возникающие столь же внезапно. За камышами просыпалось солнце, отогревая лодки с умиротворенными рыбаками.

Лида задумчиво созерцала утренний рай, потом скинула босоножки. Деревянные мостки приятно охладили ее маленькие ступни. Аккуратно сложила сарафанчик, собрала в тугий узел пышные каштановые локоны и нырнула в упругую глубину озера.

Она плыла с открытыми глазами, стараясь подольше продержаться под водой, представив себя рыбой среди рыб. Выскользнув наружу, она с изумлением обнаружила две пары рук, которые рывком втянули ее в крохотную резиновую лодку.

- Чудеса! Смотри, Марк, какие русалки в этом озере водятся, - говорил кто-то. Девушка испуганно осмотрелась: в лодке сидели смеющиеся молодые люди, Седой и Бородатый. От неожиданности пленница молчала. Тем временем лодка подплыла к мостику, Седой протянул руку за ее вещами. Воспользовавшись моментом, Лида попыталась перевалиться через резиновый борт лодки, но была вновь поймана под веселый смех мужчин, рисковавших опрокинуть студенистую конструкцию.

Марк спешно направил лодку к середине озера, в то время как второй аккуратно усадил девушку на дно лодки, ни на минуту, однако, не отпуская ее. Лида со страхом наблюдала, как постепенно исчезают из виду камни на дне озера, затем водоросли. Заплывали все дальше от надежного берега, а она не могла ничего придумать.

- Может, на спичках ее разыграем? - Марк медленны-

ми взмахами весел направил лодку к берегу, доброжелательно наблюдая за испуганной девушкой с оленьими глазами.

- Или отпустим ее в родную стихию, пусть плывет? Нет предмета - нет темы для спора.

- Не лучше ли испытать ее? В столь совершенном сосуде, возможно, хорошее вино, - Седой, зачерпнул ладонью озерную воду и тонкой струйкой стал лить ее на Лидины плечи.

Она понимала, что молодые люди шутят, что ничего страшного с ней не случится, но тревога невольно обволакивала душу.

Тем временем разгорелся веселый словесный пинг-понг между Марком и Седым, которого звали Валерием, блестящий эрудицией, неплохим познанием современного искусства, с одной червоточинкой - темы разговора были на острие ножа. Лида тайком прочитала всю запрещенную литературу, которая ходила по рукам первокурсников, поэтому парни, распускающие перед ней павлиньи хвосты, вызывали осторожное любопытство.

Приближался болотистый берег за камышовым частоколом. Эти места она хорошо помнила с детства: вода по пояс, дно пружинистое, в липких старых листьях. Если стоять терпеливо и спокойно, маленькие рыбки начинают губами пощипывать пальцы ног. Щекотно, смешно, в прозрачной воде видны стайки стремительно скользящих рыб.

Болото не топкое, это просто бывший берег, ушедший в озеро, которое увеличивается ежегодно; березы оказывались далеко от берега в воде, кренились и теряли листву. На горе ельник с маслятами, где однажды стоял спортивный палаточный лагерь велогонщиков.

Лиде тогда было лет тринадцать. Больше сотни юных велосипедистов в дальнем ельнике набрали грузовик маслят. Персонал сушил, солил, мариновал, жарил маслят, к концу недели дети не могли слышать слово "грибы", пили

один компот. В лесу возле лагеря возвышался скользкий мушиный рай из старых грибов.

Она вспомнила, как они с подружкой каждый вечер после ужина выходили на Лысую гору, с которой было видно озеро и противоположная гора. Ждали. Вскоре с другой вершины кто-то начинал звать:

- Лида! Лида! Лида!

- Ты кто? - кричали девочки.

- Не скажу, - отвечал звонкий мальчишеский голос.

Девочки спускались в ложбину между холмами, хватаясь за кусты дикой вишни, поднимались на другую вершину, но там никого уже не было. На следующий вечер все повторялось, но в лагере никто из ребят на Лиду не обращал внимания.

- Кто же это был?

- Кафка... Дали... - над утлым суденышком реет жаркий парус спора. Ребята увлеченно беседовали, потеряв бдительность, чем незамедлительно воспользовалась деvушка, ловко выпрыгнув из лодки.

- Эй, ты куда? - Седой ринулся за ней, схватив ее платье и босоножки.

- Постой, я тебя не обижу. Не беги.

- Между нами пять метров, ближе не подходи! - крикнула Лида на ходу, скачками направляясь в сторону суши.

- Не подойду, только не убегай.

Она решительно поднимается между холмами на вершину. По горе до лагеря километра три, а вдоль озера расположен еще один лагерь с высоким забором, спускающимся в воду, и с берегом, охраняемым пионерами.

Через много лет на месте пионерского лагеря она обнаружит современные особняки в окружении аккуратно прореженного высокого елового леса. Пружинистая хвойная тропинка выведет Лиду на бывшую лагерную спортплощадку с руинами старой столовой, заросшей высокой

травой, где сохранился столб от гигантских шагов. Была такая замечательная игра: просовываешь одну ногу в петлю каната, закрепленного на самом верху, разгоняешься по кругу и летишь, как во сне. В памяти остался случайный полет, когда она бежала домой по улице. Несколько шагов по земле, несколько медленных шагов в воздухе, вновь легкий бег - и полет. Тогда никто не поверил Лиде, потому что человек не может летать. Но она летала, она помнит свои ощущения, понимая, что этого просто не могло быть.

По узкой тропке на вершине горы идут двое. На девушке цветастый сарафанчик, распущенные каштановые волосы прикрывают плечи, блестя на солнце. Мужчине за гридцать. На нем светлые шорты, поверх которых голубая рубашка с завязанными на бедрах рукавами. Он совсем незагорелый, худой, жилистый, шагает осторожно, словно зверь, мягко ступая по сухим веткам.

Они идут уже больше часа, до лагеря рукой подать. Невольно он и она замедляют шаги, каждому интересен другой.

День яркий, необыкновенный. Кружевная тень падает на их лица сквозь листву светлого березняка, знойно жужжат пчелы над душистыми цветами, вдали огромное сверкающее озеро.

- Почему ты седой? - она все же задала мучивший ее вопрос. Он уже не похож на игривого щенка, как в начале знакомства, смотрит на девушку с нежностью. Может, это его судьба? Та самая, о которой он мечтал в редкие минуты тишины на той тайной войне, о которой не принято говорить. В плену он о девушке не думал, думал только о свободе.

- Напугала тут одна. Из лодки выпрыгнула, - Валерий смеется, не отводя глаз от Лиды.

Они стоят напротив друг друга, девушка смущена. Она совсем недавно была гадким утенком, по иронии судьбы

Тонтон-макута

*Знаете, что в переводе значит
тонтон-макуты? Обратни.*

Грэм Грин

Расплавляющее асфальт послеполуденное солнце осталось за стенами университетской читальни. В старинном кирпичном здании сохранялась прохлада, немногочисленные студенты, обложившись учебниками, работали, наслаждаясь тишиной и покоем.

Марина распечатала письмо от подруги, предвкушая приятные минуты, и прочитала:

"Ты свинья и твои родители свиньи..."

Споткнулась, не поверив своим глазам, снова перечитала строки, которыми начиналось письмо, потом медленно дочитала все до конца. Отрепленно отложила листок в сторону, долго смотрела в открытое окно. Солнце заволочло долгожданнами дождевыми тучами, что не принесло радости. Марина взяла со стола конверт, рассмотрела марку с изображением колхозника и колхозницы с ВДНХ, обвела авторучкой свой адрес, потом Дашин, перевернула конверт и неторопливо начала рисовать мужской портрет.

А как замечательно все начиналось. Тоже с письма, полученного подругой от неизвестного. Оно было неожиданным и странным:

"Ты идешь по коридору училища. Красивая. Непрístupная. Я решаюсь и подхожу к тебе: "Пошли в кино. Или в кафе". Увы, я не успел сказать тех слов. Ты уехала".

И все. Больше ни одного слова. Без обратного адреса. На штемпеле стояла дата отправки, можно было разобрать название столицы.

Даша перечисляла всех студентов училища искусств, разбирая по косточкам каждого, но вычислить автора письма ей никак не удавалось.

Позже пришли второе и третье письма. Его звали Влад. Даша с большим трудом вспомнила симпатичного старшекурсника с фортепьянного отделения. Но нигде их пути не пересекались.

В августе он написал, что с другом Геной придет седьмого числа в командировку. Даша в истерике трясла Маришкины тряпки, выбирая себе наряд:

- Я не могу их пригласить к себе, ты организуй чаек в комнате. Хорошо?

- Да-да, конечно, - суетливо соглашалась Марина, разбирая коробки с обувью. У Даши в двухкомнатной квартире, кроме родителей, жили еще два брата - старший и младший. В комнате у Марины места было больше, чем во всей квартире у подруги, хотя она была заставлена старой мебелью. В центре стоял дубовый стол, сейчас заваленный ворохом тряпок. На выдвигаемых полках красовались деревянные головы львов, держащих металлические кольца в пасти. Рядом возвышалось тяжелое кожаное кресло с кривыми ножками. Стены комнаты были обиты зеленым сукном, два высоких книжных шкафа притулились с двух сторон узкого окна, занавешенного полосатыми портьерами. В углу стояла тахта с клетчатым пледом, рядом - огромный платяной шкаф. Вазы с высушенными травами, миниатюры, привезенные отцом из разных стран, детские рисунки и фотографии, школьные грамоты, морская ракушка величиной с пол-арбуза, кудрявая кукла в кружевном розовом платье - эти милые сердцу и совершенно бесполезные вещи создавали удивительно гармоничную, умиротворяющую атмосферу в комнате девушки.

Где встретиться? Конечно, у нее, других вариантов не предвиделось.

Даша убежала на вокзал, развеивая тяжелый запах "Опиума". Марина торопливо навела порядок в комнате, принесла два стула из зала и пошла на кухню, размышляя, что бы такое интересное состряпать. Она умела ловко готовить

торт "Негр в мыле" и печенье с орехами "Ежики". Выбрала второе, принялась очищать грецкие орехи, поставив пластинку с песнями Ободзинского.

Время словно остановилось, гости все не шли. Марина успела приготовить салат из орехов, изюма и свеклы, выпить чай с хрустящим печеньем, немного почитала, грызла яблоки, послонялась по пустой квартире. Родители придут с дачи завтра, сегодня свобода выдалась весьма кстати.

Позвонили по телефону.

- Таня, ты?

- Нет, ошиблись номером.

- Вы не Таня? Какая жалость! Девушка, не кладите, пожалуйста, трубку. У вас такой хороший голос, Вы, наверное, очень красивая.

Марина улыбнулась. Приятный человек, почему бы не поболтать.

- Кто вы?

- Приезжий. Сiju в гостинице, хотел старой знакомой позвонить, да номер телефона, видимо, неправильно записал. Можно с вами поговорить? Сегодня выходной, совершенно нечего делать. Куда в вашем городе можно пойти?

- В кино, наверное, - в раздумье протянула девушка, вспомнив, что на днях видела новую афишу.

- Через три дома от гостиницы кинотеатр "Фонтан", там новый фильм. У нас есть кинотеатр "Комсомольский", но его сейчас ремонтируют, а в "Пионере" повторные и детские фильмы. Есть еще музей краеведческий.

- Не густо.

- Почему? У нас парк красивый, можно на танцы пойти. Книжный магазин хороший.

- Замечательная идея! Сегодня магазин работает?

- Да, конечно, у них понедельник выходной.

- Что из новинок у вас есть в магазине, не помните?

- Брюсов с иллюстрациями, хорошая книга. Что вас интересует?

- Все интересно. У вас есть Альбер Камю и Робер Мерль?

- Нет, - огорченно ответила Марина, не заметив, что речь идет уже не о магазине, - но у меня есть "Над пропастью во ржи" и Стругацкие.

- Фантастика! Вы, видимо, много читаете.

- Приходится, я на филфаке учусь.

Они разговорились. Беседа увлекла девушку, она забыла о часах. Симпатичный человек, читает ее любимые книги. Марина звонко хохотала над его шутками, рассказала о фольклорной практике на Южном Урале, о каникулах. Он рассказал о себе. Зовут Игорь, живет в столице недалеко от университета, рядом с памятником Салавату. Работает журналистом в "Вечерке", приехал на три дня в город Березники.

Ей казалось, что знакомы они давно. Незаметно перескочили с чопорного "вы" на "ты", обсуждая книгу "Мастер и Маргарита", ценность, найденную девушкой у подруги в библиотеке среди изъятых и подлежащих уничтожению книг.

- Дай мне на вечер перечитать, не потеряю - слово офицера, - полушутливо попросил Игорь, - встретимся минут через сорок у вашего "Фонтана".

Девушка замешкалась всего несколько секунд, совершенно посторонний человек вызывал необъяснимое доверие. Она согласилась с оговоркой:

- Через сорок минут не могу, ко мне гости должны прийти.

- Адрес, может, скажешь, я зайду на минутку, а утром верну книгу.

Нерешительно она продиктовала подробный адрес, положила трубку, задумалась. Что вдруг на нее нашло? Незнакомцу обещала отдать лучшую вещь из своей библиотеки - потрепанный журнальный вариант книги Булгакова.

"Потом разберусь, придет ли еще", - с этой мыслью она принялась перебирать любимые книги. Когда она поступила в университет, отец повел ее на книжную базу, сказав:

- Выбирай все, что хочешь.

Трудно описать Маринкину радость: Ахматова, лирика Вагантов, Ивлин Во. Покупка таких книг по своей цене напоминала цветной сон. Они шли домой с отцом с двумя сетками, девушка сияла, как ребенок. Отец, как отражение зеркала, сиял не меньше, любуясь дочерью.

Марина зачиталась, вздрогнула от неожиданности, когда позвонили в дверь.

Даша с молодыми людьми создали столько шума в прихожей, словно ввалилась толпа одноклассников. Шутили, хохотали, каждый норовил погладить рыжего кота Ваську. Знакомились. Худой, чернявый Гена не понравился Марине, отталкивал его тяжелый взгляд. Влад был хорош - красавец с кошачьей грацией, светлоглазый, с длинными светлыми волосами. Он протянул Марине торт со словами:

- Ты мне Булгакова почитать обещала.

Девушка замерла с протянутой рукой, опомнилась, взяла торт с розочками и понесла на кухню.

Настроение испортилось.

В комнате весело разбирали розыгрыш, Марина натянуто улыбалась, вежливо ухаживая за гостями:

- Подожди, Дашка, с тобой мы потом поговорим, - шепнула она подруге между делом.

После чая пошли в кино.

Фильм не впечатлил никого, немного поговорили об игре актеров, переключились на другие темы. Теплый вечер приглашал на прогулку. Пошли вдоль бульвара в сторону парка, откуда доносились музыкальные ритмы в стиле диско. Влад вел Марину под руку, шепча незначительные слова, усмехаясь, оглядываясь назад. Хмурая Даша с Геной шли на расстоянии, отстав от первой пары. Гена что-то говорил, Даша молчала.

Марине было неловко, она придерживала шаг, чтобы подруга могла догнать их, но Влад тянул ее вперед, шепча на ухо:

- Пусть поревнует, крепче любить будет, - и опять усмехнулся.

Марина остановилась, подождала подругу, пошла рядом с ней. Гуляли долго, потом проводили Марину домой.

Она лежала в постели с книгой, снова грызла яблоки и размышляла. Вечер ее разочаровал. Обида прошла, но неприятное ощущение потери чего-то хорошего не покидало девушку.

В конце августа она уехала в столицу на учебу.

Даша писала ей длинные письма круглым детским почерком, рассказывала о своих учениках из музыкальной школы, о знакомых, но основное место в ее повествованиях отводилось Владу. Они вместе отдохнули на турбазе у озера. Он юрист, подрабатывающий тапером у гимнасток. Дашу приметил, когда она позировала художникам в училище.

На праздники Марина приезжала к родителям, встречалась с подругой, слушала ее бесконечные рассказы о Владе. Несколько раз Даша поведала о своем женском опыте, сильно удивляясь. Уже около года она пребывала в полной уверенности, что потеряла невинность с другом детства. Ее первый опыт с Владом едва не закончился скорой помощью. Как такая ерунда получилась, Даша не могла объяснить.

Новый год праздновали у одноклассницы Молчановой. Лениного отца перевели в столицу директором крупного НИИ, выдали большую квартиру в центре, которая превратилась во что-то, напоминающее клуб. Благодаря Лениной маме, Римме Исааковне, преподававшей домоводство в их десятом "Б", девочки чувствовали себя в этом приветливом

доме уютно, сытно, что немаловажно было для общежитских студенток. В столичных вузах училось много Лениных одноклассников из первой в городе экспериментальной школы.

К приезду гостей доставалась белая скатерть, дымящийся суп выносили в супнице из тонкого фарфора.

Девочки обожали свою учительницу с седой короткой стрижкой, учившую их тонкому рукоделию и шитью. В пятом классе, накануне Восьмого марта, девочки пекли у Риммы Исааковны дома печенье. Марина помнила, как бережно несла маме нарядный кулечек с румяными грибочками с запахом ванили. Ах, какие славные были грибочки!

В Новый год родители оставили квартиру Лене. Толпа собралась любопытная. Руслан уехал в Ригу, к брату, Марина пришла одна.

Худой, с большим кадыком, Леша читал свои басни, которые пока еще не были изданы. Эдик - стихи, которые никто не понимал, но восторгался, оценивая колоритную фигуру чтеца. Художники Стрелковы, отчаянно жестикулируя, спорили о достоинствах "Истории Пука" Дали. Белаяев клянчил у девочек старые шерстяные кофты для работы с гобеленом. Марина видела у него в мастерской незавершенное полотно размером два на четыре метра, со скалочным лесом в стиле Руссо. Тут никаких кофт не хватит.

Рядом сидела его жена в сером шелковом платье. Она показала девочкам дырку от пепла на ткани, вокруг расшитую мужем прекрасными цветами. Марина хорошо вышила, но работа художника впечатлила, рисунок занимал весь подол. Она постаралась запомнить орнамент, чтобы как-нибудь повторить в серо-фиалковой гамме.

Влад стал импровизировать на пианино для Марины. Даша с приклеенной улыбкой старательно напивалась.

Кто-то позвонил, когда Марина шла в кухню. Она открыла дверь.

- Мне Влада, - худой горбоносый человек без улыбки смотрел на девушку. Съежившись от его неуютного взгляда, она поторопилась пригласить Дашкиного жениха, как мысленно окрестила Влада.

Даша уснула на диване, упустив дальнейшие события.

Марина вымыла длинные хрустальные фужеры, до блеска протерла сухим полотенцем, выстроила их на полке. Пошла в коридор, из любопытства вновь открыла дверь.

У порога стояли двое, словно во время расстрела. Влад прижался к холодной подъездной стене, рубашка расстегнута. Горбоносый наступал.

- Проходите, мальчики, - радостно пригласила девушка, до конца не ощутив войну мужчин.

- Закрой дверь, иди в дом, - приказал Влад.

Обиженная Марина ушла к поэтам дослушивать очередное детище Тихонова. Двое пели под гитару оруджавскую: "В банке темного стекла из-под импортного пива роза красная цвела..." Она заслушалась, уютно устроившись на диване. Через некоторое время Влад тронул ее за плечо:

- Извини. Пойдем поиграю. Хочешь, твоего Рахманинова?

Девушка быстро простила, пошла слушать музыку, спросив на ходу:

- Кто это был? Почему его к нам не пригласил?

- Это Гольдштейн. Он год отсидел за антисоветскую книгу, - ответил Влад, устраиваясь на стуле возле пианино.

Эта зима была снежная. У подъезда образовался очищенный от сугробов тоннель со скамейкой, на которой устроилась толпа.

Долго ждали такси. Пьяную Дашу Влад на руках отнес в машину. Марина с Ольгой вернулись на кухню к горе грязной посуды.

Прошло больше полугода. От Даши пришло письмо:

"...мне нужен Влад. Бери его себе, дарю. Вы с ним одно поле ягоды, в его жилах тоже течет голубая кровь..." Марина темного удивилась письму, но ей было не до чужих проблем.

После августа она плакала в медленном безумии из-за несостоявшейся свадьбы с Русланом. Белое платье, расшитое своими руками нежными вышивками, висело в шкафу в родительском доме, подтверждая примету, что нельзя шить себе подвенечный наряд.

Восьмое число прошло в молчании, бабушка ходила на цыпочках по коридору, тихо заходила к внучке с подносом горячих пирожков, осторожно гладила ее по голове, приговаривая:

Ничего, ничего...

В сейфе отца лежало последнее письмо Руслана, прошедшее недавно. Что в нем - девушка не знала, но догадывалась по поведению родителей.

- Нина, дай мне письмо. Оно мне пришло.

- Забуди его. Такие тупости, да еще с орфографическими ошибками. Мерзавец.

В конце лета Марина уехала на учебу.

Первого сентября они встретились на ступенях университета. День наполнял зарядом радости на год. Кленовые листья опускались с соседних багровых деревьев на широкие ступени около колонн здания филфака.

Народ спешил на занятия, начиная с первого дня сентября новый отсчет молодого времени с радужными планами на будущее.

Она увидела Руслана вдали, сердце подскокнуло и замерло где-то у горла. С обязательной кривой улыбкой, непринужденно срисовывая после удара кулаком по ому, тоже памятно кривым, он шел по крошечному коридору, вставив тяжелый шаг от трезвости.

Марина знала, что услышав, ей хотелось спрятаться

колоннами, но она стояла на его пути, мысленно видя себя листком под его башмаками.

- Понимаешь, нам не по пути, я тебе все написал. У нас слишком романтическая любовь, - сказал он. - Я жешось на Розе.

- Когда?

- В конце сентября.

- А, ну пока.

- Пока.

Вот и все. Одним словом вычеркнуть год любви. Она стояла оглушенная, не замечая слез, текущих по щекам, не замечая красоты опавших листьев у колонн на ступенях, не слыша и не видя ничего вокруг.

Проходивший мимо преподаватель зарубежки остановился, положил ей на плечи руки и посмотрел в глаза:

- Послушай, девочка, все пройдет. Помнишь кольцо Соломона? И это пройдет.

Если бы он знал, что пройдет боль только через пятнадцать лет. Да если бы и знал, что с того, что бы изменилось?

Пожились они скоро и скромно, без свадьбы. Роза через два месяца родила несчастное дите, которое вскоре умерло. Марина ничего не понимала. Роза - его двоюродная сестра, училась в училище искусств, жила у Руслана на квартире. Когда Марина приходила в гости, та ставила чайник, уходила в зал. Молчаливая черноволосая толстушка с румяными щечками. Как его на нее занесло? Как вообще такое могло случиться?

На семинарах он громко шептал:

- Девчата, найдите Маришке мужа, она замуж хочет. А я вот женат.

Она сидела мраморной фигурой, не дыша. Вскоре он перевелся на заочное отделение.

Ей говорили:

- Они переехали в общежитие училища, где Руслан комendanтом подрабатывает, жену поколачивает.

Ей говорили:

- Он бросил ее. Женился на Любаше с иняза.

Ей говорили...

Долгие годы она жила в тени древа страстей единственного мальчика с филфака.

Однажды зимой она встретила его.

Руслан плотно прижался к ней в переполненном троллейбусе, с кривой улыбкой жарко зашептал:

- У тебя носик такой сексуальный. Пойдем ко мне.

Марина выскочила на следующей остановке, вернулась пешком в общежитие. В комнате никого не было, боль скручивала все внутри, хотелось любым способом избавиться от его горячего шепота. Она взяла пачку снотворного из Опиной тумбочки, высыпала в ладонь все таблетки, медленными глотками стала запивать одну за другой отстоянной водой для поливки цветов. Потом легла, не раздеваясь, укрылась полосатым казенным одеялом с головой и стала слушать, как он поет красивым грудным басом: "С ненаглядной певуньей я в стогу ночевал..."

Он пел и пел. Она слышала только его песню. В замке повернулся ключ. Кто-то что-то бормотал, мешая ей слушать его песню. Кто-то громко кричал...

После больницы Марина жить не хотела. Механически совершала какие-то телодвижения. Равнодушно смотрела на Эдика, который умолял ее проснуться, крал паспорт, грозился через знакомую в ее документе печать о браке с ним поставить.

Тем временем барабанщицу из студенческого оркестра сфотографировали нагишом, в крупных красных бусах, на холодном балконе гостиницы "Интурист". А заинтересованные люди в это время шерстили номер ее друга - американца.

Появилась чудовишно циничная статья в столичной газете. Галю выгнали из университета и оркестра, она уехала к своему иностранцу. Марина заняла ее место за барабанами, с ожесточением начала на них выбивать свою боль. Из Одиллии она постепенно перетекла в Одетту, купив черные кожаные штаны, черную водолазку, выкрасив длинные пещельно-русые волосы басмой. Последним гвоздем были огромные бабушкины александриты в серебре - кулон и перстень.

Ах, ты так, а я вот так!

На студенческой вечеринке она увидела его горящие глаза в толпе танцующих. Шепнула что-то гитаристам с физмата, двое с двух сторон коснулись ее щек губами. Она смотрела на себя его глазами, видела раскрепощенную роковую женщину и начала себя любить.

Была одна маленькая отдушина в ее буднях - комната Красиковых в общежитии. Слава ловко тасовал Ленина, Библию, Маркса, словно карты, получалась любопытная каша "Трое в лодке, не исключая козла".

- Козел - это я, точнее, козел отпущения, - со смехом говорил он, начиная читать, не подозревая о своем пророческом даре.

- При чем козел-то? А? - встревал Вовка Наливайко, Славкин однокурсник. Это в Нотангии были жертвенные козлы, их жители тогда язычниками были. Позже туда рыцари пришли и назвали страну Пруссией.

- Слушай, мне в голову красивая мысль пришла, - нетерпеливо перебивал друга Славка, - Пруссия, Россия, Россия! Неплохо! Коренные жители от крестоносцев через Латвию на восток бежали. У них даже национальные одежды были похожи на одежду русичей, - оживлялся Славка.

- Да не суетись ты со своей красивой мыслью, ты же о христианстве пишешь, - Вовка никак не мог угомониться.

- При чем тут козел отпущения? Это же языческий обряд.

- О христианстве пишу, истинно, подтверждаю цитатами великих классиков коммунизма. Не обижай моего ребенка, я происхождение слова "Россия" отыскал. Цените гения в моем лице. Ты хотя бы знаешь, что слово "русские" - единственное прилагательное среди названий наций? Вот скажи мне, к чему они прилагались?

И поехало. Спор мог прервать чтение на часы.

В комнату приходили все желающие.

Славкина жена Иришка жарила макароны, зевала долго-долго, ложилась спать...

Марина слушала и не слышала, но было уютно, никто не мешал думать о Руслане.

В прошлом году она ему сообщила, что, кажется, будет ребенок.

- Что ты ерундой мне голову забиваешь? У меня зачет по английскому языку на носу, - так он ответил и отвернулся к окну. Трамвай полз безобразно долго по синей ночи, она окоченела от холода и одиночества.

- Это твои проблемы, - сквозь зубы процедил он напоследок.

- Да, мои проблемы, - думала она, удивляясь себе. Что в нем есть? Просто мелкий, бесталанный, порочный человек. Мелкий, порочный. Мелкий.

Когда она прошлой весной вернулась с победой из Москвы, он подарил янтарный браслет со словами:

- На финал, может, поеду.

Она усмехнулась про себя. Что он умел? Петь да сеять. Пел он - мороз по коже, но для участия в КВНе этого было недостаточно, нужны были особые способности. Тут возникала некоторая сложность.

Нет, не права она, у него был один замечательный талант - талант Казановы.

Первокурсницу Марину в команду пригласили рисовать. Студенты долго готовились, победа в полуфинале досталась

за отчаянно веселый труд. А что Руслан? Девушка щадила самолюбие друга, которого не пригласили в команду.

Тогда же он говорил о свадьбе в августе, о комнате с большой черной тахтой, где будет сочинять свои бессмертные произведения. Ей отводилась роль оформителя и курьезки. Она иронично наблюдала за его подражаниями Хемингуэю в манере писать, одеваться. Но стоило ему наклониться к ее уху и зашептать скабрёзности, Марина замирала соляным столбом без слов и мыслей, готовая потерять сознание от нежности и желания быть с ним всегда: днем и ночью, в горе и радости. Позже она, цинично анализируя свое безумие, придет к мысли, что любовь - это химический процесс в организме. Не более того.

После первой свадьбы Руслан стал засеивать филологическое поле, не забывая преподавателей. Имел значение только пол, но не возраст.

Марина тем временем работала. За оформление литературного альманаха "Дорога", занявшего второе место среди студенческих работ СССР, она получила хороший денежный приз. Показали по телевизору передачу об альманахе. К выступлению она сшила черное бархатное платье с вологодским кружевом.

Приехав к родителям на каникулы, ощутила вкус славы. Знакомые останавливали при встрече, с уважением говорили с ней о чем-нибудь, вспоминали КВН.

Свободное время Марина забивала чтением, стараясь заглушить чувства, не думать о нем. Начала методично, с первого до последнего тома, перечитывать классику.

Появились стихи и доброжелатели.

Первым появился министерский сынок, рыхлый башкир, пытавшийся достоинствами отца завоевать любовь девушек к себе. Каждой он рассказывал, словно бы невзначай, о своей квартире, в которую постоянно покупал мебель, шторы и прочее барахло, каждую покупку обсуждая с новой знакомой. Он постоянно болтался в общежитии.

Столов, по подсчетам Марины, он купил уже полдюжины. От него отмахивались, как от назойливой мухи.

Марина отпугнула его при первой же попытке создать романтические отношения, но смягчилась и перевела его энергию страсти в приятельское русло, когда тихая Рая из соседней комнаты стала ходить к нему в гости.

Булат похвастался своими связями с литературной элитой республики. Марина глупо попалась на крючок со своей тетрадкой стихов, вместе с приятелем придя в гости к маститому литератору. Робея перед мастером, она стала бляеть свои опусы, в то время как Булат отлучился на "минутку". Ей хватило десяти минут, чтобы понять, что стихи - это предлог, чтобы заманить молодую дуру к этому обремененному бытом и возрастом потному козлу.

Сбежала она с незначительными потерями, лишившись верхней пуговки на блузке и тетрадки, которую восстановить не удалось.

На каникулах проклюнулся лысый земляк, инженер с завода, Дашин хороший знакомый.

Втроем гуляли до утра. Мама волновалась, звонила Даше, потом Шурику, чей телефон узнала от Дашиной мамы.

- Ты совсем от рук отбилась, при первой же встрече теряешь голову, - сердилась она.

- Мама, мы втроем на гору ходили.

- Знаю я ваше "втроем", небось, Дашу тоже кто-то прикрывает.

На следующий день Шурик нашел Маринину маму на работе. Вечером она с изумлением рассказывала дочери о встрече:

- Отвел к кадке с пальмой, целовал мне руки и клялся, что между вами ничего не было, просил тебя не ругать.

- Он старше меня на пятнадцать лет! Что может между нами быть? - девушка удивлялась, не задумываясь о том, что Шурик моложе ее матери всего на три года.

После этого смешного приключения он стал почтительно ухаживать за Мариной до ее отъезда.

Позже еще небольшое развлечение, связанное с телефонным разговором. Надо было выяснить, приедет ли Даша на день рождения к Марине. Что-то не так соединилось на АТС, и девушка слышала разговор:

- Ты едешь к ней? - спросил мужской голос.

- Да, конечно, я уже ее любимый торт "Птичье молоко" купила, - ответила Даша.

- Давай вместе утренним шестичасовым поездом, - Шурик говорил "утгенним", не проговаривая "р".

Марина пыталась до них докричаться, но напрасно старалась.

В одиннадцать она их встретила на вокзале. Даша кинулась на шею:

- Как ты здесь очутилась?

- Вас встречаю, "Птичку" не терпится получить. Что с вами? Словно аршин проглотили. Я же говорила, что у меня хорошая интуиция.

Даша долго потом пыталась подругу, но та свой секрет не раскрыла.

Она помнила шумную толпу в общежитской комнате, в подарок несли водку и закуску. Кто-то прокрутил на мясорубке селедку, смешал с маслом и намазал на хлеб. Кто-то подарил пластинку с песнями Утесова. После застолья пошли на мусульманское кладбище. Славка нашел крышку от гроба, взвалил на спину, надел на шею венок - в таком виде с толпой направился в город. Марина подсчитывала, сколько лет тюремного заключения ей полагается за осквернение могилы. Парня она жалела, у того явно не все дома, глупо было бы ожидать вишни на чертополохе. В семье потомственных алкоголиков Славка был белой вороной. Во время турпохода на озеро Марина видела его отца, случайно забредшего на огонек костра. Деревенскому пьянице предложили сухое вино.

- Это сухой порошок, что ли, разводят? Я такое дерьмо не пью, - гордо отказался папаня.

Они втроем с Дашей и Шуриком сидели на мраморной скамейке у памятника молодой балерине и беседовали. Под утро проводили Шуру до друга, устроились на узкой железной кровати в накуренной общежитской комнате с грудой грязных тарелок. Долго говорили, прижавшись друг к другу, постоянно скатываясь к середине кровати.

Влад исчез так же, как появился. Даша сдержанно рассказывала о новом увлечении. Марине не о чем было рассказывать, поле личной жизни стояло невспаханное.

- Чем Шурик плох? - Даша не понимала подругу.

- Неинтересно, - ей никто не был нужен.

- Может, в монастырь сразу двинешься? Ты очумела совсем от своего Руслана. Петух он неоципаннный.

Как-то университетская подруга Светка сказала:

- Клин клином вышибают. Хочешь, познакомлю с преподавателем из мединститута?

- Хочу, - Марина понимала, что надо что-то менять, чтобы не умереть от незаживающей раны.

Он оказался ниже ее ростом, округлый, мягкий, с пушистыми ресницами вокруг светлых глаз, насквозь пропитанный еврейской интеллигентностью и талантами. Авторскими свидетельствами была завалена верхняя полка письменного стола. Квартира походила на ее родной дом, тот же простор, мебель восемнадцатого века, картины. Только не чувствовалась женская рука - ковры годами стояли в рулонах по углам комнат, в гостиную проходили через кабинет. Кухня в сущности своей была залом.

Мишина комната напоминала что-то среднее между булуаром и офисом: огромная тахта с подушечками, тяжелые портьеры в тон, пишущая машинка, книги, деловой стол.

Миша жил с мамой, отец недавно умер, поэтому о нем много не говорили.

Он дал подруге ключ от квартиры. У него была сказочно хорошая библиотека, Марина с головой ушла в чтение.

Однажды на концерте встретила Влада:

- Что ты тут потеряла? Обещаю, будет интересно, если поедешь с нами.

С ним был Женя - бородатый полноватый красавец, который написал либретто для какого-то балета, сочинял музыку для цирка.

Они устроились в старой "Волге" с оленем на капоте, Женя за рулем. Влад положил голову Марине на колени, высунув в окно длинные ноги в белых импортных кроссовках. Так ехали.

Бабушкина однокомнатная квартира окнами в парк, в комодах, кружевах и пыли, со стойким запахом старых пепельниц, стала вскоре еще одним клубом на Марининой дороге.

Пили крепкий кофе на кухне, Влад тоже читал что-то, что отлетало от девушки, не задевая сердца.

В тот вечер он спросил:

- Кого из нас выбираешь? Жека хоть и красив, но у него недержание, - мужчины подсмеивались друг над другом.

- Тебя, мы с тобой почти родственники, - подражая Владу, с бравадой ответила Марина, съежившись внутри от мысли: "Ну что, подруга, покатишься?"

И осталась у него. Утром протерла пыль и сварила кофе.

- Что ты наделала! Бабка догадается, что я тут был! Напыли немедленно, - напугал он Марину. Она смотрела в его смеющиеся глаза, медленно понимая очередную шутку.

Бабки уже давно нет на свете, квартира принадлежит Владу. Что ещё она про него знала? Отец композитор, мать балерина, есть сестренка-школьница. Сам работает в юридической консультации.

- Как тебе ночь? Я к сексу отношусь, как к спорту.

- А я как к наркозу, - неудачно ответила она, - боль не чувствуешь.

Она приходила изредка. В сексе не было души и гармонии, вскоре отношения стали дружескими. В квартире собирались интересные люди, говорили на острые темы, доставали запрещенную литературу.

Влад дал подруге список книг, которые он хотел бы почитать. Она находила книги у друзей и знакомых.

- Дай мне координаты хозяина, может, продаст книгу, - просил Влад, листая очередное приобретение.

Марина знакомила с однокурсниками, перекупщиками. Во время очередной читки сюрреалистического творения Влада она рассказала о Славке. Влад, как ей показалось, нашел литературного соперника, много и подробно расспрашивал об этой семье, о книге.

Тем временем Марина переселилась к Мише, постоянно ощущая его доброжелательную опеку. В сумочке постоянно находила деньги, в доме ждал сытный ужин без соли, как было принято в этой семье врачей. Приходящая женщина мыла полы, готовила, в то время как девушка лежала с книгой на тахте. При встрече с Мишиной мамой, Эллой Давидовной, вежливо здоровалась и ныряла в полумрак комнаты, ощущая волну жалости со стороны ухоженной красивой женщины.

Вечерами Миша терпеливо занимался образованием девушки, настойчиво разучивая латынь, поощряя сочинительство, бережно пряча напечатанные листочки.

Иногда Марина навещала подругу Милу, одноклассницу, с которой была знакома за три поколения до рождения. Ее отец когда-то был лучшим другом Маришкиного деда, а мама - подругой бабушки. Такая разница в возрасте возникла из-за трагедии в семье, случившейся после войны. Двое старших братьев Милы, тринадцати и четырнадцать лет,

умерли в один год от дифтерии. Остался только младший. В пятьдесят два года родители решились на Людмилу.

Все работали в школе в маленькой деревне на Урале, где было много сосланных, почти все друг другу приходилось родственниками.

Милин отец после развода купил маленький домик под снос на окраине столицы и увез дочь.

Марина приходила в чистенький домик с блестящими желтыми полами, журавлями на стене, нарисованными ею, черным пианино, на котором стояли фотографии Алена Делона, Одри Хепберн и племянника Макса.

Они готовили нехитрый ужин, растапливали печь, ложились на скрипучий диван и выключали свет. Подруга обладала талантом слушать, Марина исповедовалась. Мила была талантлива и нежна, но ее очередная попытка поступить во ВГИК провалилась, она пошла на иняз.

Играли в писателей, композиторов, художников. Кто больше назовет на определенную букву. Игра никогда не надоедала, в темноте девушки выдавали свои новые приобретения, приготовленные к концу игры.

Мила была тихой красавицей. Марина любовалась ее стройностью, постоянно удивляясь, что никто этого не видит. Семья жила трудно, на маленькую пенсию отца. Одну зиму подруга проходила в старом Маринином пальто. Мила постоянно болела, до её звездного часа километры лет протекали за крохотными окнами утонувшего в снегу дома.

Летом дом терялся в зелени сада, в комнатах стоял уютный полумрак. Мила умела из ничего создать шедевр вкуса: стелила зеленую скатерть с кистями на круглый стол, с краю ставила стеклянную вазу с колосьями пшеницы и маками.

Отдохнув душой, Марина вновь шла в большую жизнь, где черный камень под сердцем обязательно начинал разбухать, вынуждая опять искать тихую пристань.

- Похож!

Марина очнулась, подняла голову от рисунка. Влад подвинул стул, устроился рядом, разглядывая свой портрет. За окном стояла сплошная стена воды, она не заметила, когда начался дождь.

- Читай, это от Даши, - Марина развернула письмо, подвинула в сторону Влада. Он быстро пробежал глазами, коротко хохотнул, отобрал у девушки авторучку и стал делать правки.

Марина видела подругу недавно, в последний приезд в родной город. Они ходили к портнихе, та шила Дашке красивое платье цвета электрика. Подруги виделись последнее время редко, Даша училась в Казани на юриста. Похудела, талия стала тонкой-тонкой. Огромные черные глаза на смуглом лице были оттенены голубым цветом, проволочные черные волосы подстрижены короткой шапкой. Красивая девушка, только росточка Бог не дал.

Радовались встрече, как никогда. Дашу замуж звал спортсмен какой-то, она возбужденно рассказала всю историю романа, потом вдруг спросила:

- Ты не встречала Влада?

- Как не встречала? Я же тебе писала. Он мой хороший приятель.

- Я не получала никаких писем, у меня адрес сменился, - сказала Даша тихо, глаза еще сильнее потемнели, но Марина не догадалась, что с подругой, вечерним поездом уехала.

А вскоре получила последнее письмо.

- Давай ответим ее же стилем, - Влад развеселился, взял чистый лист и стал писать: "Из любви к черному юмору я посоветовал Маришке ответить так..."

- Пиши, я продиктую, - Влад сунул ей в руку авторучку.

- Захлопни свою красивую пасть...

Марина четким почерком вывела эти строки, потом смяла листок и отбросила в сторону.

- Ну ты и сволочь!

- И ты не лучше.

- Да, не лучше. Она, оказывается, тебя любит.

- Я тоже ее люблю. Сейчас напишу ей об этом.

Он расправил листок и написал: "И я тебя люблю, моя рыбка. Твой Влад". Смял лист и положил в карман.

Позже Марина узнала, что злая шутка на этом не закончилась. Он отправил письмо.

Шел последний экзамен последней сессии в университете, когда ее мир рухнул.

Марина писала ответ на второй вопрос, когда к ней подошел преподаватель и сказал, что ее ждут в коридоре.

Молодой человек с близко посаженными темными глазами, короткой стрижкой показал ей удостоверение:

- Надо поговорить.

- У меня экзамен, я минут через пятнадцать освобожусь.

- Тебе, может быть, его не придется сдавать. Все зависит от твоих ответов.

Марина ощутила, как тело покрылось мурашками, она слышала кое-что об этих людях.

Не сказав больше ни слова, они вместе зашли в пустую аудиторию, где начался разговор.

- У нас есть хорошая рекомендация на тебя, - начал он.

- Спокойно продолжай учебу, вскоре тебя оставят работать на кафедре. Твоя задача - изредка сообщать нам, кто и что пишет, что читает. Комсомолка должна заботиться о безопасности Отечества.

- Какая безопасность? Вы что, с ума сошли, хотите меня в шестерки записать? - от волнения ладошки у Марины стали мокрыми, она без конца теребила шарфик.

- Фу, как грубо! У нас другое мнение о тебе было.

- Какое, к черту, мнение?! Мне же экзамен надо сдавать.

- Кто был в субботу у Молчановых?

- Чем занимается Наливайко?

Кошмар длился шесть часов. В коридорах давно стихли голоса, слышался только звук удара швабры о стены. Офицер был, видимо, не из опытных, он много раз задавал одни и те же вопросы, не получая нормальных ответов на них.

- Был ли Гольдштейн на встрече?

- Содержание книги Красикова...

Марина, мысленно распрощавшись с университетом, сидела на высоком подоконнике и курила одну сигарету за другой.

- Есть ли у тебя личное оружие? - задал он совсем глупый вопрос.

- А как же! - зло улыбаясь, стала хамить отупевшая от усталости девушка. - Как же советской студентке без личного оружия?

И совсем озверев от его вопросов, от вида его переднего золотого зуба, она сказала:

- Слушай, парень, если ты со мной переспать надумал, лучше веди в ресторан.

Через месяц Марину отчислили из университета.

До этого она ежедневно ходила от преподавателя к декану, от декана к ректору, везде встречая испуганные лица и получая однозначный ответ:

- Ты сначала со своими делами разберись.

К экзамену ее просто не допустили.

Она предупредила всех о надвигающейся беде. Римма Исааковна сказала:

- Не переживай, к нам они не посмеют сунуться.

- Плохи дела, девочка, - сказал Миша, - звони отцу.

Марина устроилась художником в вечернюю газету. Вскоре приехал отец. Перед его приездом она перебралась в общежитие, которое встретило сумраком сырых грязных коридоров, запахом жареной селедки и тараканами. Маленькую комнату около туалета у Красиковых отобрали,

Славку трясли, словно грушу. Его друга Наливайко выгнали из университета вместе еще с одним студентом, Марком, за издание подпольной газеты. Марине как-то она попадалась, заинтересовав статью о происхождении евреев.

- Только будучи студентом, вы можете писать все, что хотите, - говорил Васюнин на семинарах по журналистике. Ошибся мужик. О чем статья была? Марина вспомнила. В ней говорилось, что все народы на деревьях сидели, когда евреи уже колесо изобрели. Они тогда с Владом хохотали долго. Он заткнул кончик мохерового шарфа в штаны, размахивал другим концом, танцевал и пел: "Все мы обезьяны..."

Отец с профессорской бородкой со значком депутата на лацкане пиджака вошел в кабинет.

Вышел угрюмый:

- Вляпалась ты, дочь, по уши в г...но, - сказал вежливый папа. - Условия такие: в двадцать четыре часа покидаешь город, дома встречаешься с начальником КГБ, он мой хороший знакомый. Потом обещают дать тебе возможность закончить университет.

- Папа, никакой я не диссидент, а Славка вообще с саркомой в голове ходит!

- Ему все это расскажешь.

Можно сказать, что история на этом закончилась. Остается добавить еще одну фразу, но чуть позже.

У Марины по приезде в родной городок началась другая жизнь. В органах она в трех словах сказала, что Гольдштейна не знает, что было истиной, Славкину книгу не помнит, что тоже приближалось к истине. У Молчановых не была сто лет, кто теперь там собирается, понятия не имеет. Слукавила, конечно, для пользы дела, но кагэбешник действительно оказался хорошим знакомым отца, не собирался тонить заблудшую овцу. Короче, "я не я, книга не моя, в чем и расписываюсь", а офицер, который ее доп-

рашивал в аудитории, просто к ней приставал. Месть была наивной, но душу грела.

Про Маринку известно совершенно точно, что сегодня она вполне довольна жизнью.

Даша вышла замуж за своего спортсмена, у нее двое детей, мальчик и девочка. С Мариной они не встречались больше. Беляев перестал ткать гобелены, перешел на шитье джинсов, спился и умер.

Славку удачно оперировали, после чего они с женой разъехались по разным городам. Его друг Наливайко печатается в журнале "НЛО".

Шурик уехал на заработки в Мегион. Через год вернулся на машине, пригласил Марину покататься, но она соврала, что беременна.

- Ну и что? Если ты не выйдешь сейчас, я никогда с тобой не буду здороваться.

Она не вышла. Он свое слово сдержал.

Миша переехал в Москву, в пятьдесят три года женился на своей восемнадцатилетней студентке. Элла Давидовна умерла, не дождалась внучки.

Булат в свите президента республики, часто по телевизору выступает. Грузный солидный дядя, говорит неглупые вещи, чем удивляет старых знакомых.

Лена Молчанова с мужем и сыновьями живет в Канаде. Мила вышла за американца, живет во Флориде, снимается в Голливуде, часто звонит подруге.

Руслан приходил на годовщину мамы к Марине.

Выйдя на пенсию, отец обменял свою большую квартиру в Березниках на меньшую в столице, чтобы быть ближе к внуку. Марина пропустила переездные хлопоты родителей, находясь на работе за границей. Родители радовались новой квартире у леса, тому, что родственники живут рядом. Писали, что близко протекает река.

Через год, осенью, приехала дочь в отпуск. Вышла на остановке "Парковая", нашла улицу, вспомнив, что прежде

она имела другое название. С бьющимся сердцем подошла к знакомому дому, сверила номер:

- Неужели?

Даже подъезд был тот же.

- Мама, этажом выше живет Руслан, - сказала она, не успев переступить порог дома.

- Как? - изумилась она, и тут меня твои грехи достали! Фая говорила, что ее сын с тобой учился, но я не думала, что это он.

Руслан жил в Германии с очередной женой на пособие. Университет он закончил лет через пять после Марины, работал фотокорреспондентом, приезжал на стареньком "Хаммере". Марина иногда видела его в окно.

Давно ушел из жизни отец, в прошлом году мама растаяла в течение трех месяцев, ей было шестьдесят четыре года.

В доме собрались ее подруги. Дочь положила на стол грамоты, медали, мамины вышивки. После чаепития проводила старую тетю Фаю на третий этаж, та жаловалась на больные ноги. Последние восемнадцать лет они с мамой дружили. Тяжело переступая, соседка поднималась по ступеням, Марина поддерживала ее под руку. Вспомнила один телефонный разговор с Русланом:

- Я сказал маме, что в августе женюсь на тебе, она недовольна - в девятнадцать лет общежитскую девочку в дом привожу. Я ответил, что таких грудей больше не встречу, - и смешок. Она до сих пор помнила его голос.

Тетя Фая сильно сокрушалась по поводу несостоявшегося родства. Иногда Марина навещала соседку, не признавая даже себе, почему ей хочется говорить с ней. Как-то за чаем очень спокойно и подробно Марина рассказала пожилой женщине о своей любви к ее сыну.

Дверь открыл Руслан в махровом халате. Ай да старушка! Слукавила, ходить она не может, видите ли. Марина поздоровалась и пошла вниз по лестнице - снова что-то внутри натянулось струной и начало тревожно звенеть.

Через полчаса он постучал в дверь. Марина его в дом не стала приглашать, сославшись на усталость. Накинула на плечи шубку и вышла в морозную ночь. Взявшись под руки, словно старые супруги, они медленно пошли в сторону заснеженного леса, прогулялись до школы, где когда-то учился Руслан, остановились под фонарем.

Еловые лапы в школьном саду прогибались под тяжестью маленьких сугробов, крупные хлопья снега медленно опускались на землю, на лица и таяли.

- Какая ты шикарная, не ожидал, мне хочется тебя сфотографировать, - сказал он, поправляя выбившиеся из-под шапочки волосы, легко коснулся теплой ладонью ее щеки.

- Как-нибудь в другой раз, - ответила она, пытаясь не обидеть, твердо решив, что другого раза не допустит.

Снег ложился на ее не знавшие краски светлые волосы, искрясь при свете фонаря вместе с сережками в ушах. Он ничего не понял, судя человека по внешности, а не по душевным его качествам. Она знала, что "шикарная", она давно уже знала об этом, отстраненно разглядывая его. И ростом он, оказывается, мелкий.

Он регулярно звонил до ее отъезда. Марина не подходила к телефону. Тетя сказала:

- Он мне надоел своими звонками, поговори сама с ним.

Они снова гуляли вдоль леса, Руслан прочитал стихи, посвященные ей, много говорил о своих теплых чувствах к ней, чем ничуть не удивил Марину, хорошо помнившую русскую классику, вызвал лишь легкое недоверие.

Давно, очень давно Марина научилась ценить в мужчине не слова, а дела. Она не хотела о нем думать. Боялась подпускать к сердцу, до сих пор помня ту одуряющую боль, с которой пришлось жить многие годы.

И последняя точка в этой истории.

Однажды встретилась студенческая знакомая Софа. Разговорились об общих знакомых:

- Светка в Петербурге, в банке, Влад во Владивостоке, грузчиком в порту.

- Как грузчиком?! - оторопела Марина. - У него же два высших образования и училище искусств. Что он там делает?

- Как что? Работает. Ты что, ничего не знаешь? Он же офицер КГБ!

Подруги

Лена Большая пригласила подруг в гости, Олю и Лену Маленькую.

Лена Большая - личность неординарная, с трагической любовью, в совершенстве овладевшая умением влипать в невероятные истории.

Все началось с того, что ей не вручили диплом, потому что она отказалась преподавать историю в деревне Семихатке. Пришлось искать работу по другой специальности, чтобы за тунеядство в милицию не угодить. В советские времена разрешалось отдыхать один месяц, за лишние дни требовался строгий отчет.

Устроилась Лена Большая администратором гостиницы "Чайка", стала вникать в секреты управления большим хозяйством, учиться уважать себя, как вдруг раздался звонок горничной со второго этажа:

- Скорее бегите в две тысячи третий номер, там крики страшные! Ключ прихватите!

Лена ринулась на второй этаж, перепрыгивая через ступени. Уже в начале коридора она услышала тонкий женский визг, скинула туфли на высоких каблуках, босиком побежала по мягкому ковру к номеру люкс. Начала кулаками барабанить по двери, пару раз пнула голой пяткой. Никто не открывал, из-за двери доносился захлебывающийся женский визг, потом все стихло. Она наконец сообразила открыть дверь своим ключом.

В номер сквозь бордовые портьеры проникал свет, очерчивая в центре комнаты мужской силуэт. Через минуту она поняла, что видит сюрреалистическую картину: обои в брызгах крови, у окна в черной луже лежит женщина в вечернем платье, а прямо напротив Лены стоит молодой бледный убийца в окровавленной белой рубашке с черной бабочкой на шее. Он протянул ей нож, улыбнулся и сказал совершенно спокойно:

- Что ты кричишь? Вызывай милицию. Я свое дело сделал.

Лена визжала, не понимая, как остановиться, застряв на какой-то высокой ноте. Как выяснилось позже, застряв на многие годы.

Лебединая песня артиста провинциального театра на тему "Отелло и Дездемона" плохо отразилась на судьбе ее участников. Ревнивца забрали в милицию, несчастную убиенную увезли, Лену лечили Ольга и Лена Маленькая, отпавшая водкой и валерьянкой.

- Тридцать шесть ножевых ранений! На гастроли приехали, - она в сотый раз повторяла историю, не умея отойти в сторону, отвлечься, переживая все заново, в сотый раз. Подруги растерянно совершали бессмысленные телодвижения, слепые в своем невежестве. О врачах никто не думал.

Немца звали Зайде, еврейская мама наверняка присутствовала. Был он из Западного Берлина. Где и как Лена Большая встретила лощеного лысоватого немца с запахом дорогого одеколona, подруги не ведали, но что она свихнулась, сомнений не осталось, когда та надумала уехать с ним за рубеж, закрытый двойной стеной: железным занавесом, окружающим СССР, и Берлинской стеной. Роман закончился в одночасье выдворением влюбленного немца из страны без права повторного въезда. Ленка долго не могла утешиться, рассказывая о невероятных приключениях в ее однокомнатной квартире. Интимные подробности вызывали недоверие у подруг, никогда не видевших порнофильмов, поверхностно знакомых с лицами мужского пола отечественного производства, которые в лучшем случае могли подарить на день рождения томик Моруа или пригласить в лесопарк на прогулку.

После этой истории Лена начала писать драмы и поступила на режиссерское отделение ВГИКА. Для чего ей

второй диплом, понять было несложно, ее деятельная натура требовала самовыражения. Лена Маленькая и Оля перешли на пятый курс филфака.

В сочельник устроили девичник, нарядились в длинные ночные сорочки, распустили волосы. Игра тревожила воображение, скромные пасторальные наряды лишний раз подчеркивали достоинства трех молодых женщин. Лена Маленькая с кукольным личиком; рыжая Ольга с роскошными формами и Лена Большая, платиновая блондинка с пушистыми ресницами, дающими тени на нежные розовые щеки - каждая хороша по-своему. В нескольких зеркалах отражались свечи, теряясь в бесконечном коридоре. Хорошо знакомые с обрядами по семинарам в университете, женщины тщательно создали атмосферу таинственности и сами угодили в свою ловушку, с трепетом ожидая увидеть в конце коридора суженного. Спиритический сеанс вызвал холодок в спине, тарелка двигалась по листу расчерченного ватмана сама.

Позже заглянул на огонек диктор телевидения Ник, дамы в красивых новогодних нарядах танцевали с ним по очереди под звуки медленных джазовых композиций.

Потом тишина на несколько лет. Каждый ушел в свою жизнь. Лена Маленькая вышла замуж за однокурсника и уехала в соседний городок. Ольга ринулась в турбюро на поиски мужа за рубежом, железный занавес был снят к тому времени.

Из Кубы она приехала к Лене Маленькой, которая пребывала в интересном положении, всю ночь рассказывала, как при расставании плакал инструктор по плаванию Гарольд.

- Но ведь дети черными рождаются. Что делать? Выходить замуж или нет? - спрашивала Ольга, заранее зная, что не поедет к нему. - Он обещал пять лет ждать.

Тогда же привезла свои первые рассказы.

Из Чехии она приехала с фотографиями Иво.

- За него не пойду, жадный. Покупает кулек конфет, выдает по одной штуке, - говорила Оля, примеряя новое заграничное платье. У Лены под ногами вертелась черноглазая кудрявая девочка, потом приволокла детскую табуретку, встала на нее, дотянулась до Ольгиного живота и ткнула пальчиком.

- Пупок, - сказал гордо ребенок знакомое слово, чем привел в восторг женщин.

Из Италии Оля вернулась загорелая, говорила о пластической операции на веки, о Петере, который обещал приехать летом.

Ленкин второй муж с сынишкой от первого брака отдыхал на даче у матушки. Женщины наедине от души наговорились, вспоминая студенчество, мужчин, в промежутках между серьезными разговорами обсуждая кулинарные рецепты.

Из Японии Оля приехала накануне Нового года и сказала толстой Лене, ожидавшей очередное чудо:

- Хватит, наездилась. Там у них дамы за тридцать не котируются.

Со словами: "Хватит. Бесплатный сыр только в мышеловке" она пошла к приятелю, тоже администратору гостиницы, и сказала ему:

- Я все время за все расплачиваюсь. Пусть, наконец, мне кто-нибудь заплатит, найди на ночь мужика денежного, у тебя тут полно иностранцев. Утром она на вопрос мужчины: "Сколько?" ответила: "Триста".

- Ого, - удивленно протянул иностранец, но триста долларов положил на стол. Ольга тут же пошла на рынок и купила нутриевую шубу.

В следующий раз подруга приехала в пальто.

- А где шубка? - спросила Лена Маленькая, заталкивая в рот большеглазому малышу кашу.

- Да ну ее. Как пришла, так и ушла. Я ее у сестры на

кровать положила, а кот приземлился. Постирала - колом встала. Выкинула я шубку.

Сытый малыш уснул. Лена Маленькая принялась раскатывать тесто, в сковородке уже жарились пышки. Маленькая Лера норовила съесть сырое тесто.

- Нельзя, заболеешь, - Лена отобрала у ребенка мучной шарик.

- Mamочка, положи мне колобок на нос. Я не Лера, я лисичка.

- Какая хитрая лисичка, - Оля удивилась сообразительности ребѐнка.

В следующий раз женщины встретились у моря. Стали делиться новостями. Лене Маленькой в четвертом браке привалили деньги. Рожать она категорически отказалась, разбросав свои творения по бабушкам и санаториям. Муж, толстенький, уютный, против Ленкиного решения не возражал, имея достойное уважения количество собственных детей. Очередной брак удивил Олю. И когда она все успевает? Четверо детей, дом, газета. Всюду она успевает. Старшая уже в девятом классе, отличница с кукольным личиком. Как можно с такой внешностью отлично учиться, Оля тоже не понимала.

- С Ленкой Большой беда, - рассказывала Оля, подставляя до сих пор красивые груди под лучи послеполуденного солнца.

Загорали топлес. Лена Маленькая прикрывала платочком натруженные груди, поднимая то одну, то другую ногу, пытаясь при помощи гимнастики сбросить лишние килограммы.

- Почему тебя все время замуж берут, а меня ни разу? - недоуменно спрашивала Оля, сравнивая свое роскошное тело с Лениным.

- А ты притворись глупой и доброй, а в постель не спеши. Бери измором. Что с Ленкой? Рассказывай.

- Она одного до свадьбы довела, хорошо все сложилось. Уехал он в очередную командировку на Север и пропал. Она всех на уши подняла. Выяснилось - вертолет в тайге пропал. Долго искали, но не нашли.

Переживала очень. Помнишь, как мы в сочельник гадали? Ленка решила на жениха погадать. Зеркала, свечи, ночная рубашка до пят, волосы распущенные - все как надо. И видит в зазеркалье его.

- Не может быть!

- Может. Он ей говорит: "Я жив, но выбраться отсюда не смогу никогда".

- Где же он застрял? Не в берлоге же. И не в плену, какой плен в тайге?

- Все это бред. Дальше слушай. Разбила она свое окно в зале и выпрыгнула. Хорошо, что было невысоко. Зима. Сочельник. Побежала босиком к соседям с криком: "Жив! Он жив!"

Положили в клинику.

- Ну дела.

- Да, дела. Два года лечилась.

- Понятно, почему ее передача "Кино" пропала с экрана.

- Она сейчас в норме, директором кинотеатра работает. Навестим как-нибудь?

- Хорошая мысль. Позвони ей, я приеду.

Лена Большая пригласила старых подруг в гости. Дверь открыла слегка располневшая красивая женщина. Сразу стало уютно, словно не было прошедших лет. Женщины радовались встрече, перебивали друг друга, задавая вопросы, тут же переключались на другую тему, не дослушав ответа. Шуршали пакетами, раскладывая принесенные деликатесы.

Стол был сервирован на четыре персоны, в центре стола пустое пространство для большого блюда. Наконец сели за стол. Лена Маленькая и Оля с тайным любопытством

ждали четвертого, но время шло, никто не звонил в дверь. В комнату важно вошел толстый кот с двуналыми лапками, запрыгнул на стул, потом на стол, растянулся в центре стола.

Лена с Олей молча смотрели на кота, хозяйка накладывала в большое блюдо картошку с отбивными котлетами.

Поставила блюдо около кота.

- Ну что, за встречу? - предложила хозяйка, разливая холодную водку по стопкам. Кот тем временем лапкой аккуратно стянул с селедочницы рыбу в свою тарелку и начал неторопливо есть.

- Девочки, что сидите, как неродные, ешьте селедку, очень вкусная, - говорила Лена Большая, накладывая в свою тарелку кусочки рыбы.

Подруги, как по команде, взяли по куску и все четверо начали молча жевать.

- Ах ты, Пушок, красавец мой, - Лена погладила кота по хребту.

- Я его зимой в кинотеатре нашла. Посмотрите, у него на лапках по два пальца. Такой умница, любит свежие огурцы.

И она начала подробно рассказывать о своем любимом существе.

Лена Маленькая с Олей молча жевали селедку, не чувствуя вкуса, не глядя друг на друга.

Ностальгия по школе

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была школа-лицей Пять Дробь Шесть, она так называлась, потому что располагалась в двух типовых трехэтажных зданиях, огороженных одним забором. Поздней осенью вдоль забора набухала сочная красная рябина, соблазняя птиц. Невиданная случайность однажды осчастливила город прилетом несметного количества свиристелей, которые перелетали с крыш многоэтажных домов на провода, с детских качелей на деревья, оставляя повсюду после себя красные пятнышки рябины на первом робком снеге. Учителя прерывали уроки, выводили ребят в школьный двор, где с говорливым изумлением дети разглядывали это чудо природы с полосатыми цветными крыльями.

В классе дети рисовали птиц под музыку Вивальди.

В поезде было жарко. Четверо цыганят мал мала меньше с визгом носились по коридору, спотыкаясь о грязные серые тряпки, постеленные на длинный полосатый ковер. В купе вошел чернявый мужчина лет сорока, обвел быстрым взглядом двух женщин, устроился на краю нижней полки.

- Это ваши дети? - спросила молодая женщина, с любопытством разглядывая красивое лицо соседа.

- Теперь мои, - ответил цыган.

- Почему теперь? - удивилась женщина. Вторая, испытывая неловкость за подругу, отвернулась к окну, делая вид, что не прислушивается к разговору.

- Это дети наших погибших друзей, везу к себе домой, - спокойно ответил мужчина.

- Почему в интернат не отдали, раз у них нет родителей? - не могла никак утомониться Анжела Андреевна, так звали одну из попутчиц.

- Цыгане своих детей в интернаты не отдают, - твердо

ответил мужчина и стал смотреть в окно. Поезд медленно тронулся, начал постепенно набирать скорость, проезжая мимо соседнего состава все быстрее и быстрее, вдруг встал, оглушив неожиданной тишиной. Пассажиры поняли, что все еще стоят, это соседний состав прошел мимо них.

- На что же вы будете жить с такой оравой? - задала очередной вопрос любопытная соседка.

- Таких дур, как вы, облапошим - на хлеб с маслом хватит, - ответил мужчина без улыбки и вышел из купе, с треском захлопнув дверь.

- Что вы пристали к человеку? - повернулась к Анжеле женщина постарше, - не видите - у человека горе.

- Слышали, что он сказал? Быстрее помогите поднять полку, надо вещи спрятать.

Вторую как ветром сдуло с полки. Две женщины суетливо прятали свои нехитрые шмотки, толкаясь и ударяясь задами.

- Шапку! Шапку! - шептала Анжела, стягивая со второй норковую шапку.

Когда цыган вернулся, тетки сидели на своих местах смиренно, только легкий румянец на щеках говорил о недавней суете.

Мужчина ухмыльнулся и вывалил на стол бутылку водки, шоколад, минералку, колбасу со словами:

- Угощайтесь.

Повисло неловкое молчание, которое прервала Елена Сергеевна, начав копаться в клетчатой китайской сумке:

- Курочка, у нас есть курочка.

Мужчина придвинулся к столу и стал разливать в разнокалиберные кружки водку. Потекла неторопливая беседа под перестук колес, поезд отошел со станции, направляясь в сторону Урала, медленно набирая скорость.

В соседнем купе утомилась детвора, женщины в цветастых юбках уложили их спать.

Анжела оживленно беседовала с интересным челове-

ком, Елена Сергеевна повернулась в сторону окна, прислонилась к стенке с неудобной ночной лампой, прикрыла глаза. Спать пока не хотелось, но беседа с незнакомцем паводила на неприятные размышления: "Хороший обычай у этих романтиков, нация не потеряет жизнеспособность при таком отношении к будущему, не утерит культуру, традиции. А у нас что творится? Дети в интернатах живут при живых родителях. Свобода личности никак не означает, что можно бесконечно размножаться, не отвечая за свои поступки. Почему за бездумные игры взрослых отвечают дети сиротством, на всю жизнь уяснив свою ненужность".

Елена Сергеевна вспомнила свою соседку по квартире, немолодую некрасивую женщину, всю жизнь прожившую вполсилы, вполголоса.

- Я же в интернате росла, ни печь не умею, ни ребенка воспитывать, - сказала она однажды, по привычке застенчиво улыбаясь.

Елена Сергеевна невольно чувствовала перед ней свою вину. Обласканная родителями, она ощущала в себе такие силы, способности, которых, возможно, в ней не было; но ведь все, за что она смело бралась, получалось замечательно. В гимнастике, в живописи, в любви, наконец, она достигала желанных результатов. В тридцать четыре года она завуч огромного лицея, где есть даже 1 "Л" класс. Неплохо для семейной женщины, влюбленной в свой дом.

В девять лет Елена поняла, что жить лучше дома. У ее родителей была обязанность приглашать на воскресенье одного ребенка из интерната, а в следующий выходной отправляли дочь с новоиспеченной подружкой в казенный дом.

Все в новинку, интересно: на выделенной кровати Елене не захотелось спать, они устроились на тесной детской кровати с худенькой девочкой, крепко обнялись и, побол-

тав о том о сем, заснули. Но дружбе не суждено было состояться, потому что через какое-то время девочек пришлось постричь наголо из-за педикулеза. Может, кому-то повезло больше. Но Елена Сергеевна была убеждена, что благотворительность по приказу свыше никогда не принесет блага, если не пройдет через душу.

Поезд шел мимо заснеженных дачных городков Подмосковья, где кипела жизнь даже зимой, рисуя свой след паутиной лыжни, дымящимися трубами, многочисленной толпой людей у маленьких магазинов вдоль железной дороги. Колеса дробно перестукивали: "Хо-ро-шо, хо-ро-шо!".

Елена Сергеевна отвлеклась от воспоминаний и повторила про себя: "Хорошо!". Какую замечательную штуку они везут, кто бы знал! Если называть вещи своими именами, они совершили самую обыкновенную кражу. Но все равно хорошо.

Курсы не повышали квалификацию учителей, а давали возможность немного отдохнуть среди новых людей от сумасшедшей гонки, в режиме которой они жили в новом лице у себя дома.

Выступали авторы учебников для начальных классов, говорили на давно знакомые темы, долго и подробно размышляя о возможных вариантах учебников, которые сами же критиковали. Анжела потихоньку стала бегать по магазинам, а ответственная коллега вечерами пересказывала содержимое занятий, пока однажды не наткнулась на жемчужное зерно.

- У метро Коломенское есть школа, в котором математику изучают по экспериментальной программе, - сказала вечером Елена Сергеевна. - Может, съездим?

- Съездим, - живо согласилась Анжела. - Что за программа?

- Мы математику детям как даем? По зернышку, из крупиц простых понятий складываем гору. А они наоборот -

сначала дают гору общих понятий, а потом по крупице вынимают элементы и изучают. Физики из МИФИ придумали эту программу для своих детей.

- Смысл в этом какой?

- Говорят, что после третьего класса дети решают задачки за седьмой.

- Да ладно! Не может такого быть! - воскликнула Анжела. - Поедем завтра, посмотрим?

- Поедем.

На том и порешили.

Долго искали школу. Забрели в церковь, стоящую среди звенящих от мороза деревьев. Редкие прохожие пробежали мимо двух провинциалок, неизвестно с какой целью забредших в довольно пустынное место.

Школа встретила суровой охраной, через которую с трудом прошли; директор дал понять, что они здесь посторонние, всякие консультации исключены. За разрешенные полчаса учительницы ничего не узнали, везде встречая холодный отказ даже просто поговорить. Ничего не оставалось, как уйти несолоно хлебавши.

Вышли с некоторой обидой и остановились около здания. Профессура, видите ли, у них работает, нельзя беспокоить. Нельзя, так нельзя, есть другие пути.

В это время вышла та, молоденькая, у которой уроки закончились недавно.

- Хочешь хорошо заработать? - спросила Анжела, показывая довольно приличную сумму из-за пазухи, как спекулянтка на базаре.

Уже далеко отошли от школы, но молодая все еще колебалась. Учительницы добавили еще и наконец дожали, отдав всю сумму полностью и сразу.

На следующий день в метро долго стояли, подсчитывая убытки. Молодая пришла, когда все сроки истекли, с оглядкой, словно шпион из фильма, сунула толстый пакет в руки Елены Сергеевны и быстро убежала.

- Вы спите? - Анжела испотом вывела из дремоты коллегу, - дайте мне спирт, пожалуйста.

- Успокойтесь, если заразились, то поздно после драки кулаками махать, - с улыбкой сказала Елена Сергеевна, наблюдая, как коллега усиленно вытирает рот. - Уже часа два прошло.

В купе они были одни, попутчик, видимо, вышел в тамбур.

- Противно, - пожаловалась Анжела, - до сих пор противно.

- Мне тоже противно, - рассмеялась Елена, вспомнив постыдное приключение на Московском вокзале. Они потеряли квитанцию на сумку, после долгого нытья рослый носильщик обещал выдать двум теткам их поклажу в обмен на два поцелуя. Поезд уже стоял на перроне, женщины дружно кивнули головами, и мужик повел их по проходу мимо полок с чемоданами. Елена Сергеевна отделалась легко, однажды хоть обрадовавшись своему возрасту, а Анжеле достался горячий мокрый поцелуй в молодые уста. Они волокли свои сумки, пригибаясь от нервного хохота, а потом с остервенением терли губы спиртом.

- Хватит натираться, ложитесь спать, - сказала старшая, устраиваясь на нижней полке.

В купе вошел попутчик, осторожно поднялся на верхнюю. Вторая полка пустовала.

Елена Сергеевна с улыбкой думала о директоре. Интересно, как она встретит новость?

В июле учителя поехали на недавно полученные дачные участки у черта на куличках. Луиза в ситцевом садовом платье и кирзовых сапогах шагами промерила участок Елены, недовольно бурча:

- Даже здесь ей повезло - все девять соток.

Все тихо посмеивались над начальством, которому подсунули участок с болотом в центре - надо же такому случиться!

Неудивительно, что директор сразу согласилась на эксперимент.

Про этого человека можно рассказать много любопытного.

Начать хотя бы с того, что в кабинете у Луизы Ильясовны свет выключался около часу ночи.

Все знали, что в шкафу у нее висят костюмы на разные случаи жизни, в приемной стоят чайник и коробка с едой, тоже на всякие случаи жизни. А на прием к ней приходиться лучше вечером. Отношение к директору было неоднозначным, но уважали все. Ее попытка создать авторскую школу рухнула в конце концов из-за национального вопроса, но в свое время в республике лучше этой школы не было. Внутри двух типовых зданий умещался детский санаторий с шахтами для астматиков, зубным, массажным кабинетами, свои музыкальная и компьютерная школы, швейные мастерские, тир, множество кабинетов, которыми гордятся простые школы. В коридорах висели картины мастеров, подаренные авторами. Еженедельно филармония проводила в актовом зале школы концерт. Но все это терялось в сравнении с тем, как она поставила работу учителей. Шла настоящая, хорошо организованная муштра, которая привела к тому, что любой урок учителя стал открытым.

Однажды через десять минут после начала урока открылась дверь в класс Елены Сергеевны, и Луиза шепнула:

- Принимайте гостей.

Вошли двадцать шесть директоров республиканских школ со стульями. Дети привычно собрались, учительница тоже не растерялась, моментально перестроив урок с обучающего на урок повторения пройденного, чтобы показать ребят. А показать было что.

После зимних каникул шлифовали испорченные детьми книги. В привезенных рабочих тетрадях не оставили ничего лишнего, затем отдали в типографию для издания

книг на два класса. Параллельно всем коллективом изучали методички. Эксперимент начался с согласия родителей, которых честно просветили об истории происхождения программы. Сначала страшились последствий, никого постороннего не пускали в класс. Может, москвичи тоже последствий боялись? К Новому году выравнивались с другими классами, а потом двинулись вперед, словно набирающий скорость поезд. Через три года любовались результатами, а чуть позже программа пошла по другим школам из других источников. Сейчас по книгам Виленкина и Петерсона занимаются все лучшие школы и России, и ближнего зарубежья.

Луиза Ильясовна не жалела денег на обучение учителей: все проходили компьютерные курсы, всевозможные курсы повышения квалификации, с ними работал профессиональный психолог. В старших классах преподавали профессора из вузов, выпускные экзамены приравнивались к вступительным, в результате однажды был поставлен рекорд - 93% лицеевцев поступили в институты.

Это было давным-давно, настоящая сказка не состоялась, потому что однажды на педсовете вывели на сцену женщину лет сорока и сказали:

- Знакомьтесь - ваш новый директор.

Луизу увезли с инфарктом.

В школе не поняли причины демонстративной отставки, поговаривали о финансовых махинациях, но в коллективном саду до сих пор строилась хижина дяди Тома - садовый домик директора школы размером четыре метра на четыре; жила она в трехкомнатной квартире с мужем и семьей, за рубеж не ездила. "Финансовые махинации", заставили сотрудников роно уничтожить лучшую школу республики?

Шепотом передавалась другая версия, вызывая озноб у слушателя. Неужели национальный вопрос?

Елена Сергеевна давно уехала к мужу в Казахстан, так решив личные проблемы. В новой школе бумажная волокита отнимает много времени учителей, ей хочется кричать: "Не так надо работать!" Но в чужой монастырь не лезут со своим уставом. Однажды на открытом уроке ребенок сделал фонетический разбор слова до того, как учитель продиктовал это слово. Елена поняла, что пришла на отрепетированный концерт, спросила:

- Когда разбор полетов?

- Зачем? - удивился завуч. - Открытый урок прошел.

Елена вспомнила, как она краснела перед коллегами за мусор в речи - во время урока несколько раз сказала "так".

Изредка она приезжает в свой родной город и идет в школу, где до сих пор работают несколько учителей старой закалки.

- Меня директор попросил уменьшить количество отличников в четвертом классе, - говорит Анжела Андреевна. - Девятнадцать человек - это слишком много.

Директор еще не знает, что в одиннадцатом классе почти все эти дети будут отличниками. Школа! Главное требование Луизы было - не только дать знания детям, а научить их учиться.

Елена Сергеевна слушает подругу, глядя в окно. На крышах соседних домов, припорошенных снегом, на сочной рябине в школьном саду, на заборе, разделяющем теперь уже две школы, Пять и Шесть, сидит несметное количество свиристелей с полосатыми крыльями.

Бархатная революция

Чех забрал грязные пивные кружки с запахом воблы, отнес за стойку бара и с грохотом швырнул на кафельный пол. Осколки разлетелись звонким веером и докатились до тупоносых офицерских ботинок под столом.

Мужики угрожающе загомонили, громкая музыка, мясорубкой прокрутив ругань, выплеснула "мать", "покажу".

Мальшев лениво поднялся со стула, подошел к бармену, уперся локтями о стойку, по-бабьи подперев ладонями толстые щеки.

- И как это понимать? - растягивая слова, он в упор смотрел на маленького человека в бордовом фартуке до пят. Чех обреченно вздохнул и сказал, словно нырнул в прорубь:

- Ешьте свою вонючую рыбу у себя дома.

Он отлично говорил по-русски. Вскоре все население страны забудет этот язык, потому что Горбачев произнесет слово "оккупанты". А директор костелецкой школы, куда переведут Ирину Ивановну на следующий год, пряча глаза, скажет ей:

- Вы очень симпатичный человек, но я вынуждена отказать вам в аренде помещения, иначе потеряю работу.

Маленький чех отодвинулся от мощной фигуры офицера, краем глаза заметил движение русских за злополучным столом, понял, что кара неизбежна, и выкрикнул тонким, визгливым от страха голосом:

- Убирайтесь с нашей земли домой!

- Домой, с вашей земли, говоришь, - Мальшев за шкирку выволок несчастного из-за стойки, двое подхватили бармена под руки и повели на улицу.

Огромная луна освещала черный лес над ущельем, кривые улицы Либавы, хрустальные стекла игрушечных домиков за низкими заборами, маленький двор в центре городка. На клумбе около пивнушки на коленях стоял чех в

окружении мужиков и ел землю. Малышев крепко держал его за загривок, тыча носом в землю, свирепо рычал:

- Подавись своей землей, гад, подавись.

Таня будет спать до двух часов дня. Никакие силы не заставят ее выползти в пустую кухню; она считает, что чем больше спишь, тем меньше думаешь о еде.

Ирина Петровна отложила в сторону личные дела учеников, выпила стакан воды, пытаясь заглушить голод, и в очередной раз порадовалась тому, что удалось пристроить десятилетнего сына к солдатской кухне. К адъютанту она больше не пойдет, бесполезно, русские деньги чехи не меняют, а до зарплаты пятнадцать дней. Она не представляла, что можно в этой ситуации придумать, просить в долг было не у кого.

Вчера неприятность с макаронами случилась, это была последняя пачка из дорожных запасов. Танюша сливала воду, а скользкие трубочки вывалились в грязную раковину. Учительницы испуганно переглянулись, выловили руками несоленое месиво и съели, давясь невеселым смехом.

Им командир выделил хорошую квартиру со встроенными шкафчиками, с красивыми люстрами и кроватями, которые назывались валендами. На пластиковых окнах жалюзи, за окнами уютный городок, по улицам которого бродят фазаны. Еще принесли три солдатских одеяла, три каменные подушки и постельное белье с синими буквами СА. На кухне нашлась мятая кастрюлька без крышки.

В Миловицах при распределении по школам им подарили пачку печенья. Это было две недели назад.

Вечером Таня не выдерживает и идет к снабженцу Ваньке посмотреть кино.

Утром приносит палку колбасы и два батона хлеба. Ирине Петровне стыдно, что она не удержала ее.

- Как мелок человек, - думает она о себе, жуя бутерброд с колбасой. В словаре Ожегова есть слово "ханжа" -

лицемер, прикрывающийся добродетельностью и набожностью. С набожностью дело обстояло сложно. Ирина Петровна верила в Мощный Разум, неизвестно где находящийся, но наблюдающий за людским муравейником с любопытством.

- Возможно, сама земля - разумное существо. Стоит только где-то народу проявить агрессию - пожалуйста, получайте наводнение, землетрясение, - размышляла учительница, жуя очередной бутерброд, с горьким сожалением признавая, что с добродетельностью дела обстоят тоже неважно.

- Надо было попросить денег у командира, - запоздало нашла выход Ирина Петровна, прекрасно зная, что к нему опасно обращаться, особист следит за каждым шагом вольнонаемных. За хорошую работу срок контракта можно продлить еще на три года.

В выходной сын, соорудив из футболки сетку, приносит из леса много опят. Оказывается, здесь они считаются поганками. Женщины варят грибы в шербатой кастрюльке, крошат в бульон остатки колбасы и хлеба, с аппетитом съедают кулинарный шедевр, а после обеда идут гулять по горному городку. Чистые окна отражают высокий лес с мшистыми деревьями, прохладными родниками под горой. Гладкая шоссейная дорога между поселками обманчиво обещает безопасность путнику, но змеи и кабаны могут стать причиной серьезных и не очень серьезных неприятностей.

На окраине находят маленькую пасеку, огороженную невысоким забором.

- Говорят, что у них штраф за вторжение в частные владения зависит от высоты забора - чем выше забор, тем ниже штраф. Сходим в лес?

- Там змеи, а у нас нет прививок, которые всем чехам делают, - осторожная Ирина Петровна стала первой подниматься по крутому склону горы, изредка останавливаясь,

чтобы полкобоваться невиданной красотой, с наслаждением вдыхая ароматы поздней осени. Вдали за колпачей проволокой полигон, где гулять опасно, могут случайно подстрелить. На развилках дорог смешное слово "директриса". В этих местах фашисты когда-то ренегировали войну с холодной Россией, а местным жителям платят северные, потому что температура зимой иногда доходит до минус десяти. Женщина улыбнулась, вспомнив Урал с сорокаградусными морозами.

Таня собирала букет лиловых вислоухих цветов, когда Ирина Петровна заметила легкое движение на сне:

- Змея! - успела она крикнуть. Таня замерла с протянутой рукой, медленно отступила, не сводя глаз с угрожающего клубка, резко развернулась и припустилась вниз с горы, натываясь на кочки, с треском пролетая сквозь кустарник. За ней бежала старшая подруга, тяжело сопя и проклиная неудобную обувь.

Внизу отдышались и стали нервно смеяться, смакуя подробности приключения, разглядывая рваный пакет, где на дне болтались два грибка.

- Хорошо еще, что на кабана не напоролись! Славка рассказал про солдата на карауле. Прикорнул он, а ночью начала раскачиваться будка. Солдат чуть дуба не дал от страха, сидит ни жив ни мертв, а его раскачивают да раскачивают, дружно сопя. Утром только царнишка понял, что это кабаны бока чесали.

В школе пять классов выкрасили в ядовито-зеленый цвет. Ирина Петровна выпросила белую краску, перекрасила стены. Стало светло и уютно, пришедшим замполиту и командиру понравилось усердие новых учителей. Директор школы, следуя пословице "Нищему улыбнись - он на заплатку попросит", просит обменять деньги.

- А что вы ели две недели? - изумляется замполит Гусинский.

Женщины молчат.

- Председателя женсовета сюда, - орет командир Будиллов, - немедленно! Люди две недели парты грызли, а она кошек кормит. Молчать! Где Карена?

Откуда-то появляется перепуганная высокая девица бальзаковского возраста. В школу несут кастрюли, поварешки, картошку. Выдают талоны на офицерский паек.

Учительницы блаженно улыбаются. Ко всем приятностям добавляется еще хруст крокн в карманах, командир сам обменял деньги.

На складе Карена обиженно ворчит: "Могли бы попросить".

Ей в голову не приходит, что женщины только сегодня узнали о существовании женсовета. Они тащат в свою норку мешки с продуктами. Сын несет ящик рыбы.

Хорошо-то как, кто бы знал! Вечером еле передвигаются от обжорства.

Ирина Петровна садится писать письмо мужу, ждущему вызов: "...привези теплую кофту...".

Отъезд за границу представлялся ей как будущее обогащение, поэтому она продала все, что смогла, раздала друзьям пластинки (пусть слушают, когда еще вернусь), книги (все равно квартиранты потеряют).

Только здесь она поняла, за счет чего народ обогащается - везут бинокли и другую технику на продажу. Дочь известного космонавта тайком торговала на рынке сигаретами. Учительница была на высоте, оказалось, что ей не на что покупать тряпки. Затраты на ребенка превысили ожидания, пришлось купить ранец, учебники и прочие школьные принадлежности. В школу его увозили рано, приезжал после пяти никакой. Чем сын занимался в свободное время, Ирина Петровна узнала только по приезде на Родину и ужаснулась, с холодком под сердцем понимая, что могла потерять ребенка. Шалости были невероятные. Дети обычно бесстрашны, потому что не представляют последствий

своих поступков. Однажды кто-то из ребят достал две мины, подложил их под сиденья девочек в автобусе. Водитель слышал визг, писк и беготню школьников, но продолжал спокойно ехать по серпантину гор, размышляя о пубертатном периоде у подростков. Об этом случае сын не мог не рассказать, история вылезла наружу моментально и закончилась выдворением проказников вместе с родителями на Родину. В школу пришел особист с предложением поиграть в военную игру "Поиск". Каждого ребенка с двух сторон за руки держали солдаты, так вся школа пошла разоружаться. Нашли даже неразорвавшуюся боеголовку. Но и после "чистки" дети добывали оружие, зачастую меняя опасные игрушки на продукты.

Ирина Петровна пишет, сидя в кухне у окна, укутавшись в солдатское одеяло. В последние дни резко похолодало. С тоской замерзающего человека она вспомнила свои теплые кофточки и шапочку, продолжила письмо: "Привези сапоги с меховыми отворотами...". Слава Богу, ребенку теплые вещи привезла.

Сын спит. Горная дорога выматывает, он нехотя выполняет домашнюю работу, ложится рано. Телевизора в доме нет, библиотека в начальной местной школе для семилеток.

Таня вечерами ходит на прогулку, потом приносит гарнизонные новости.

По городку ходит список офицерских жен с указанием стоимости в кронах. Все знают, чья это работа, но маленький чех куда-то уехал, да о мести не думает никто, злополучный список не ударил только по замполиту, у которого жена в России. Офицеры напиваются, дерутся, скандалят с женами. По местным меркам все наши мужики - алкоголики, в пивнушках сидят чешские пьяницы, выпивают за вечер две кружки пива и маленькую стопочку "Бехеровки". Куда им до наших офицеров! Ирина Петровна с Таней ждут конца войны, занимаясь подготовкой к открытым урокам, скоро приедет комиссия из отдела школ.

Дописать письмо не удастся, чеки отключают свет в гарнизоне, значит, опять продули нашим в хоккее. Таковы местные традиции. Ближе к полуночи раздается звонок в дверь. Ирина Петровна, нащарив фонарик, осторожно пробрается к двери. Таня с порога кричит:

- Петровна, Ленка под землю провалилась!

- Тише, не кричи. Расскажи толком, что случилось.

- Гуляли мы с ней по центру около магазина, за нами солдат увязался, а тут свет отключили. Я ее под руку держала, а она вдруг исчезла куда-то, выскользнула. Я кричу: "Ленка! Ленка!" Она молчит. Прибежал солдат с фонариком, мы ее в открытом канализационном люке нашли. Колена порвала, да так ужасно, зашивали в медпункте. Рана как открытый рот, - Таня долго не может успокоиться, повторяя историю много раз, выкуривая сигарету за сигаретой.

- Таня, не много ли ты куришь?

- Все нормально, Петровна, я в себе лошадь убиваю.

Странную женщину зовут Ларисой. Ухоженная, развещающая аромат дорогих духов, она приходит ежедневно и говорит, говорит безостановочно, не обращая внимания на хозяев. Таня однажды засекала время монолога - получилось шесть часов, хоть в книгу рекордов Гиннесса заноси. Женщины в это время занимаются своими делами, словно при включенном радиоприемнике, изредка угощая гостью чаем. Рассказывает Лариса интересно, она многие годы путешествует по гарнизонам с мужем, изредка работая товароведом в магазине, у нее диплом плехановского института. Впечатляет история с лишним ковром в Германии. Обнаружив избыток полученного товара, женщина срочно сообщила на склад об ошибке, немцы вежливо поблагодарили ее и забрали ковер. На этом история закончилась бы, но случилась серьезная кража; собрали всех сотрудников, а потом отпустили тех, кто вне подозрений, в том числе ее.

За годы работы в гарнизонах Ирина Петровна поняла, что плохо быть офицерской женой, трудно: ни постоянного дома, ни привычных друзей, ни работы по специальности. Все регулярно меняется, оставляя в душе раны и тоску. Эти причины в конце концов приводят или к хроническому алкоголизму, или к полной распущенности, или к неадекватному поведению. Редко кто приспосабливается к бешеному темпу жизни на колесах.

В воскресенье после получки решили съездить в Оломоуц, но прособирались и опоздали на автобус.

- Ничего страшного, поедем на электричке, до станции всего километра три, прогуляемся в кои-то веки, - уговаривает Таня Ирину Петровну, которой самой очень хочется поехать. Одеваются теплее и идут. Олежек вприпрыжку бежит впереди, постоянно дергая мать за рукав.

- Ты купишь итальянское мороженое? А в "Приоре" такой пистолет есть! Ты купишь, мама?

- погоди, не тарахти как пулемет, сначала надо добратся, а там посмотрим.

Вскоре начинает накрапывать дождь.

- Интересно, сколько еще идти? Мы, наверное, уже километра три прошли, а станции все нет.

- Скоро, главное, не суетиться, - в Таниных светлых волосах искрятся мелкие дождевые капли, шапку она не взяла.

- Прикройся капюшоном, простынешь, - говорит ей Ирина Петровна, плотнее заматывая шарфом шею сына.

- Как же у них красиво! Дух захватывает! - восторгается Таня.

- Да, красиво. Леса просто сказочные, у нас на Урале не бывает таких высоких деревьев. Ты обратила внимание, они постоянно мелкий кустарник между деревьями срезают, поэтому здесь прозрачность. Лесников у них пруд пруди.

- Да, у них ружья кирпичом не чистят, все с умом сделано, все для людей. А вы обратили внимание на колючую проволоку? Говорят, что там ракетная часть. Ой, смотрите, косули!

За деревьями стояли четыре косули, повернув головы в сторону людей. Они смотрели грустными карими глазами и не собирались убежать.

Дождь усиливается, настроение портится. Редкие встречные машины с включенными фарами проносятся мимо на большой скорости, хотя дорога идет в гору.

- Километров шесть прошли, не меньше, - тихо говорит Ирина Петровна.

- Не возвращаться же, мы почти дошли, - отвечает Таня неуверенно, прислушиваясь к шуму щедрого дождя в лесу, никаких звуков со станции не доносится. Она еще не знает, что это середина пути, что до станции они пройдут всего двенадцать километров, вымокнув до нитки, неся на своих плечах отяжелевшие куртки. Молчаливые и злые ввалятся в маленький теплый зал ожидания, где встретят такого же мокрого и злого, как они, Иво Сятта, офицера чешской армии. Сердобольная служащая станции напоят их горячим кофе, вещи два часа будут сохнуть на батареях, а Иво полобит Таню.

В Оломоуц в тот день они в конце концов попали, Ирина Петровна почти все деньги потратила на покупки измученному ребенку, порадовав и пистолетом, и мороженым, и еще кучей приятных мелочей. Потрясение получили в колбасном отделе супермаркета - насчитали сорок видов колбасы.

- Даже у нас в Москве столько колбасы не встретишь, - грустно сказала Таня и добавила свою любимую фразу, - у них ружья кирпичом не чистят.

Сын, забыв об усталости, показывал город:

- Здесь учился Гитлер, а там продают настоящие пистолеты.

Глаза разбегались от обилия красоты на один квадратный метр.

- Их любит Бог, а нас нет, - изрекла Таня, - мы, видимо, большие грешники.

- Как мне помнится, Бог тем, кого любит, посылает испытания, - возразила Ирина Петровна.

Поздно ночью добрались до дома.

У Тани пунктик по поводу дырочек, ей кажется, что любая вещь, ею купленная, будет с дырочкой. Рассмотрели первые покупки - носовые платочки и трусики. Танюша находит то, что искала, рассказывает, что такие странности стали происходить после кошмара с любимым эстонцем. Парень с верхнего этажа, по которому она вздыхала с восьмого класса, однажды пригласил ее в гости и с толпой друзей изнасиловал.

Вещи Ирины Петровны в порядке.

Она вновь садится за письмо мужу: "Привези..." Когда же он получит вызов?

В школе холодно. К этой неприятности прибавилась еще одна - кочегар, молоденький солдат, не только не умеет топить печь углем, но еще и ворует. Таня проводит эксперимент, оставляя на столе сладости, которые моментально исчезают. Парнишку жалко, учительницы по мере сил подкармливают бедолагу, но когда у Олежки пропадают дедушкины командирские часы, Ирина Петровна разоблачает вороватого кочегара, после чего часы появляются на столе. Сладату не хочется идти в часть. Он жарит хлеб на машинном масле, по которому с писком бегают мыши, ночует около топки, где однажды умудряется угореть. К счастью, его спасли и прислали другого кочегара.

В середине октября приезжает комиссия в школу. Таня молится, чтобы ее шестилетний первоклашка не наложил в штаны во время урока. С мальчиком эта неприятность случалась не раз. Таня ругалась, снимая пахучие штанин-

ки с ребенка, требовала памперсы у родителей. Мама тихо плакала, подсовывая коробку конфет учительнице, обещая отвезти ребенка на прием к врачу. На этом страсти утихали до следующего раза.

Урок у Танюши получился, чему Ирина Петровна очень обрадовалась, правда, в конце урока подозрительный душок пополз по классу, но в это время прозвенел звонок.

После анализа уроков и чаепития проводили гостей до гостиницы, где для начальника отдела школ и его коллеги выделили всего один номер. Ирине Петровне было неудобно перед высокими гостями, она стала настойчиво приглашать молодую женщину к себе, пока Таня больно не ткнула ее в бок; тогда директор школы залилась мучительной краской, попрощавшись с начальством, выскочила на улицу. Таня шипела, округлив глаза: "Вы что, Петровна, совсем балда?"

Ходят разговоры о выводе войск. Муж не успел приехать в эту чудесную страну, жаль. Ирина Петровна пока мало что видела, но уже успела почувствовать доброжелательное обаяние Моравии.

В воскресенье возили всех желающих в Оломоуц на концерт органной музыки. В костеле с золотыми ангелочками выступал голландец Пиит Кей. Музыка Баха поднимала зачарованные души до сводчатого потолка с такими же золотыми ангелами, уносила выше в смутную синь неба. Позже у Ларисы по телевизору мельком увидели свои удивленные лица.

Хозяйка угощала рассказами о Германии, где она прожила шесть лет:

- Мои соседи были немцы. Подъезд - чище многих наших квартир, цветы кругом, на стене часы, указывающие день дежурства. В свою очередь я решила показать, что мы не лыком шиты. Перемыла все, целый день драила, а вечером меня оштрафовали и попросили всю работу пе-

ределать. Оказалось, что я тряпки перепутала, используя для мытья окон те, которые предназначались для перил.

- Мы к Карене зашли в подъезд - чистота аптечная, у соседей вся обувь в коридоре выстроена рядами, у нас бы давно унесли, - вступила в беседу Ирина Петровна.

- У тети Карены двадцать кошек, - не утерпел Олежек, влез в разговор взрослых.

- Меньше, она подбирает всех бездомных - наши бросают, когда уезжают. Хочет прививки всем сделать и увезти в Союз, - Лариса машинально погладила пушистую думку, словно кошку.

- У нее не все дома, наверное, - сказала Таня, притащившая вчера в дом щенка черного пуделя.

- Да нет, нормальная баба, только одинокая.

- Как можно остаться одинокой в таком малиннике? - удивилась Ирина Петровна, которая уже на себе ловила внимательные взгляды мужчин. Если бы не желание продать контракт...

Позже вспоминали школу с ее смешными мелочами.

У меня Малышев-младший учится в первом классе, - говорит Таня, - матерится, как сапожник. Я ему запретила произносить эти слова. А ребенок спрашивает: "Какие слова?" Я разрулила осторожно, он руками разводит и так удивленно говорит: "Как же так? Слово есть, а говорить нельзя?"

- Мы мать вызвали, так она школу со всеми потрохами туда послала, напоследок добавив: "Придет время - я сыну любой диплом куплю".

Подружились с хозяйкой соседнего особняка. Стефа пригласила учительниц в свое двухэтажное гнездо, показала лубочные картины русского солдата, подаренные ей.

- Ваш Горбачев дурак, сказал, что вы оккупанты, теперь будут перемены. Плохие перемены. Для народа любые перемены - плохие, - говорила она, угощая женщин

необыкновенно вкусным ликером собственного приготовления.

- Как вы такую вкуснятину готовите? - спросила Таня, смакуя тягучую сладкую жидкость темного цвета.

- Собираю черную бузину в лесу, беру кофе, ром...

Дальнейшее гости слушали вполуха, такой ром в Союзе днем с огнем не сыщешь.

- Правда, что вы в России живете в землянках? - в свою очередь спросила Стефа. Ирина Петровна стала рассказывать про Урал, о котором хозяйка впервые услышала, о своей квартире у леса, об университете. Пожилая чешка слушала с недоверием.

Пришел Иво с большим грибом.

- Его надо разрезать поперек, поджарить, перевернуть и залить яйцами, - объяснил он, - будет очень вкусно.

- Нет, Иво, мы не будем жарить, очень гриб на поганку похож. Хочешь, нальем тебе борща?

- Борща? Что такое борща?

После четвертой тарелки борща, приправленного четвертью бутылки русской водки, блаженно улыбаясь, Иво решил на Тание жениться. В прекрасном настроении он начал приставать к женщинам с наивными шутками:

- На чем вы сидите?

- На стульях.

- Нет. На чем вы сидите? - Иво хотелось услышать конкретное слово, но женщины только смеялись.

У Тани появились доброжелатели. Место Ваньки-Колбасы занял женатый Слава. Это его щенок проживал в Таниной комнате, а хозяин уехал в отпуск. Щенок лизал голые пятки хозяев, носился по всей квартире; на поворотах его заносило, и он скользил по линолеуму на пятой точке, смешно повизгивая.

- Для чего тебе эта морока, Танюша? - расстраивалась

Ирина Петровна. - Он никогда не женится на тебе, лучше посмотри на Иво. Будешь жить в хорошем доме в прекрасной стране, он же серьезно предлагает жениться. Симпатичный, с высшим образованием, работа у него хорошая.

- Не люблю я его.

- Не нравится он, обрати внимание на Володю, он на тебя насмотреться не может. Офицер, холостяк, одессит, с ним не соскучишься, денег куры не клюют.

- Потому что кур нет. Кстати, о курицах: куры-то он вам строит.

- Не строит, а строил. Он не дурак и не слепой, чтобы печеное яблоко от наливного не отличить. Зря ерепенишься, он шесть лет за границей, а кроме мамы, у него никого нет.

- Отстань, Петровна, я беременна.

- Господи! Что теперь будет? - учительница с ужасом вспомнила о скором приезде Таниного отца.

Разбился офицер. Был сбит машиной на той проклятой дороге на станцию, когда на рассвете возвращался с рыбалки на велосипеде. Мальчик из Таниного класса принес в школу что-то в грязном кулачке:

- Смотрите, что я нашел на месте аварии! - ребенок разжал ладошку, округлив и без того огромные глаза. - Это папины зубы.

Письмо от мужа пришло накануне Нового года.

"Если не сумеешь вызвать меня, выпишу тебя из квартиры, имею право - ты больше шести месяцев не живешь в ней, и подам на развод", - писал он.

Ирина Петровна плакала, уткнувшись носом в твердую подушку.

Таня говорила:

- Плюньте вы на него, оглянитесь вокруг, тут такого дерьма пруд пруди, получше найдете.

Ирина Петровна еще горше заливалась слезами, обидно было уезжать, а другого выхода быть не могло, никого из СССР не вызывали, наоборот, отправляли домой.

Предновогодняя суэта задвинула на задний план неприятности; бегали по магазинам в поисках подарков, накупили невероятное количество вкусностей.

- Как проведешь Новый год, так тебе и надо, - вспомнила Таня анекдот, вываливая на стол икру, балыки, большие стеклянные шары со сказочными узорами. В гарнизон на вечер ей не хотелось идти, а Ирина Петровна не пошла из солидарности. Тихо посидели за богатым столом, пожелав друг другу такой стол на все новогодние праздники. После двенадцати вышли на улицу смотреть салют. Пес увязался за ними, внося веселье в праздничную толпу полупьяных русских, ночь только начиналась.

Пудель заметно вырос, занял в душе Ирины Петровны свой уголок. Она удивлялась сообразительности этого существа. Стоило вымыть полы, собака бухалась на живот у порога комнаты и печально наблюдала за женщиной, не делая попыток приблизиться. Но стоило пригласить в комнату, она бежала со всех ног и обязательно залетала под валенду.

Во время зимних каникул Ирину Петровну вызвали в отдел школ. Она прихватила письмо мужа, оставила Олега на попечение Тани и поехала на станцию вниз по горному серпантину, огороженному с двух сторон лесом: справа - до неба, слева - с вершинами деревьев на уровне дороги. Сумеречное утро еще не протерло глаза, туман стелился по шоссе, кое-где распадаясь на клочки. Ирина Петровна сквозь дрему услышала нарастающий мерный звук.

- Что это? - спросила она водителя гарнизонного автобуса.

- Учения у чехов.

Гул нарастал, вскоре из-за поворота дороги показался танк с направленным на них дулом. Водитель прижался к кювету и остановил машину. Пассажиры автобуса напряженно молчали. Танки шли ровно, тяжело покачиваясь. Любопытство вскоре переросло в тревогу, затем в страх. Танки все шли и шли навстречу. Женщина стала считать их.

"Если выстрелят? Что будет? Ничего не будет, даже за-капывать нечего будет, - думала учительница, взглянув на пассажиров, которых, видимо, мучили похожие мысли, все сидели прямо, разглядывая танки. - Зачем убивать? Вино-ват ли человек, что убивает, выдумывая разнообразные предлоги и оправдания? Скорее всего, большинство не в состоянии противостоять программе уничтожения себе подобных, заложенной в генах, иначе Земля не осилила бы такую нагрузку, как постоянное увеличение человечества".

После тридцатого танка водитель осторожно выехал на трассу.

Поезд из трех вагонов шел в Миловицы, мерно стуча колесами. Учительница сидела возле окна, разглядывая аккуратные станции; кое-где попадались вывески со словом "Позор!" на чешском языке, Ирина Петровна по разгово-рнику изучала язык, знала, что на вывесках слово "Вни-мание!". Мелькали поля, припорошенные снегом, из кото-рого ежом торчала прошлогодняя трава, встречались зай-цы, сидящие мордочками друг к другу кружочком и жуя-щие траву.

Живности в этих краях тьма-тьмушая. По осени чехи устраивают праздник ловли зайцев. Все жители городка, офицеры с семьями, служащие гарнизона выстраиваются в длинный ряд на поле, взявшись за руки. По команде ряд со свистом и улюлюканьем начинает двигаться вперед, выгоняя несчастных зайцев из укрытий. Они с писком выс-какивают из травы, судорожно мечутся из стороны в сто-рону, отыскивая путь к спасению; некоторым удается про-

скользнуть в рваные щели гогочущей толпы, остальные мчатся к противоположной стороне поля, где их поджидают ловчие с огромной сетью.

Детям говорят, что зайцев на самолете отправляют в другие страны. Очень хочется в это поверить, но Ирина Петровна уже не раз примеряла разноцветные недорогие шубки из меха этих зверьков.

Праздник заканчивается возле длинных столов, на которых стоит бесплатное угощение: "Кока кола", пиво в бочонках с сифоном, печенье, рядом - пластиковые стаканы, тарелки, вилки и салфетки. У дымящихся больших котлов с зайчагиной выстраивается веселая очередь. Все в неограниченных количествах, ешь - не хочу. Праздник.

В Миловицах ее устроили на ночь в пустой элитной гостинице с многочисленной военной охраной у входа. На вопрос, какую комнату ей занять, солдат ответил:

- Какая пригласится, в ближайшее время гостей из Москвы не ждут.

Учительница бродила по роскошным апартаментам, разглядывая светильники, мебель, портьеры; поговорить было не с кем, солдат закрыл гостиницу до утра и ушел на пост.

Не спалось, в душу закрадывался липкий страх, хотя бояться казалось просто смешно. На завтра ее записали на прием к генералу, человеку-легенде. Что ее ожидало?

Она села за стол и стала писать письма.

Прошедший день был нелегким. Ирина Петровна положила на стол начальнику отдела школ заявление с просьбой отправить ее на Родину и письмо мужа.

- Почему я должен отказываться от хороших учителей, а оставлять блатных? Вы года полтора еще можете поработать, - сказал он, - я попытаюсь помочь.

Она вдруг увидела, что седой интеллигентный Иван Юрьевич похож на ее отца, надежда затеплилась в душе, в

приподнятом настроении учительница пошла прослушивать курсы Караковского Владимира Абрамовича.

Бледная Таня лежала на валенде, отвернувшись к стенке. Ирина Петровна поправила сползшее одеяло, сожалела о том, что непоправимое уже случилось. На цыпочках подошла к окну, раздвинула жалюзи. Пасмурное утро вползало серой мышью в комнату, воровато оглядываясь на спящий городок.

"Пусть еще полчаса поспит, успеем", - подумала она, направляясь в кухню готовить завтрак. Два дня назад Таня сказала: "Я свои проблемы решила", - легла, зябко кутаясь в синее солдатское одеяло, притворилась спящей. Через стенку слышалось тихое поскуливание, словно там был обиженный черный пудель. Но Слава давно забрал пса и больше не появлялся на горизонте.

Ночью Ирина Петровна не выдержала, зашла к Тане, обняла ее и баюкала, как неразумного ребенка, упавшего с качелей, а теперь рыдающего от боли.

- Почему? Почему мне всегда не везет? - сквозь слезы спрашивала молодая женщина. А что тут ответишь?

После завтрака поехали в Брно.

Город встретил чистыми улицами без единой снежинки и огромной нарядной елкой на центральной площади. С любопытством разглядывали кариатиды, поддерживающие балкон трехэтажного дома, витрины с хрусталем и сувенирами, старые узкие улочки, лучом расходящиеся от площади, редких прохожих без головных уборов.

Навстречу шли пятеро, одетые странно; скорее всего, это тоже были туристы. Трое красивых мужчин в широких шароварах, в расстегнутых полушубках, накинутых на широкие плечи, длинноволосые и смеющиеся, шли с дамами в чернобурковых шубах до пят, в изящных лаковых туфельках. Они прошли мимо, развеивая восхитительные ароматы богемы, не заметив двух женщин и мальчика, с восторгом взирающих на них.

- Артисты, - сказала Таня.

Заходить в магазины не спешили, зная манеру чешских продавцов услужливо подлетать к вошедшему покупателю со словами: "Декуе". Тщательно выбирали предстоящую покупку на уличной витрине, где обычно выставлялся весь ассортимент товара, а в магазинах оставалось подобрать цвет и размер.

Глаза не могли насытиться увиденным. Каждый выходной организовывались экскурсии в замки, музеи, в Татры на лыжные катания. Случайно выпавший свободный день женщины использовали для поездки в город, где почти не бывают русские, не стоят солдатские казармы. За покупками обычно ездили по проторенным дорогам в ближайшие поселки, где за бесценок покупали старомодную обувь, еще не вошедшую в моду в СССР, бракованные вазы, где брак прятался в еле заметной кривизне, джинсы и футболки на распродажах.

Мечтали о хрустальной люстре, долго с любовью выбирая в каждой витрине, но она стоила больше одной зарплаты. В Оломоуце на витрине стояла машина стоимостью в четыре зарплаты, но накопить не удавалось даже на приличные куртки, а чемоданы уже распирало от мелочей. Перед безделушками женские сердца не могли устоять. Мечтали также о гранатовых сережках.

На вокзале два пожилых чеха угостили орехами замерзших путешественников в толстых куртках на рыбьем меху. Несмотря ни на что, местное население весьма доброжелательно относилось к чужакам, с охотой брали женщин в жены, заводили дружбу, каждый раз удивляясь несхожести культур и обычаев. Позже в Костельце командирские утренние пятиминутки будут начинаться с читки писем от мужчин, желающих жениться на русской женщине.

- Кто еще хочет пойти в манжелки? - спрашивал командир, но весь медперсонал госпиталя молчал, словно в рот воды набрал, а после собрания кто-нибудь ловил команди-

ра в укромном уголке. Более двадцати женщин осталось в том городке.

После каникул пригласили на концерт ребят и учителей местной школы. Дети танцевали веселых утят, пели звонкими голосами "Орленок, орленок..."; декламировали стихи. В школе пять начальных классов, в трех из них работают жены офицеров, имеющие смутное представление о педагогической деятельности, но концерт получился славный. Позже сидели за сдвинутыми партами и удивляли гостей салатами "оливье", пирогами с грибами и другой разнообразной едой, любовно приготовленной русскими женщинами.

Последовало ответное приглашение.

Вскоре с третьим классом пошли в гости. Директор, молодой чех в джинсах, показывал мастерские, методические кабинеты с наглядными пособиями, пригласил всех в зал для собраний. Опять Ирина Петровна удивлялась, с грустью вспоминая любимую Танину фразу "у них ружья кирпичом не чистят". Мальши сидели на первом ряду молча, послушно выполняя команды старшекласников, которые вели собрание. Администрация школы в течение всего мероприятия рта не открывала.

Вносили и выносили знамя дети в белых перчатках, обсуждали какие-то свои проблемы, награждали и порицали - все спокойно, интеллигентно, словно взрослые люди. Наши ребята ёрзали во втором ряду, не понимая половины происходящего, шепотом переговаривались, расстраивая учительниц, которым хотелось представить русских в лучшем виде.

После собрания детей отпустили по домам, а взрослых пригласили в кабинет, где на столах стояли "Кока кола" и печенье.

- Сколько детей обучается в вашей школе? - спросила Ирина Петровна за столом, вспоминая просторные мастер-

ские, ухоженное трехэтажное здание, в котором они сейчас сидели в учительской.

- Девяносто четыре, - ответил директор.

- Как!? - не сдержалась заведующая. - У нас в Уфе в двух таких зданиях обучается две с половиной тысячи учащихся!

- Это невозможно! - в свою очередь поразился директор, - это не школа, а фабрика, невозможно воспитать детей!

Он сказал "воспитать", но не "научить". Ирина Петровна успела уже выяснить, что уровень образования в стране низкий, но профессиональные навыки у детей гораздо выше, чем у советского ребенка, все дети после школы выходят со специальностью на руках.

На обратном пути Таня со смехом рассказала о знакомых:

- Пригласили их чехи к двум часам, наши, естественно, опоздали минут на тридцать. Приходят в гости с тортом, а хозяйка у крыльца стоят: "Мы вас не дождались и уже пообедали". Наши домой пошли несолоно хлебавши, свой торт водочкой запили.

- Наши люди повсюду опаздывают. Я как-то ночью села в пустой автобус - думала, что долго ждать придется, а водитель в две минуты пятого по расписанию тронулся. У них аптечный порядок во всем. На сколько лет, интересно, мы опаздываем?

Если бы в тот момент Ирине Петровне сказали, что в течение ближайших лет исчезнет Советский Союз, вместо которого возникнет аморфное нечто под аббревиатурой СНГ, опутанное войной, долгами; многие неожиданно для себя станут иностранцами; люди, потеряв годами накопленные сбережения, вновь перейдут на подножный корм со своих шести соток, а по показателям образованности страна займет тринадцатое место, она просто не поверила бы.

- Они другие. Чистые, холодные.
- Другие, - согласилась Таня. - Ценности у них, интересно, тоже другие? Про нас они говорят, что на лишнюю крону спешим новое платье купить, а не молою ребенку.

- Может, правы, молою дома можно попить. Ценят они своих по числу машин и домов.

- Один черт, все равно ценится тугой кошелек, а не искра разума.

- И лица чистые, словно моложе нас они, - вздохнув, сказала Ирина Петровна. - Я в автобусе встретила мужика: лицо испитое, на худых ногах короткие штаны болтаются. Решила, что у них тоже такие личности водятся, а мужик на русском языке спрашивает: "Подскажите, как до Либавы добраться".

За разговорами не заметили, как дошли до магазина, где встретился солдат:

- У ворот какой-то мужчина поджидает Ирину Петровну.

- Какой?

- Высокий, с рюкзаком.

Кто бы это мог быть? Если родитель, то почему с рюкзаком. Женщины направились к воротам, издали увидели статного мужчину. Наврал солдат, не с рюкзаком, а с кучей рюкзаков.

- Петя, - изумилась Ирина Петровна, - не может быть!

Муж стоял с замполитом, широко улыбаясь.

- Господи! Как ты сюда попал? Почему не сообщил? Как из Оломоуца без денег добрался?

- Вы тут принимайте гостя, а я пошел, - сказал замполит и направился в часть, бросив на ходу, - завтра к командиру к десяти.

- Меня солдаты на попутке привезли, а телеграмму я отправил. Ты ее не получила, выходит.

- Что это за тюки? - озиравшись по сторонам еще не пришедшая в себя учительница.

- Вещи. Ты сама в каждом письме писала "привези".

- Ты весь дом привез, что ли? - изумилась Ирина Петровна, начиная понимать, что муж не стал долго думать о взаимозаменяемости вещей.

- Весь не весь, читал твои письма, вычеркивал по списку и складывал в чемоданы. А целоваться мы уже не будем?

Петр быстро адаптировался в новой среде. Лариса прощала его насчет спиртного: что следует пробовать, что нет, она почти поселилась в учительской квартире, где по вечерам потекла другая жизнь с застольями, смехом, новыми знакомыми. Соседка возобновила бесконечные рассказы о Германии для благодарного слушателя:

- Вишню несколько раз просеивают, а водку делают из лучших ягод.

- Брось врать, из гнилых ягод делают, - не верил Петр.

- Честное слово! Я сама была на заводе, - жарко возражала Лариса. - А как они колбасу готовят - это поэма! Нас заставили душ принять, выдали бахилы и стерильные халаты, только потом пропустили на экскурсию.

- У меня брат в колбасный цех ходил однажды, говорил, что крысы с писком в мясорубку попадают, - врал Петр или страшилку рассказывал - поди разберись.

- Кошмар! В рот больше не возьму нашу! - зарекалась Лариса.

На городской площади около склада в очереди за пайками стоят офицерские жены и Ирина Петровна с Таней. Перед грузовиком с солдатами останавливается пьяный чех и говорит: "Едь на мне". Он пьян в стельку, такое в городке впервые, русские женщины с опаской наблюдают за пожилым мужчиной, который раскачивается, периодически прикладывается к открытой бутылке, размахивает этой же бутылкой и без конца говорит: "Едь на мне, едь на мне, едь на мне..."

Солдаты в растерянности ходят вокруг грузовика, кто-

то курит, пристроившись на бордюре, кучка мальчишек в военной форме испуганным шепотом переговариваются, минут через сорок из части поступает распоряжение оставить машину в центре и вернуться всем пешком. Вслед солдатам чех кричит: "Я двадцать лет ждал этот день. курва".

Все понимают, что случилось что-то очень серьезное, молча расходятся по домам.

Петр, приехавший кочегаром, устроился в хозчасть. Его манера не соблюдать субординацию не встретила отпора в части, он по-приятельски хлопал командира по плечу, таскался по пивнушкам с Малышевым, говорил замполиту "ты". Его невероятный талант всюду выигрывать и здесь сработал - в лотерею выиграл машину "Шкода".

- Не спеши обмывать, надо сначала получить, - остужала жена.

Чехи машину иностранным гражданам не дали, потому что лотерея существовала только для соотечественников, а продавалась всем без разбору.

Жульничество чехов мужа удивило, но не особо расстроило, просто он начал обмывать в пивнушках потерю машины. Петр нравился женщинам, в результате чего у Ирины Петровны, как грибы после дождя,росло количество приятельниц, невзначай заглядывающих на вечернее чаепитие к "училкам". Но женщина чувствовала, что после последнего Петиного письма что-то важное ушло из ее сердца, она наблюдала за мужем словно со стороны, ее не восхищало больше чрезмерное жизнелюбие мужчины, не волновала его красивая природа, она окончательно разобралась в своих чувствах после истории с вызовом.

Соседка Стефа оформила вызов для Ирининых родителей и сказала ей, что отдала письмо Петру:

- Усатый такой, высокий.

- Нет у него усов, - расстроилась учительница, поди отыщи этот вызов, неизвестно кому отдала его чешка.

Дома она первым делом увидела усы у мужа.

- Когда ты их отрастил? - спросила она.

- Здорово! Я такой приехал, а ты даже не заметила, - обиделся он, а Ирина поняла, что больше не любит этого человека.

Начался вывод войск. Замполит суетится сверх меры, закрывая при разговоре ладонями то нос, то рот, этим выдавая свою лживость.

- Мы цистерну бензина зарыли в лесу, потому что увозить дороже обойдется, - непонятно с какой целью лгал он Ирине Петровне, потирая нос. Его прислали на место Гусинского недавно, ему невдомек, что директор школы не в курсе гарнизонных дел.

Все всё продают за бесценок. Каждый день уходят в Союз эшелоны с боевой техникой. Боеприпасы решено было уничтожить на большом пустыре за Либавой. Пьяному офицеру лень возиться с каждой машиной. Он приказывает вывалить содержимое нескольких машин в кучу и подорвать.

Во время взрыва Ирина Петровна проверяла школьные тетради, уютно укутавшись в солдатское одеяло. Несколько секунд в голове стоял колокольный гул, она тряхнула головой, подбежала к окну, но ничего не поняла, в панике выбежала на улицу. Люди горохом высыпали на городскую площадь, вертели головами, пытаясь понять причину. В центре городка треснул одноэтажный дом с красной черепичной крышей, местные жители попрятались по подвалам и требовали проверки воздуха на радиоактивность.

Из Москвы по "Времени" коротко сообщили о взрыве. Бутылка водки, выпитая офицером, обошлась стране миллионным штрафом.

Поступило распоряжение сжечь содержимое школы. Ирина Петровна раздала библиотеку ученикам, наглядные посо-

бия упаковала в банановые коробки, кухонную посуду подарила Стефе. Ее переводили далеко к границе с Германией в летнюю часть, Таню - в сторону Братиславы, муж до конца оставался на Либаве. Сына пока решили оставить с отцом.

Калейдоскоп впечатлений от переездов разноцветными осколками застревал в памяти женщины, выбираясь наружу по прошествии лет обрывочными воспоминаниями.

Запомнился ребенок, плачущий по ночам: "Ирина Петровна...".

Мать приходила к учительнице и жаловалась.

- Помогите, она в вас влюблена, что делать, не можем же мы ее подарить.

Учительница с таким явлением столкнулась впервые, не могла ничего придумать, как только еще внимательней быть к этой девочке.

На прощанье мать с типичным лицом финки сказала смуглой черноглазой Ирине:

- Когда я впервые увидела вас, пожалела, подумав: "Надо же, какие страшенькие на свете люди бывают". А вы, оказывается, очень милый человек.

Ирина Петровна сильно удивилась, но вспомнив анекдот, расхохоталась и рассказала родительнице:

- Поднимаются в лифте два японца, Кикабидзе и Мкртчян. Один японец другому шепчет: "Как, интересно, русские друг друга различают?"

В конце лета в общежитии появилась Таня. Они обнимались, как родные, радуясь встрече и удивляясь такому невероятному совпадению.

В комнате с ними поселилась Света, молодая рослая девушка, и казашка Вера. Начали пропадать вещи. Таня жаловалась, что кто-то пользуется ее косметикой. Однажды разразился скандал, Вера кричала, что у нее из-под по-

душки стащили часть зарплаты. Ирина Петровна поразилась нахальству этой женщины, которая требовала вернуть деньги; воровать было просто некому: Таня в школе, Света занималась у окна за столом, а Ирина читала книгу, отвернувшись к стене. Чтобы погасить ненужный скандал, она швырнула нахалке свои деньги, та взяла и перебралась в другую комнату.

Позже, когда Ирина работала под Прагой, пришло письмо от Тани, в котором она сообщала, что Света попала на крупной краже и выдворена с позором домой.

В этой войсковой части постоянно происходили неприятности. Солдаты сбегали в горы, впадая в истерику. В школе происходили скандалы с выдворением очередной воровки на Родину. Одна женщина собиралась утопиться, если в трудовой книжке напишут истинную причину ее отъезда. В этой же части была забастовка офицерских жен. Они уселись поперек взлетной полосы с детьми и вещами, не давая подняться самолетам для отправления в СССР. Эвакуационная суета нервировала даже самых уравновешенных людей, что уж говорить о бедных женах военных, которым предлагалось разъехаться до лучших времен по родственникам и знакомым на Родине, а мужей собирались перевести в казармы в Прибалтике.

Прилетел космонавт Севастьянов вместе с войсковым начальством - все уговаривали, стыдили женщин, говорили о том, с каким трудом Горбачевым достигнута договоренность с другими государствами об открытии воздушного коридора, но жены упорно требовали отправить их хоть на край света, но с мужьями.

Собрали в клубе всех вольнонаемных женщин, которые не сидели на летном поле, и отругали на чем свет стоит, брызгая слюной и перемежая красивые выражения непечатными. Женщины недоумевали: они-то при чем, потом дружно пошли на летное поле посмотреть, что там творится, и присоединились к бастующим.

Каким-то образом уговорили женщин освободить поле, толком ничего хорошего не пообещав.

- Не приведи Господи быть женой офицера, - думала Ирина Петровна, наблюдая за человеческой суетой.

Приятные моменты, конечно, были.

Войсковая часть находилась за высоким забором. Между серыми казармами, блочными домами ветер гонял мусор, поднимал маленькие пыльные смерчи. Однажды Ирина увидела, как из ворот выполз чешский грузовик, оставляя ошметки грязи на асфальте. Водитель остановил машину и собрал грязь в полиэтиленовый пакет. Ирина Петровна вспомнила слова профессора Преображенского о разрухе, которая получится, если начать "мочиться мимо унитаза". Местное население даже собак выгуливает, прихватив с собой совочек, щетку и мешок. Разруха им явно не грозит.

За воротами в двух шагах от трассы - лебединое озеро, где степенные жирные птицы спокойно плавают в чистой воде. Таких озер по стране тьма, в каждом местечке есть хоть крохотный, но свой водоем с длинношеими птицами, для которых любовно построены нарядные домики на берегу.

За озером начинается лес, через который проходит асфальтированная дорога, уже не удивляющая учительниц.

- Петровна, ты по этой дороге далеко ходила, - спрашивает неугомонная Таня.

- До озера, а дальше - нет.

- Посмотрим? Может, грибы есть, - подруга уже направилась в сторону леса, разглядывая незнакомые деревья.

За первым поворотом открылся волшебный вид: игрушечная деревня, утопающая в азалиях.

- Европейским сказочникам не приходилось особо мозги напрягать, - они просто срисовывали свою сказку из жизни, - сделала вывод Таня.

- Да. Но прежде они эту сказку построили.

Позже они не раз ходили в эту деревню любоваться красотой. Как хорошо было бы жить в таком местечке! - вздыхали женщины. Ирина Петровна через много лет создаст около своего дома такой же рай, но это будет маленький островок среди каменных развалин и разрухи чужой страны, куда забросит ее судьба.

Приятными были покупки, им наконец удалось купить восхитительные люстры из чешского хрустала, Танюша приобрела гранатовые сережки. Однажды Ирина потерялась в чужом городе, куда без разрешения командира отправилась с коллегами. Все боялись необузданного гнева командира, поэтому не стали ждать ее. Учительница на тонких шпильках с огромным сервизом в коробке топала четыре километра пешком, ненавидя злосчастную посуду, из-за которой задержалась в большом универмаге, потом по счастливой случайности поймала попутку.

Из этой части уходили суетливо, бросая огромные ценности: дома, построенные на наши деньги, трехэтажное здание школы, которое, естественно, никто не собирался покупать. За причиненный ущерб в августе шестьдесят восьмого Чехословакия получила возмещение в стократном размере, но это никому не могло принести радости. На Вацлавской площади горели поминальные свечи по ушедшим из-за политических амбиций глав пяти государств, эти свечи не потушить всем золотом мира. Возможно, Ирина Петровна не права, думая, что эти свечи не потушить. Пройдет два поколения, и боль постепенно утихнет, как после Великой Отечественной войны, когда именно русские солдаты спасли Чехию от фашистов, которые хотели ее превратить в протекторат Богемии и Моравии.

Костелец над Черным Лесом угонал в старых заброшенных садах с большими сочными грушами.

- Вы их, случайно, не солить собрались? - смеясь, спра-

шивал начальник госпиталя у Ирины Петровны, танцившей вместе с сыном два громадных мешка груш.

Он не знал, что учительница впервые ела такие сладкие плоды, они с сыном целыми днями наслаждались вкуснятиной. Груши росли повсюду, санитарки и врачи - основные жители новой войсковой части, куда перевели Ирину Петровну вместе с семьей, лишь изредка варили из них варенье.

После бархатной революции в Праге, которая прошла в сидячей забастовке на площади, несколько дней никто не путешествовал.

Днем у ворот госпиталя собиралась толпа чешской молодежи с плакатами "Иван - долгой! Иван - домой!". Вяло выкрикивали эти слова, потом шли к своим друзьям в часть, свернув плакаты, и вместе отправлялись в пивную. Революция протекала, как медленная река, неумелой рукой повернутая в незнакомое русло. На Вацлавской площади на боку лежал расписанный словами русский танк. Мало кто понимал, что там написано, на всякий случай сторонились и танка, и маленького пяточка под памятником, где горели свечи возле портретов в черных рамах. Молча проходили мимо, направляясь на пестрые улицы Праги, на Карлов мост. Шли к часам, чтобы увидеть человечков в окне, движущихся по кругу через каждый час. Молодость не может долго горевать. Толпа иностранцев жевала вкусные шпикачки, весело разглядывала шпагоглотателя, на глазах у зевак заталкивающего в рот острое длинное лезвие, любовалась работой умельцев, вырезающих узоры на хрустале. Всё как всегда, только на пяточке горели свечи возле портретов в черной раме.

Ирина Петровна ежедневно ездила в Прагу. В школе у нее было всего семь учеников разных возрастов, занятия заканчивались в одиннадцать пятнадцать.

Год, подаренный Иваном Юрьевичем, был самым лучшим подарком в ее жизни. Если бы он не помог вызвать Петра, ее давно отправили бы домой.

До Праги на автобусе она доезжала всего за двадцать минут, научившись ориентироваться во времени и чужом пространстве. Город восхищал красотой узких улиц, сказочными домами, музеями, магазинами. Ирина Петровна гуляла по улицам, заходя во все открытые двери. Как-то попала в музей трамваев, в другой раз - в музей хрусталя, однажды - в музей Кафки. По выходным возила сына в зоопарк, где с ребячьим восторгом гуляла вдоль вольеров с разнообразными животными. Розовые фламинго превращали озеро в утренний рай, жирафы высовывали длинные шеи из самолетных ангаров, с интересом наблюдая за толпой, которая с не меньшим любопытством наблюдала за ними.

- Мама, таких лисичек не бывает, - говорил сын.

- Но она же перед твоим носом, - отвечала Ирина Петровна, с удивлением разглядывая крохотную лисицу с огромными ушами.

Петр выдавал зарплату - мечта, а не работа, но экскурсии в замки не пропускал. В Конопинше, в охотничьем замке убитого в Сараево Фердинанда, разбились на две группы: мужчины пошли в библиотеку и оружейные палаты, женщины - в жилые комнаты. Позже делились впечатлениями, потому что за день все не успели обойти. Из Кутна Горы вышли подавленные увиденным. В нескольких склепах, злым гением превращенных в произведение искусства, даже гербы и люстры были собраны из человеческих костей.

Бродили по родным улицам вымышленного бравого солдата Швейка, в Пльзене пили пиво на заводе. До отъезда на Родину оставалось немного времени, хотелось больше увидеть, накопить как можно больше энергии красоты, чтобы ее хватило на долгие годы унылого существования среди красивой природы, красивых людей, живущих в бедности и лжи.

Два года праздника с небольшими неприятностями, недоразумениями, проведенные в стране, где народу меньше, чем в Москве, оставили в душе покой и удивление.

- Неужели так можно жить всю жизнь: зарабатывая на вкусную еду, строя удобные дома, хорошо отдыхая? - думала учительница, в очередной раз раскачиваясь в уютном автобусе. - Чехи сами построили свое благополучие и требуют от нас на чужой каравай рот не разевать. Правильное требование. Если бы деньги, затраченные на войну, перебросить в школы, больницы, карманы жителей ее, Ирины Петровны, Родины, можно было бы тоже жить достойно, не заглядывая в рот соседу. Кто виноват? Что делать? Даже названия книг в России дурацкие и жизнь дурацкая. Что даст огромная империя обыкновенному муравью-труженику, она увидит позже, по приезде лишившись всех накоплений в банке, лишившись надежд на расширение крохотной квартиры, лишившись возможности бесплатно лечиться и лишившись достойной пенсии. Подачка, которая будет именоваться этим словом, будет равняться двухмесячной квартплате.

Ирина Петровна ехала домой. В купе, заваленном тюками и коробками, спать можно было только калачиком. Она еще не знала, что ее ждет впереди отнюдь не бархатная революция, когда свои будут убивать своих, руша Белый дом танками; что барахло благополучно унесут воры; что Таня в одиночестве будет восторгаться хомячками, больше не встретив любовь, а Ирина Петровна уйдет от мужа.

Сейчас она сидела возле окна, за которым проплывали кривые развалюхи Родины с пьяными полуголодными жителями, и думала:

- Возможно, нас любит Бог, поэтому посылает испытания, но мы не любим себя, не пытаемся преодолеть эти трудности. Умный и злой народ устал от постоянного обмана и впал в спячку, привыкнув к спячке, превратив ее в обыкновенную лень.

Варвары мы, варвары.

Совок

Лариса споткнулась, упала, разбилась и разлетелась на маленькие частицы. Оглянулась на причину своего падения - а это Совок, типичный Совок, воспитанный одинокой мамой. Знала бы, что упадет, не стала бы надевать черный топик, тем более что вечеринка стряпалась не для хозяйки дома.

Но умные мысли придут позже, когда Лариса с ранами уйдет из войны, толком не разобравшись, кто же победил.

Стол получился миленький. Они суетились на кухне не первый час, весело разбирали по косточкам Лану, застрявшую в парикмахерской.

- Витю жена довела до ручки, дура непроходимая. Как ей удастся студентам что-то втолковать? Витек от нее на диван сбежал.

"Познакомь, - говорит, - с приличной дамой, иначе я под тебя клинья буду подбивать", - Надя звонко расхохоталась.

- Ланка в самый раз подходит, тоже от скуки на веник лезет, - сказала мудрая Надя, которую сомнительные романы не вдохновляли.

- Долго она там перышки будет чистить? Скоро семь, - Лариса слизнула с тонких пальцев остатки сметаны, воткнула веточку пушистого укропа в икебану, которую назвала салатом, и с улыбкой добавила:

- Красиво получилось.

В этой фразе вся Лариска, восторженная, умеющая из чепухи создавать милые вещи, умеющая радоваться чепухе.

Звонок в дверь залился звонким серебром. На пороге стоял светлоглазый брюнет в сером костюме-тройке.

- Это вам, - протянул метровые розы Ларисе. Один цветок упал и сломался. "Нехорошо как", - подумала она и тут же забыла это мимолетное предупреждение.

Вечеринка плавно переходила от неловкого знакомства через светские реверансы и интеллектуальный теннис к

обыкновенной дружеской пьянке, когда явилась виновница мероприятия - благоухающая, томная Ланка в немислимом французском наряде.

К этому моменту поезд уже тронулся, стуча колесами под звуки джазовой композиции, набирая обороты под ритмичные покачивания существенных персей, хорошо обрисованных тонким черным топилом Ларисы. Ее слегка пьянил внимательный, ласковый взгляд мужчины, освобождая от семьи, обязательств, бремени далекой прошлой любви, она стала естественной милой женщиной за тридцать.

Амур, в очередной раз пошутив на потеху гражданам, не стал утруждать себя точным выбором цели, и Лариса сломя голову ринулась в заведомо дурной роман с женатым алкоголиком.

- Душа моя, - уже через неделю будет томно вздыхать Виктор, вонзая в Ларисино сердце стрелы страсти, даря охапку белых влажных роз с острыми шипами, которые будут колоть ей руки, - без тебя я умру, душа моя.

Вечеринка продолжалась, Виктор с Ларисой танцевали, а Ланка рыдала в кухне на крепком Надином плече.

- Она всегда такая, с детства такая, чуть появится что-то интересное на горизонте, тут же присвоит. Но я же лучше, лучше, - уныло возмущалась она, обиженно доедая салат из большой миски.

Действительно, хороша Ланка необыкновенно: светленькие пушистые локоны, длинные ноги, которые с удовольствием демонстрируются подружкам. Все в ней чуть больше нормы - красоты, ума, шарма, занудства.

Мужики попадают к ней в белых носочках, капризно разбивающие тонкие фарфоровые чашки в припадке ярости, утонченно-изысканные богемные создания. Им нужна крепкая опора, несовместимая с хрупкой Ланкиной конструкцией. Еще у нее был один недостаток, который женщины никогда не прощают друг другу. Она была скрытной.

- У меня был дебют с Игорем, - заявила она после приезда с моря, загорелая, загадочная.

Лариса с Надей с тайной завистью пытали ее о деталях, но Ланка многозначительно молчала.

Через год она печально говорила:

- Вы уже все poznали, а я до сих пор девушка.

Было это в седой юности. Подругам не удалось разгадать, что это был за дебют.

Роману стукнуло две недели и два дня, когда Надя решила спасти заблудшую овцу.

- Он подлый, - Надя хмурится, нервно заплетает кисти шарфа в косички, - он ко мне пришел после смерти Кости с двусмысленным предложением. Считал себя другом, утешить решил. Подлец он, и точка.

- С ним интересно, - вяло возражала Лариса, не имея ни сил, ни желания что-либо менять.

- Если ты будешь с ним встречаться, забудь мое имя, - от напряжения по Надиному лицу разлился яркий румянец.

Она схватила свою шубейку и ринулась к двери, позабыв пакет с продуктами.

- Надя, пакет забыла! - Лара побежала за подругой, у подъезда столкнулась с большой овчаркой, которая резко вырвалась из рук хозяина, повалила ее на снег и открыла огромную розовую пасть. Колючки страха разлились по телу, женщина завизжала, как "недорезанный поросенок". Ее дочь Ева в своем сочинении написала: "Дома я веду себя безобразно, ношусь как угорелая и визжу, как недорезанный поросенок".

Собачья пасть сомкнулась на шее, случайно защищенной капюшоном пуховика.

Кошмар не отрезвил, не вразумил, не притормозил бедную Лару, неприятности не заставили себя долго томиться, бразильский сериал начался через месяц.

Урок подходил к концу, на кухне закипал чайник. В

предвкушении приятной беседы с милой родительницей Лара торопливо записывала домашнее задание, когда раздался звонок в дверь.

На пороге стояла разъяренная жена Виктора с матушкой, свекровью, сыном и взрослой дочерью.

- Где эта звезда, которая украла у меня мужа? - свирепо оттолкнув Лару, Алла ворвалась в квартиру, за ней потянулась толпа.

Соседи с любопытством стекались посмотреть бесплатную комедию нравов. Кстати, после этой истории мужчины всех двенадцати этажей стали здороваться с Ларисой, галантно придерживая перед ней подъездную дверь.

- Отдавай, что украла, - рычала Алла. - Мама, посмотри, что он нашел в ней? Она же корова! - поворачивалась то к матушке, то к свекрови.

- Виктор наклюкался и сам продиктовал мне твой адрес, - торжественно сообщила Алла. Лара онемела.

Витькина матушка вдруг подмигнула, улыбнулась и быстро отвернулась.

Лара поспешно выпроводила родительницу с дитем, юркнула в большую комнату и закрылась на замок. Военные действия продолжали разворачиваться, Лара слышала, как стучат дверки открываемых шкафов, как бьется кухонная посуда. Алла рушила все, что попадалось под руку.

- Это он ей подарил! - кричала она.

Лара мышкой сидела, слушая русские эпитеты, потом собралась, быстро покидала в пластиковый пакет пластинки, духи, цепочки, книги и другие подарки Виктора. Подумав немного, обратно выложила Маллигана "Мой милый Валентин". Жаль отдавать. Быстро выставила пакет за дверь и закрылась, пока Алла потрошила ее гардероб, орудуя ножницами.

- Помоги мне, Боже, - прошептала несчастная, взглянув на часы. Саша уже выехал с работы, еще минут сорок, и он убьет всех.

С этой мыслью женщина бесшумно выпрыгнула из окна первого этажа, в домашних тапочках побежала в опорный пункт.

- Дяденька милиционер, миленький, помоги выгнать из моего дома жену моего любовника, - взмолилась она, влетая в кабинет. Усталый оперативник лет сорока вскинул голову, коротко хрюкнул, подавился и закашлялся. Потом задал пару вопросов Ларе и пошел в ее квартиру, еле сдерживая смех.

Саша реагировал на происшествие странно. Не теряя королевского достоинства, он пошел вечером к Виктору:

- Если ты, козел, еще раз появишься в километре от моей жены, рога обломаю и копыта откручу.

Рога он вспомнил стгоряча.

- Мне б такого! - Алла вилась вокруг Сашки. - Я б ему ноги мыла и воду пила.

Респектабельный вид мужчины огромного роста, красивого самца, заставил дрогнуть бедное сердце обманутой женщины.

Виктор в домашнем трико с пузырями на коленях тихо перебирал пластинки.

Проходили дни, потом недели. Семья как-то существовала на руинах. Приходили старые друзья, ели румяные Ларискины пироги, пили чай. Меланхоличный Саша по воскресеньям стряпал пельмени, снова приходили гости, пили водку, долго говорили. Мир не рухнул, но тревожное ожидание катастрофы грозным облаком висело над семьей.

Однажды пришла Алла, привела своего мужа:

- Не злись, Саша, я хочу этому дураку твою жену показать, он меня Ларисой называет, - повернувшись к прислонившемуся к стене Виктору, добавила:

- Ну что ты в ней нашел? Смотри! Она же страшненькая. Смотри. Ты же за этим пришел.

Лариса увидела, что это безвольное существо уже умерло. Ее душила жалость, но Виктор в качестве переходящего знамени Ларисе не был нужен, воевать за него она не собиралась.

Он приходил в школу, долго стоял около класса. Лара сбивалась с ритма урока, выходила в коридор к Виктору и просила его уйти. Он уходил, оставляя розу на полу в коридоре.

Иногда цветы она находила в своем почтовом ящике.

Напряженная война долга и чувства в Ларисиной душе заканчивалась вничью. Семья, дом, стабильность - с одной стороны, сумасшествие, перспектива переехать в другой город, ненадежный мужчина, склонный к алкоголизму и непредсказуемым поступкам - с другой стороны. Она не могла решиться на поступок, болезненно переживая разлуку, позор, мечтала только о тихой норке, куда можно от всего этого скрыться.

Как-то вечером он пришел к Саше.

- Отдай ее мне. Ударь, если тебе от этого будет легче.

Сашка ударил. Виктор вытащил бутылку водки.

- Теперь давай поговорим.

Говорили они долго, потом позвали Ларису.

- Выбери, кого хочешь.

Она никого не хотела. От нервной встряски поднялась температура. Закрывая дверь кабинета, она услышала, как говорил Сашка:

- Хороший хозяин даже собаку старается в нормальные руки отдать, а я должен жену подарить трусу?

Через три года Лариса уехала в Тмутаракань к другому человеку, так как брак ее тихо скончался, несмотря на все Шашины усилия реанимировать его. На прощанье бывший муж сказал:

- С твоим характером ты с любым уживешься, лучше бы к Виктору уехала, он развелся, работает в Березняках ректором института. Ждет тебя.

Женщина ее мужа

Мужа Соня любила талантливо, расплавляясь маслом на сковороде его мира.

Две дочери существовали в качестве фона ее любви, сами по себе, как интерьер хорошей квартиры.

Она ожидала его у распахнутого окна, раскачиваясь с пятки на носок. Увидев за поворотом силуэт в военной форме, женщина кинулась расцеловывать семилетнюю Ульку, ласково потрепала по пушистым волосенкам старшую Юльку.

В дом входила радость

Теплоход остановился у пасеки. Отдыхающие с трехлитровыми банками торопливой гурьбой двинулись в сторону деревни за душистым медом. Завтра путешествие закончится, снова наступят рабочие будни, но следы отпуска останутся веснушками на загорелых мордашках детей, вышитыми цветами на новой скатерти, дружбой двух женщин, которых свела судьба не случайно.

- Соня, пошли скорее на верхнюю палубу, там женщина по ладони гадает, да так интересно! - Лия торопила подругу, которая нехотя сняла бигуди с челки, расчесала блестящие, до середины спины, волосы, надела льняное белое платье. - Ну что ты копаешься? Пошли быстрее. Ее Таня зовут, она не гадалка, а обыкновенная массажистка.

- Ждет тебя, моя прелесть, выпивка на большой лодке, - доносилось с палубы.

Полная молодая женщина сидела в окружении отдыхающих. Ребяшня тянула к ней ладошки, пихаясь и отталкивая друг друга. Всеобщее любопытство заразило Соню, она тоже протянула ладонь.

- У тебя кто-то умер? - спросила Таня, и наступила тишина.

- Нет, никто, - прошептала перепуганная Соня.

- Почему ты такие вещи говоришь? - Лия уже жалела, что разбудила подругу, невинная игра оборачивалась злой шуткой.

- Посмотри, вот эти линии показывают смерть близкого человека.

- Мамы?

- Нет.

- Детей?

- Нет.

- Позовите, пожалуйста, Сашу.

- Он на работе. Что передать? - не успела договорить, на том конце положили трубку. Межгород, опять, значит, та из Израйля. Не угомонится никак.

В прошлом году ее встречали в аэропорту. Соня заставила мужа купить букет лиловых цветов в хрустящем целлофане с золотистой присылкой. Смуглая маленькая женщина в крохотных шортиках кинулась на шею Саше, тот неловко поцеловал ее куда-то в ухо, отстранился, повернулся в сторону поднимающейся со скамьи Сони, сказал с нерешительной улыбкой: "Знакомься, это Элла".

Потом пили чай с тортом в большой красивой квартире. С вечера Соня отвела ребятишек к бабушке и занялась стряпней, поэтому сейчас, в шесть утра, стол украшали пироги с разнообразными пачинками, фирменная солянка с маслянистыми черными оливками и лимоном.

- Я не ем солянку в шесть утра, это ненормально, - гостя не знала, как себя вести, не понимала ситуацию, находясь на грани истерики. Не к такому приему она готовилась, когда Саша по телефону пообещал встретить ее в аэропорту.

- Ешь, дорогая, ты с дороги, впереди трудный день, - угощала хозяйка с милой улыбкой, незаметно разглядывая предыдущую любовь мужа. Хороша, слов нет: ножки, глазки - все в лучшем виде. "Тем хуже для тебя, дорогая, - с

холодной яростью подумала Соня, - знаю, зачем ты приехала, но ждут тебя пустые хлопоты".

Когда Элла узнала о женитьбе Саша, она кричала в телефонную трубку:

- Ну почему, почему!? Я же лучше!

Это было много лет назад. Она вторгалась в семью регулярно два раза в год телефонными звонками на день рождения и Новый год. Муж распускался пышной розой, шутил, покупал подарки ребятишкам и тащил жену в спальню.

Соня с подружкой сидели на верхней палубе под лучами мягкого послеполуденного солнца и вышивали скатерти. Отдых на теплоходе хорош тем, что не нужно думать о детях, им просто некуда уйти с трехпалубного корабля, где на каждом шагу бдительный экипаж следит за порядком.

Женщины тихо разговаривали, изредка поднимая головы над рукоделиями и любясь проплывающими мимо красотами. Волшебным сном на середине Волги стояла колокольня. Крутые берега с разрушенными старыми поместьями, золотые купола миниатюрных церквушек - все дышало прохладной тишиной быстротечного времени.

Лия уже привыкла слушать рассказы о Сонином муже, любой разговор заканчивался Сашей.

Элла говорила быстро, четко формулируя мысль, рассказывала о Земле Обетованной, о сыне - чемпионе мира по шахматам среди юношей, о своей работе. Умна. Это плохо. Муж млеял, приклеившись взглядом к старой подружке. Соня подкладывала госте вкусности, которые исчезали за беседой незаметно, открыто улыбалась, подавая салфетки, и думала: "Значит, война".

- Какая на сегодня программа? - Саша расслабленно развалился на кухонном диванчике.

- Ты отдохни пока, а Эллочка примет душ, потом город

покажем. Вы, наверное, захотите посмотреть родные места? Город очень сильно изменился за десять лет, центральная улица стала походить на Арбат, полно ресторанчиков, художников, сувенирных лавочек. Вот полотенце, на полке шампуни и кремы на выбор. А еще построили Польский костел, монастырь кармелиток, этнопарк и новый жилой микрорайон для новых русских. Этот халатик, думаю, подойдет по размеру, - Соня не давала возможности возразить, не предлагала вариантов, четко продумав развлекательную программу. Главное - не оставлять зазоров во времени, в которые они могли бы незаметно провалиться. Они - это Саша и Элла. Хотя Сашок божился, что в одну реку дважды не входит, Соня не собиралась расслабляться, помня, как муж после свадьбы два года называл ее чужим именем.

- Может, не стоит Вам отвлекаться от своих дел, - робко попыталась отвязаться от назойливой опски Элла.

- Дорогая, никаких дел, эту неделю мы полностью посвятим госте. Завтра покажем магазины и рынок, Вы собирались сувениры купить; вечером в "Лабиринт" ходим, это очень милый ресторанчик с работами художника Андрея Дементьева и замечательной кухней. На днях повезем на озеро. На среду у нас билеты в филармонию, на четверг - в аквапарк с сауной. Соня видела, как вытягивается лицо гостыи, но жалости не испытывала.

Теплоход причалил утром. Все высыпали на палубу, в радостном возбуждении отыскивая родные лица среди встречающих. Саша с мужем Лии размахивали руками, что-то кричали. Сонины девочки и Игорек, сын подружки, нетерпеливо подпрыгивали, увидев отцов. Все на месте, тревога улеглась, уступив место такому простому человеческому чувству, как счастье.

Вечером пили чай у Лии и делились впечатлениями.

- На Арбате художники наши портреты нарисовали, а

еще мы ходили в кафе и ели блины с икрой, - тараторила Сонина старшая дочь Юленька, девятилетняя красавица с большими фиалковыми глазами. Игорек принес рулон плотной бумаги: с огромного портрета, нарисованного за двадцать минут, в упор смотрел лопоухий мальчик восьми лет в полосатой футболке.

- Да, блины были вне конкуренции, - хозяйка вынесла к столу большой беляш, придерживая горячую сковороду нарядными прихватками, - но мне больше понравились пельмени с грибами в горшочках.

- Медовуху там же пробовали, - Соня положила в тарелку мужа румяные пирожки с яблоками, - надо бы рецепт отыскать да самим попробовать приготовить. Хорошая штука - ноги ватные, а голова ясная, - Соня рассмеялась, вспомнив, как опьянели дети, никто не предполагал крепости в сладком напитке.

Венюминали Кострому со старинным Гостиным двором, Илсс с музеем Левитана, игрушечный пыльный Углич с часовым заводом, Ярославль с колоколами и финифтью, Горький, где обокрали одну попугайцу, которая потом всю дорогу оплакивала отпускные и несбывшиеся надежды. После ужина мужчины сели за шахматы, дети уединились с новыми игрушками в спальне, Соня помогала подруге на кухне, продолжая начатый на теплоходе рассказ.

Днем муж был на работе. Это время было самым опасным, Соня глаз не спускала с гостыи, предлагая свою компанию даже в таких щекотливых ситуациях, когда Элла шла к своим друзьям. Игра шла в открытую, женщины друг друга хорошо понимали.

- Я перед приездом ходила к гадалке, она сказала, что мои планы разрушит черноволосая женщина, - Элла снова была в миниатюрных шортиках, чем повергала местное население в шок, хотя на рынке народ был одет кто во что горазд.

- У нас дети. Почему не прибрала его к рукам, пока меня на горизонте не было? - Соня чувствовала свою силу, щепячья тоска в глазах гостыи неожиданно заставила ее сказать:

- Он любил тебя.

Элла отпрянула, словно ее собирались ударить.

- Он мне никогда этого не говорил.

- Меня он два года твоим именем называл.

- Он мне никогда этого не говорил.

- Ты была замужем, он не хотел быть причиной разрушения семьи, а когда ты спросила его, женится ли он на тебе, если ты разведешься, он ответил: "Ты сначала разведись, а там посмотрим". Кто не рискует, дорогая, тот не пьет шампанское. Я рискнула.

Вечерами Соня хлопотала на кухне, оставив включенной кинокамеру в гостиной, где за телевизором оставались Саша и Элла. Женщина случайно прикасалась к мужчине рукой, жестикулируя и увлеченно рассказывая разные истории.

- У меня сто лет не было мужчины, - она говорит одними губами.

- А муж?

- Мы давно просто друзья.

Соня размышляет о клонировании, не было бы сейчас никому больно, если бы было два Сашки.

Она знает, что мешают им, но загоразживается детьми, словно щитом; никогда и никому, пока жива, никогда и никому она его не отдаст.

В пятницу Элла жестко сказала:

- Завтра улетаю, сегодня у меня важные дела.

Ушла, ловко схватив свою сумочку. Соня осторожно, словно хрупкие яйца, стала выкладывать из пакета купальники и яблоки. Плакал сегодня пляж.

Хотя к такому повороту событий женщина была гото-

ва. Сашу до обеда не достать, Соня в понедельник подарила Леночке, секретарше мужа, банку кофе и журнал "Бурда", выдумав невероятную историю о споре:

- Мы поспорили с мужем на колечко, кто лучше знает своего партнера. В конце недели хочу ему подробный отчет преподнести, расписав по минутам, чем он занимался в течение недели.

Секретарша мужа посмеялась и стала сообщать о любых передвижениях Сашки.

Все пошло, как предполагала Соня, вскоре Элла была вынуждена позвонить:

- Разрешни ему один час со мной посидеть в кафе. Без тебя.

- Хорошо, я с ним поговорю, перезвони минут через пять.

Соня могла себе позволить жалость к женщине, которая боится даже номер телефона спросить. Она наверняка не дозвонилась по известному ей номеру, ведь в кармане у мужа сегодня Сонин телефон не случайно.

"Не повезло тебе, у мужа совещание в мэрии, не скоро освободится", - думала Соня, набирая номер. Саша назначил встречу на четыре в кафе "Ласточка". Соня устала. Ей было жаль себя, жаль маму, которая уже неделю возилась с девочками, жаль эту несчастную бабу в шортиках, жаль мужа. В кафе Саша подарит Элле серебряный браслет, который они с Соней тайком купили в "Топазе", женщина пыталась подсластить горькую пилюлю разочарования. Вчера она подарила Элле книгу Милана Кундера "Смешные любви" о манипуляции чувствами. Этой книгой она хотела сказать: "Муж любит меня, а про имя я сочинила, чтобы тебя немного утешить". Соня жалела, что открылась, обнажив тылы и поселив в душе беспокойной соприкосновения надежду.

Потом она будет жалеть, что не подарила мужу один день счастья с Элой.

В шесть они вернулись из кафе. Элла суетливо собрала свои вещи, муж отвез ее к друзьям. Вернулся быстро.

- Как посидели?

- Нормально, только я деньги в машине забыл, она расплатилась, а потом не взяла у меня ничего.

- Господи! Что за невезучая баба!

Поздно вечером Элла позвонила.

- До встречи, дорогая, хорошей тебе дороги, - сказала Соня.

- Никаких больше встреч. Провались ты... - не договорила, трубку бросила.

"Сорвалась, не выдержала, язык побежал быстрее мысли, - подумала устало Соня, - еще немного, и кошмар закончится.

Позвонила через час.

- Прости, пожалуйста. Спасибо за все. Будете за границей - сообщите мне, я прилечу, встретимся. Провожать не надо, меня отвезут друзья.

Не разговор, а телеграмма настоящая. Она представила, как та непослушными губами выговаривает трудные слова.

Соня рассказала о телефонном звонке мужу, тот хмыкнул: "Боливар не вынесет двоих".

В аэропорт провожать подругу мужа не поехали. Муж молча сидит у телевизора, рассеянно отвечая на вопросы. Соня идет в детскую рассказывать девочкам на ночь сказку:

- Жили-были две принцессы. Одну звали Елена Прекрасная, другую Василиса Премудрая. А в тридевятом государстве жил один Иван Царевич. Однажды они все встретились на балу, и полюбил Иван Царевич обеих принцесс.

- Разве так бывает? - спросила Юля, удобнее устраивая пушистую голову на плече матери. Голова Ули лежала на другой руке.

- Бывает, но женился он только на одной...

Через день после путешествия по Волге Соня с сестрой пришли к Лии:

- Саша умер. Сердце...

- Девочки, проходите. Я как раз пирожков напекла, - до Лии не дошел чудовищный смысл сказанного. Медленно, медленно она отошла к стене, увидев одревеневшую Соню с прозрачными стеклянными глазами.

Августовское солнце мягко легло на кроны кладбищенских деревьев, кружевом украсив поздние цветы.

Прощальный ружейный залп порвал нервы.

- Нет! - крикнула женщина и тихо осела на землю, потеряв сознание.

Через год позвонили гадалке Тане.

- Девочки, я вас не помню, но вы не первые. Я не знаю, как это у меня получается.

Роман с продолжением

Приехал сын. Оставил на веранде рюкзак, пропахший сыром, старый котелок, палатку. Сказал, что четверо суток добирался автостопом, и пошел в летний душ в саду.

Долго купался, потом развесил на веревке во дворе мокрые носки с узелковой штопкой и сел за стол.

Галя поставила перед ним пельмени, мясные пироги с румяной корочкой.

- Я не ем мясо и рыбу, - сказал гость тихо, - еще яйца.

Галя оторопела. Быстро приготовила молочный суп и салат. Любопытный человек, прозрачный, взгляд ясный, чистый.

- Почему не ешь? - спросила она, разглядывая бледное лицо гостя.

- Не положено, церковь не позволяет, - ответил юноша.

- А ты уверен, что Бог есть?

- Уверен, постоянно ощущаю Его. Я даже сам себя не люблю и никому не нужен, а Бог меня любит.

"Приехали", - мелькнуло в голове у Гали. Убрав посуду, она покидала в стиральную машинку две синтетические футболки, джинсы, подогнутые на двадцать сантиметров суровыми нитками, древние трусы, напоминающие авоську.

Ночью молча показала мужу мокрые носки. Он съжился, как от пощечины.

Они купались в Красном море, ходили по развалинам Луксора. Роман с матерью в это время сушили сухари. Валентин с Галей поднимались на Эйфелеву башню - Роман пешком пошел в Грузию. Они сидели в пражских рестораниках, пили пиво - Роман шел, они гуляли в седых портах Хельсинки - Роман шел по Грузии. Он шел два года.

Как такое могло произойти? Как?

- Может, заберем Романа к себе, ему сейчас тринадцать?

У матери крыша поехала, продала квартиру, забрала сына из гимназии и ушла в секту "Адвентистов седьмого дня", уехала куда-то на Алтай, - муж спрашивал не Галю, а себя.

- Ты готов жить с человеком, который не может тебя любить? Ты разрушил жизнь матери. Ты готов?

Нет ответа.

Утром Галя штопает джинсы.

Из писем:

"...У меня проблема, я уже не сомневаюсь. Мне так страшно, так плохо без тебя. Позвони, только позвони..."

" Пишу без ведома дочери. Вы должны знать, поездка в горы имела последствия - будет ребенок. Даже если у Вас нет к Лизе никаких чувств (мне, конечно, очень больно, но я предполагаю худшее), то и в этом случае долг честного человека - позаботиться о ребенке. В чем будет проявляться забота, каждый решает сам, меня волнует не материальная, а духовная сторона. Если бы родилась девочка, я была бы спокойна, но по закону вредности надо ожидать мальчика, а ему необходимо мужское влияние.

Думаю, придет время, когда Вы будете нуждаться во внимании и обществе этого нового человека. Главное - понять это вовремя..."

"...Не дождалась ответа на свое письмо, хотя долго ждала. Пишу снова, это мой долг. Долг бабушки.

Сегодня день рождения нашего Романа, ему исполняется полгода. Мне хотелось сообщить Вам, какой это замечательный мальчик, настоящий ангел. Глаза у него серьезные, умные, как у Сократа. Не признать его просто грех..."

В конверте детские рисунки, по всей видимости, ребенку года четыре. Вложено письмо, написанное печатными буквами:

"...Приезжайте, дядя Валентин, ещё. Походим по Кремлевской стене..."

Писала явно бабушка.

"...Лиза работает на радиостанции "Голос надежды". Рома часто спрашивает: "Дядя Валентин наш родственник?"

"...Я катаюсь на санках с ледяной горы. Мне купили лыжи. Играю в шахматы. Обыграл бабулю..."

"...Я очень хорошо провел лето. Прыгал с волнореза вниз животом. Плыл как кутенок. Катался на теплоходе. Ездил в дендрарий. Ловил светлячков. По дороге купили ведра алычи. Дома сварили варенье..."

"...Катался классическим стилем, но у меня плохие крепления. Занялся настольным теннисом. Прочитал "Дети капитана Гранта..."

"...За эту зиму я ни разу не болел и не пропустил ни одного урока в гимназии..."

"...Прочитал "Таинственный остров". На скрипке играл две пьесы на концерте, а в феврале участвовал в шахматном турнире, правда, очков набрал мало. На выставке кошек купили Соню, черно-белую ангорскую кошку. Сейчас каникулы, неделя театра. Очень понравился спектакль "Похищение Джонни Дорсета..."

"...Здравствуй, папа Валентин. Теперь у меня есть пес Черныш. Он научился брать барьеры, любит гонять кошку. У него на ногах белые носочки, а на груди белый галстук. Посмотрите фотографию.

Сейчас заканчивается первая четверть. Мы с бабушкой ходили в парк. Там играл на скрипке около упавшей березы. Занимаюсь пинг-понгом. И жизнь продолжается!"

Впервые назвал Валентина папой. Осталось одно, последнее письмо, оно пришло в этом году:

"...Я не забыла о своем обещании написать Вам, когда прояснится Ромина судьба. Они обнаружили в Армении (как попали туда, уму непостижимо). А затем оказались в Грузии. Связь была односторонней, несколько лет они писали наугад, предполагая, что мы живы. А деда у Ромы

уже два года нет, переживания за внука подточили его здоровье. Печально, но такова жизнь.

Четыре года мальчик не учился, проходил жизненные университеты. В восемнадцать лет решил вернуться в Россию. Добрые люди помогли оплатить визу. Год ушел на утверждение его гражданского статуса, сдачу экзаменов в вечерней школе. Летом поступил в университет. За эти годы расширился его кругозор, появились зрелые размышления о жизни, людях. Он сам Вам напишет..."

"...Бабушка сказала, что Вы проявили интерес к моей судьбе. Спасибо.

...Я счастлив, хотя не всегда доволен собой. Сейчас работаю в социальной организации "Семья без наркотиков" добровольцем. Мы воспитываем у подростков нравственность, сознательность, ответственность за свой выбор. Я получаю большое моральное удовлетворение..."

Галя положила в шкаф коробку с письмами, отнесла в кабинет заштопанные джинсы. Гость еще спал. Чужая драма подняла со дна души мутное беспокойство, противоречивые чувства вызвали ощущение непрочности ее семьи. Не он один сеятель, таких мужиков сколько угодно, без отцов растет великое множество детей. А ей-то как быть? Мальчика, само собой, она обласкает и обогреет душой, сил на это хватит. Хватит ли их на то, чтобы продолжать уважать человека, породившего весь этот кошмар? Она с содроганием подумала еще о двух брошенных ее мужем мальчиках. Где и с кем они, что с ними? Перерыв между первым и вторым браком Валентина равнялся пятнадцати годам. Срок солидный. В первом браке у него родились две девочки, одну он любил какой-то болезненной, мучительной любовью, переживая ее жизнь, как свою. Дочери Бог дал ума, красоты, удачи. В одночасье Анино счастье рухнуло, когда ее мужа Антона, крупного чиновника, нашли возле подъезда собственного дома с простреленной головой.

Она осталась с трехлетним мальчиком и четырехмесячной девочкой. Все банковские счета оказались пустыми. За месяц до трагедии муж ей сказал:

- Скоро мы будем в шоколаде, если все получится.

Не получилось.

Личный шофер Антона получил от Ани генеральную доверенность на продажу машины, скрылся с деньгами в неизвестном направлении, сообщив по телефону, что Антон был ему должен.

Очередное дело с убийством известного человека немало повозили по экрану телевизора и забыли, как было не раз.

Мужу не до Романов - Галя это хорошо понимала, ежедневно отпаивая его лекарствами.

- Что ж, такова моя судьба, - с этими мыслями женщина активно взялась за мальчика, первым делом вспомнив поговорку "По одежке встречают..."

Энергичный мальчик и женщина, которой подъем на второй этаж кажется восхождением на Гималаи, опустошали рынки целую неделю по страшной жаре. Мальчик оказался легким в общении, веселым. Продавцы таяли от его добрых шуток, на третий день узнавали при встрече и кричали Гале вслед:

- Купите сыночку... - норовили продать что-нибудь.

- Лучше такая мама, чем никакая, - сказал тогда Роман, чем ее сильно обидел. У нее нет никакого желания заполнить брешь в его генеалогическом древе. Мать Романа жива-здоровая, проживает в глухой деревне на Урале, занимается собой, и нет ей дела до всего света. Что за верующая, которая не заботится о ближнем своем? Заработала бы и купила сыну штаны хотя бы.

Галя с раздражением подумала о несчастной Лизе: "Плох отец, а мать чем хороша?"

Вечером чистили картошку.

- Давайте я почищу, я люблю это занятие.

- Нет, ты гость. Отдыхай.

- Хотите, спою Вам?

И он напевает приятным голосом чистые мелодии, ей неизвестные, трогательные за душу, как неоперившиеся птенцы, выпавшие из гнезда.

- Я на шесть лет выпал из жизни. Научите меня общаться с девушками, пожалуйста, - он склоняет голову набок, глаза лукавые, как у Валентина. Он рассказывает о двух девушках, которые занимают его сердце, но это ещё не крещендо, они его интересуют и не более. Он проскочил период записочек, робких прикосновений взглядом, незначительных свиданий, прыгнув сразу во взрослость. В двадцать лет он наивный Дафнис, которому религия позволит познать премудрости отношений между мужчиной и женщиной только в браке. Бедный парень.

На плите два ужина: Роману один, Валентину другой. Хлопот прибавилось, но Галя устает не от кухонной суеты, а от нервного напряжения. Мальчик не простой, а просто другой, как инопланетянин.

- Расскажи, как ты жил.

- Мы два года в деревне жили на Алтае. Мама английский язык в школе преподавала. Потом ее выгнали с работы за сектантство. Мне было двенадцать лет, я боялся выходить на улицу, где всегда сидела кучка деревенской детворы, которая разбивала нам камнями окна. При виде меня вся толпа мчалась с криками: "Сектант! Сектант!" Я плакал в сарае, потом ночью огородами пробирался домой. Однажды мы с мамой засушили сухарей, сели в поезд и уехали. Нас, конечно, скоро высадили, и мы пошли пешком на юг. Думаю, к морю идем, а получилось, что в Грузию. Мама хотела изменить маршрут, но я решил, что нас туда Бог ведет, и пошел. Хорошо сделал, теперь я грузинский язык знаю.

- Где вы ночевали, что ели?

- Где придется. Иногда хорошие люди попадались, даже кормили нас.

Ему не хочется об этом говорить.

Гале кажется, что они подружились. Она уже четвертый день постоянно с ним, Роман говорит без остановки на интересные ему темы, задает странные вопросы, на которые надо отвечать предельно честно. Муж самоустранился под предлогом загруженности на работе. Галя чувствует, что он не знает, как себя вести с этим взрослым ребенком. Их общение ограничивается светской беседой за ужином, после чего Валентин уходит на второй этаж к компьютеру.

- Я ему безразличен, да? Почему он не хочет со мной говорить, не верит, что я его сын? Понимаю, курортный роман. Пусть генетическую экспертизу сделает.

- Нет, он к тебе очень хорошо относится, просто устает на работе. А лаской он никого не балует, только кошку. "Зачем тебе слова? - говорит. - Тебе поступки ни о чем не говорят?" Такой он.

Вечером Галя рассказывает мужу, как прошел день.

- Тогда я должен был помогать детям, а Лиза не захотела меня понять, - обороняется он.

- Она верующая, у нее выбора не было.

- Она тогда не была верующей.

Помолчали. Каждый думает о своем. Галя подозревает, что он ждал возвращения жены с детьми, хотя за это время та успела не раз сходить замуж.

- Деньги кончились, - прервала молчание Галя, - Роман выбирает дорогие тряпки, говорит, что никогда у него не было возможности купить то, что нравится. Ему куртка приглянулась. Может, Денискины, за мебель вырученные, взять? Он только осенью приедет.

Денис - это ее сын.

С деньгами возникли сложности после смерти Анто-на. Муж забрал все из дома, занял приличную сумму у друзей и отвез дочери. Теперь надо что-то продавать, чтобы выкрутиться.

- Купи ему все, что надо, - говорит муж, не отрываясь от компьютера.

На следующий день Валентин возит сына по городу. Галина тихая мечта пару часов с книгой понежиться на диване разбивается о звонок в дверь. На пороге гость Миша, племянник. Милый молодой психотерапевт, приехал на курсы в институт. Галя рада ему. За кухонными хлопотами, разговорами проходит время. Вскоре возвращаются мужчины, опять кухня, разговоры. Наконец все успокаивается. Валентин с племянником уходят к телевизору, прихватив поднос с закусками и коньяком, Роман с Галей спускаются в кухню.

- Он меня не любит, я это чувствую.

"Опять двадцать пять!" - Галя про себя чертыхнулась. Что еще не так сказал муж? Не хватает ему мягкости. Резкий на слова, щедрый на хорошие дела, он кого угодно может разозлить. Первая жена не выдержала его бескомпромиссной жесткости, сбежала с дочерьми, ранив его так больно, что, похоже, он никогда не оправится. Галя мягче, мудрее, сначала ужин, потом разговоры, но и у нее иногда возникают мысли уехать, пожалев себя. Но мужа она жалеет больше.

- Он любит тех, кого должен любить: тебя, меня. Сейчас плохое время у отца, - и Галя рассказывает об Анне.

- Он болеет дочерью, тут ничего не попишешь.

Вечером выясняется, что спорили о Боге. Мальчик, конечно, слабый противник против Валентина. Эмоции и вера против жестких аргументов.

Интересный, видимо, был разговор, если учесть уверенность Романа, что Библию написал Бог.

В субботу накрывается большой стол в зале. Гостей много, всем интересен новый родственник. Его одаривают деньгами. Золовка расцеловывает его со словами:

- Вылитый Валя в юности.

Молодежь увозит Рому на развлечения в ночной город.

Утром опять рынок.

- Что такое кумыс? От него пьянют? Но это не спиртное, хочу попробовать.

- Осторожно. Много не пей, медвежью болезнь заработаешь.

Он выпивает литр. Раскрасневшись, садится на корточки, прислоняется спиной к киоску.

- У меня странные ощущения, ноги подкашиваются.

- Ты всегда такой упрямый? - Галя огорчается. Жара расплавляет ее, сибирячку, размазывает по асфальту. Ей хочется домой, к кондиционеру.

Выбирают куртку. Покупают две. Покупают туфли, кроссовки, футболки, белье.

- Выбери бабушке подарок, - говорит Галя, разглядывая пижамы.

- Да, сейчас выберу.

- Купи ей хорошую шаль или пижаму.

- Нет, ей нужны ботинки.

Галя спрашивает размер и выбирает удобные полусапожки.

- Нет. Она носит мужские сапоги на тракторной подошве.

Галя уже знакома с его упрямством, но пытается все же объяснить мальчику, почему бабушка-пенсионерка, единственный кормилец в семье, носит мужские ботинки. Но мальчик покупает тракторные уродцы.

- Ты говоришь, что никому не нужен, кроме Бога. А бабушке?

Роман не отвечает.

Вскоре у Гали деньги заканчиваются. Она старается компенсировать мальчику душевное тепло покупкой тряпок.

Роман принимается тратить бабушкины деньги, данные ему на черный день. Остается три тысячи.

- Я хочу купить верблюжонка девушке.

- Не стоит, это очень дорогой сувенир. На эти деньги можно пару ботинок купить.

- Я не могу без подарков приехать, это нехорошо.

- Можешь. Отцу ты не догадался тульский пряник привезти.

Мальчик смущён.

Дома он записывает дни рождения новых родственников.

- О, у Вас юбилей! Я обязательно позвоню, - зря он это сказал. Она не дожидается звонка и расстроится. Значит, этот мальчик нашел в ее сердце приют, а вот она до него не достучалась. И приветы через Валентина он не будет ей передавать. Это все потом, а пока она пытается латать дыры, сделанные мужем в общении с сыном.

- Я ещё раз взгляну на верблюжонка. Вы пока посидите в кафе, хорошо? - поднимает глаза к парусиновому потолку летнего кафе, резко поворачивается и убегает к киоску.

Возвращается без сувенира.

- Я спросил у Бога: "Купить? Не купить?" Он ответил: "Нет". Киоск закрыт.

Дома с Мишей они проходят краткий курс медбрата, Роме интересно все, особенно первая помощь при эпилепсии. Потом ребята входят в интернет, Рома легко переводит что-то с английского языка.

После ужина он помогает Гале на кухне.

- Чем тебя секта привлекает?

- Не секта, у нас говорят "церковь". У меня друзья по всему миру. Мы на собраниях много говорим, поем. Хотите, я возьму завтра Вас с собой на встречу? Очень интересно будет.

- Завтра посмотрим на обстоятельства.

Из церкви он приходит недовольный.

- У вас совсем нет молодежи.

Из отрывочных разговоров возникает стройная картина советской пионерско-комсомольской организации, переименованной на религиозный лад, с походами, зарницами, диспутами и собраниями. Умные, именно умные, руководители сплотили часть "потерянного" поколения вокруг церкви.

Валентин сказал:

- В России молодежи трудно, у нас им есть чем заняться, поэтому этот номер в Казахстане не проходит.

Гости уезжают в один день с интервалом в несколько часов. В доме суета, сборы, последние напутствия. Валентин просит сына позвонить, как приедет. Поезд отходит. Мальчик в красной куртке машет из окна вагона, радостно улыбаясь. Гале немного грустно и тревожно, как доедет, путь дальний.

Через два дня мальчик не позвонил. Муж звонил, искал, через неделю бабушка сообщила, что Рома заехал к подруге.

- У меня такое чувство, - сказал Валентин, - что надо советом президента воспользоваться.

Как-то на жалобы населения тот ответил: "Расслабьтесь, как в известном анекдоте, и получайте удовольствие".

Прошла осень с юбилейной суетой, приездом друга, отпуском в другом городе. Прошел Новый год с елками, родственниками, выводком котят, принесенным кошкой Музой.

Роман не позвонил. Он не позвонил ни разу. Галя настояла на том, чтобы муж отправил сыну деньги на учебу.

Валентин изредка звонил ему, но чаще говорил с бабушкой мальчика.

- Не похож он на меня. Он только номинально мне сын, - в сердцах заметил Валентин, не дождавшись от сына звонка после очередной посылки.

Не оправдались пока надежды бабушки, не нуждается Валентин в этом странном мальчике. Хрупкий мостик меж-

ду отцом и сыном, старательно возведенный руками Гали, рушится от испытания любовью. Каждый ожидает больше, чем дает сам. Но жизнь продолжается, роман продолжается. Галя ждет его на летние каникулы, понимая, что он забыл ее имя. Переступил и пошел дальше. Она ждет умного мальчика, не умеющего чувствовать, росшего в глухой изоляции, откуда нужно было выбираться, ломая себя. Научится ли он видеть других, не проходить мимо любящих?

Орел

Он вернулся на руины молодости. Квартира первой жены была уютной, утопала в розовых кружевах тюля, издавала еле заметный запах свежей краски и вкусный аромат жареного мяса с черносливом.

В кухне, украшенной кучей магнитных безделушек на ярко-желтом холодильнике, сидели три разновозрастные женщины и седой полный мужчина с блаженной улыбкой на лице. Дорогой серый пиджак в серую же полоску висел рядом на спинке дивана, верхняя пуговица рубашки была расстегнута, узел галстука распущен.

Пили водку. Тетя Надя говорила: "Какой он был орел! Какой орел!"

Дядя Вова вернулся из армии и сразу женился на шестнадцатилетней Наденьке, хрупкой красавице с глазами шоколадницы из картины Лиотар. Днем она работала буфетчицей в столовой, вечерами надевала полосатое платье с глубоким вырезом и юбкой-колоколом, шла в ресторан петь нежным голосом: "Ландыши, ландыши..." Верочка с братом каждый день бегали в столовую за конфетами, молча набивали рты и убегали. Детский рай исчез за день в клубах дыма и языках пламени. Народ зачарованно наблюдал за суетой пожарных, а бабушка тащила из дома пуховую перину, не дай Бог огонь перекинется на крышу ее дома.

Столовая горела уже четвертый раз, и каждый раз бабушка обнимала пушистую перину и волокла ее на улицу. Перина худела, бабушка ругала воров, которые устроили пожар, чтобы скрыть грехи.

Родилась Ангелина. Хрупкая тетушка таскала толстую девочку в ресторан, сажала на колени гардеробщице, шла на эстраду и пела: "Ландыши, ландыши..."

Когда на экранах телевизоров впервые появилась Ва-

лерия с "Хризантемами в саду", Вера испугалась от неожиданности - это была шестнадцатилетняя Наденька, нежная принцесса. Тетушка оставалась принцессой в тридцать лет, в тридцать пять, так никогда и не став королевой. В шестьдесят пять она стала старенькой принцессой. Природа одарила ее редкой красотой, по иронии судьбы сделавшей ее несчастливой.

Дядя Вова учился. Сначала в институте за триста километров от дома, затем в аспирантуре, позже - на разных курсах, потом начал стремительно расти. Он по-прежнему оставался уютным румяным дядей небольшого роста, который когда-то носил на руках маленькую Верочку, незаметно менялся только объем живота, покроем костюмов и интересы: вместо курток из искусственной кожи появились костюмы с галстуками; его мотоциклетный шлем пылился у бабушки на чердаке деревенского дома вместе с дырявым бреднем, коньками, которые при помощи веревок когда-то крепились к валенкам, баяном и, наконец, лыжами, прибывшими позже других предметов дядиного увлечения.

Жены на чердак не попадали, но менялись с той же неутомимой последовательностью, изумляя родственников красотой и молодостью: каждая была моложе предыдущей лет на десять-пятнадцать. Следующая могла бы годиться ему во внучки. Но внезапно на крутом повороте дядя выдохся, как беговая лошадь, перед забегом перепоенная водой.

Тетушка угощала пирожками с яблоками, румяными, издающими аромат Вериной юности.

После провинции столица пугала многообразием чужих лиц, холодом человеческих отношений и трамваев, теплым углом в этом огромном городе была дядина квартира, где Верочка зарывалась в книги в комнате двоюродной сестры и чувствовала себя, словно в родительском доме. Дядя приходил поздно, садился к экрану телевизора с газетой, рассеянно отвечая на вопрос жены об ужине:

- Я сыт.

Маленькая сестренка, несмотря на свои округлые формы, ела мало, предпочитая печенье, орехи, яблоки. Тетушка с прозрачной кожей и девичьей фигуркой пила чай со сладостями, а для Верочки готовился настоящий ужин. Повзрослев, она поняла, какое бремя навалилось на тетю Надю с приездом племянницы. А тогда, съедая мучительно долго готовящийся ужин, Вера выходила из-за стола полуголодная, стесняясь своего обжорства. По воскресеньям тетушка пекла пирожки, ровно десять штук: себе и Лине по два пирожка, мужу три, потому что он мужчина, и Вере три.

- Кушай, если умещается, - говорила тетя Надя ласково, не подозревая, что в Верочку уместятся все десять штук.

- Доченька, кушай второй пирожок, - уговаривала тетя.

- Я и так толстая, - расстраивалась девочка, удобнее устраивая свои пышные формы на крохотном кухонном табурете.

- Я до шестнадцати лет такой пышкой была, просто колобок, а потом похудела. Ты тоже похудеешь, потерпи немного, - успокаивала тетя Надя Лину. Вера не верила, что тетя когда-то была толстушкой, что Линка когда-нибудь похудеет, но тихо помалкивала. Правильно делала, потому что в десятом классе сестра стала резко худеть, превратившись в такую красавицу, что оставалось только удивляться причудам природы.

Вера уходила на занятия в восемь, не встретившись с дядей, который еще раньше спускался к реке плавать. Элитный дом в центре столицы примыкал к старому городскому парку с резными деревянными беседками на вершине горы. Оттуда открывался вид на реку, на мост, на маленькие дома, ласточкиными гнездами прилипшие к уступам холма, где на узких переулках трудно было удержаться в вертикальном положении. До сих пор остается для Веры загадкой, как люди умудрялись отапливать лачуги.

Зимой дядя катался на лыжах в лесу за скованной льдом рекой. Он уходил в шесть утра, когда Вера еще только досматривала сны. Позже у Веры появилась собственная квартира у леса. По выходным дядя кричал в окно, доехав на лыжах по реке из другой части города до них. Заходил на минутку хлебнуть горячего чая, отправлялся в обратную дорогу. Племянница не переставала удивляться его энергии и уравновешенности, человек - зеркало, никогда, ни при каких обстоятельствах не выдающий своих чувств, даже в критических ситуациях умеющий владеть собой.

Тем неожиданнее был его развод с Наденькой после семнадцати лет супружества. Только однажды Вера видела, как дядя легонько стучал двумя пальцами по пышной тетушкиной прическе и приговаривал, улыбаясь:

- Ах, пустая птичья головушка!

О причине развода тетя Надя рассказала сама. Она была в гостях у друга, когда дом окружили сыщики, а в дверях появился муж со словами:

- На этот раз отпереться не сможешь, подпишись.

Протянул заявление о разводе от имени жены со словами "потому что люблю другого". Ушел с чемоданчиком, оставив все нажитое, включая дочь.

Как известно, свято место пусто не бывает, вскоре он женился на прима театра, знаменитой, заслуженной с именем Наденька. Видно, судьба такая у него - жениться на Надежде, третья жена тоже будет носить это имя, но об этом позже. Все надежды его обманули. Со второй Надеждой совместно он прожил лет десять, если можно назвать совместным существование врозь. Специфика артистической жизни - путешествие без конца и края по суровым дорогам бескрайней России. Дядя растил ее дочь, обиженное на весь белый свет существо. В конце концов из-за нее разбежались - девушка выросла, посторонний мужчина в доме мешал, теплые отношения между ними не возникли, каждый ревниво отстаивал свои права на Надежду. Победила дочь.

Третья Надежда кормила. Выросшая в детском доме, она умела ценить родной дом, который по ее понятиям сосредотачивается на кухне. Веселая разбитная молодуха сумела приручить всех его друзей, аккуратно вычеркивая при этом родственников. Для чего они нужны? Силовитные хлопоты: то на работу устрой, то квартиру помощи купить, то еще какая напасть. Хлопоты на дядю Вову родичи навешивали постоянно, гордясь им и нещадно эксплуатируя. Но и любили. Наденьки третьей хватило на десять лет, а потом как отрезало, без спусков по ступеням равнодушия она сразу из состояния влюбленности перескочила в состояние ненависти. Ему стукнуло шестьдесят, а ей тридцать четыре, даже этого хватило бы для равнодушия. Но возникла ненависть, подпитываемая жадностью; жить с человеком не хочется, а делить имущество жаль, еще немного терпения - все останется ей. Еще немного терпения. Но какой ценой давалось это терпение!

В доме тоже росла дочь, Надина дочь, которая называла дядю Вову папой. А он ее именем называл свою Ангелину.

Лина плакала, жалуясь сестре:

- Ее он любит, а меня по имени не помнит.

Писала грустные стихи отцу, но читала их Вере.

- Глупости не говори, если бы не любил тебя, не подарил бы квартиру.

- Так он откупается от меня, но любит Надькину Катю.

Любит не любит, словно не об отце речь идет. Откуда такая ревность у Лины, Верочка никак не могла понять. Неужели сестре не хватает любви?

Трудно найти человека, в ком она не вызывала бы теплые чувства - ласковая, добрая, милая.

Она, как и мать, нравилась мужчинам. За неделю перед свадьбой ее умыкнул один из поклонников.

- Поговорить надо, - позвал он.

Лина вышла с подружкой, опасаясь скандала. Зима на-

бирала обороты, сели поговорить в его машину, стоявшую возле подъезда. Он попросил подружку на минутку оставить его с Линой наедине, захлопнул дверцу и тотчас повез девушку на большой скорости в деревню к родителям. Сестра боялась выскакать из машины на ходу, тем более в домашних тапочках и легкой куртке на плечах.

Будущие гости ломали голову, выбирая подарки к свадьбе, а Лина неделю рыдала в деревне и ломала голову над тем, как сбежать, пока сестра похитителя не сжалилась и не дала ей деньги на дорогу и одежду.

Все эти семейные перипетии мало отразились на характере дяди, он по-прежнему оставался добродушным веселым человеком. Лыжи заменил теннисом, сауной, путешествиями по всему миру; снисходительно терпел истерики недовольной жены, все чаще и чаще навещая родную дочь.

Бедра разбила его в одночасье - Ангелине поставили страшный диагноз, и после мучительных месяцев лечения лекарствами стоимостью в трехкомнатную квартиру, после множества операций ему сказали: "Все. Помочь больше не можем. Месяц от силы протянет..."

Сестра ходила в корсете, без волос, с оплывшими руками и говорила:

- Почему меня хоронят? У меня такое чувство, что я буду долго жить.

- Если у тебя такое чувство, то так оно и будет, - успокаивала сестру Вера, не узнавая в этом бедном существе свою милую Лину. - У Циолковского лет в сорок обнаружили эту гадость, а прожил он до глубокой старости.

Бедра объединила родню. Только о Лине шли семейные беседы, серой неизбежностью повиснув над головами, а сестра надевала парик с золотистым блеском, короткие юбки, широкие модные кофточки и ходила на дискотеки - танцевать не могла, метастазы в позвонке причиняли страшную боль, но она смеялась. Дома корчилась в муках.

Первой сдалась Верочкина мама. Она говорила дочери:

- Научись отодвигаться от чужой беды, иначе часть на себя примешь, у нас это по женской линии передается.

Но сама отодвинуться не смогла, сгорела от той же болезни за три месяца, даже в последние часы жалея любимую племянницу.

Вторым сдался дядя Вова, резко перестав улыбаться. Он переписал на дочь часть имущества и слег. После удаления почки понадобилась вторая операция. На этом его беды не закончились - он попал в аварию, переломав кучу костей в многострадальном организме.

Вера думала: "Возможно, способность перенимать чужую боль присуща всем людям".

Надежда с Ангелиной ходили в больницу ежедневно, Лина уезжала домой рано, а мать оставалась в палате на ночь, в то время когда дядина жена отдыхала в Куршавеле с Катериной.

Дядя Вова открывал глаза и шептал: "Наденька". С грустью тетюшка понимала, что он зовет другую Надежду.

Это было много лет назад.

Сейчас они сидели за столом в тетюшкиной квартире, пили водку, позже пошли танцевать.

Ангелина прикладывала ладошки к щечкам и смеялась над сестрой, у которой не получался танец живота.

- Не переживай, - успокаивала она Веру, - у меня тоже не сразу получилось.

Потом хвасталась ажурным платком с колокольчиками для танцев.

- Я в Китае в последнюю поездку отыскала, а в Турции только с монетами есть, - говорила она, уминая сочное мясо с черносливом.

Вышли на балкон.

- Ты потрясающе выглядишь, - искренне радовалась за

сестру Вера, приезжающая в родные края раз в год. Сестра с милым личиком, стройная и изящная, словно помолодела. - Волосы чем-нибудь полощешь?

- Нет, они сами по себе такие блестящие, - ответила Лина.

Помолчали, разглядывая ночной город с высоты седьмого этажа. Внизу мелькали разноцветные огоньки, как на новогодней елке.

- Я же говорила, что не умру, - тихо сказала сестра. - Ты знаешь, что восемь лет тому назад мне приговор подписали? Я съездила в Аркаим и поняла, что не умру. Там такая благодать на душу сошла, словами не передать. Теперь про меня в медицинских журналах пишут, из девяти метастаз одна осталась, да и та окуклилась. Так врач сказал. А папа совсем сдал, болен.

Вышла тетушка.

- Ты посмотри на эту безобразницу, погуливает от родного мужа, да не с одним, совсем с катушек съехала, - жаловалась она Вере на дочь.

- Мама! Это деловые партнеры. Что ты всякую чепуху выдумываешь?

- Ты хочешь сказать, что я родную дочь не знаю?

- Мама!

Из кухни послышалось недовольное ворчание:

- Меня одного оставили, долго вы там секретничать будете?

Застолье потекло своим чередом, прерываясь громким смехом.

- А помните, как со мной в бабушкин погреб провалились? - вспоминала Вера историю, рассказанную мамой. Дядя укачивал маленькую Верочку на руках и провалился вместе с ребенком в погреб, не заметив, что крышка неплотно закрыта.

Отец вернулся с работы и устроил жене разнос:

- Витаминами дочь не кормишь, смотри, у нее рахит начинается, на затылке волос совсем нет. Мама с дядей переглянулись, но не рассказали, что волосики у ребенка срезало при падении.

- Лина что учудила в детстве, года три ей было! - в свою очередь пустилась в воспоминания тетушка. - Я ее твоей маме оставила на два дня...

- Помню! - прервала Вера рассказ. - Мама только лишь не плясала перед маленькой, как курица с яйцом носилась с любимой племянницей...

- Приезжаю, спрашиваю ее, как дела, а ребенок в рев:

- Тетя меня била, била.

Дядя сонно улыбался, слушая женское щебетание. Дома никто не ждал, молодая жена все чаще задерживалась у подруг, будила его ночными звонками:

- Не жди сегодня, я у подруги переночую.

Ему даже задавать вопросы лень, легче считать, что у подруги. Устал он, устал, а тут так уютно, всем он нужен, все его любят. Он еще не потерял надежду. Пожалуй, не поздно еще вернуться.

Через сонный туман до него стало доходить, что Надя говорит о нем. Говорит о молодости, которая выскользнула из рук, как рыба в реку, о вершинах, на которые ему удалось забраться, а сегодня они кажутся недостижимыми. Еще он услышал свист ветра в ушах, когда скользишь по лыжне, шум качающейся ивы у реки возле угасающего костра, уловил забытый запах теплых рук матери.

- Какой ты был орел, - говорила тетушка, - какой орел...

По щеке дяди медленно скатилась слеза.

Вера с грустью смотрела на дядю. Уходило поколение. Он младший из братьев отца - крыша дома, названис которому - жизнь.

Следующим на старт выйдет Верино поколение.

Свадьба

Невеста улыбалась, показывая пятьдесят два белоснежных зуба. Возможно, их было больше, но народ видел только ее белое платье, тугим корсетом прижимающее будущего человека, и совершенно не обращал внимания на самостоятельного малыша двух лет, деловито снующего между гостями. Кто-то почистил банан и дал ребенку. Пожалуй, ему меньше двух лет, гораздо меньше. Мальчик уронил банан на грязный пол дешевой поселковой столовой, наклонился неуклюже, обнажив худенькую спинку, поднял и стал есть.

- Она даже не знает, от кого дитя, - зловеще шептала старуха на ухо одной из гостей. С жалостью поглядывала на родную кровиночку, любимого внука в свадебном костюме с белой розой на лацкане пиджака.

Истерика родителей с битьем посуды наткнулась на невиданное упорство сына, заявившего, что сам поднимет детей. Слова с делом не разошлись, он бросил институт и устроился на тяжелую работу в шахту. Неожиданно родители притихли, решив, что помирать - так лучше с музыкой, и затеяли свадьбу с тамадой, белым платьем, караваем. Если такое сотворил их единственный сынок, послушный и ласковый, словно телок, то чего еще от жизни ожидать?

Людмила Даниловна сидела с правой стороны свадебного стола, со стороны жениха, удивлялась причудам природы, разглядывая невесту, как две капли воды похожую на ее подругу.

Их привел муж, когда заселились в новый дом.

- Давай пригласим соседей в гости, познакомимся.

- Каких соседей? - спросила Люся, - женщину в красном платье, которая гуляет по двору с детской коляской?

Ее удивило это платье - слишком короткое, но красивое, какое-то ресторанное.

- Да. Ее Наташа зовут, а муж у нее инженер на "Авто-приборе", нормальный мужик.

Решили пригласить, затеяв нечаянную дружбу длиной в жизнь, подогреваемую перекрестным интересом двух супружеских пар.

Вечерами играли в лото. Иван втихаря выбирал бочонки, а потом кричал:

- Быстрее собирайтесь, в лото сегодня играем.

Его ловили на мошенничестве, женщины обиженно уходили на кухню, где за мытьем посуды дружно ругали Люсиного мужа, быстро забывали обиды и вновь садились за игру - теперь в "Эрудит". Миша играл честно, иронично посмеиваясь над плутоватым другом, выдумывающим невероятные слова. Иван божился, что есть такое слово, что недавно оно ему встречалось в журнале "Знание - сила".

Женщины не верили, лезли в справочники, неожиданно для себя и, пожалуй, для Вани обнаруживая это слово. В следующий раз, ленись вступать в перепалку с отчаянным спорщиком, они пропускали какое-нибудь нелепое слово, снисходительно смеясь.

Игры брали с собой в парк. Постелив на траву под деревьями одеяло, раскладывали принесенную снедь и коробку с "Рулеткой". Дети сначала лежали в колясочках, один - под голубым кружевным покрывалом, другой - под розовым. Через год топтали маленькими ножками, натываясь на неуклюжие деревья, неизвестно с какой целью торчащие повсюду, позже сидели в том же парке на санках, укутанные в тридцать три одежки так, что из неповоротливых кулей торчали только глаза, а шарфики покрывались инеем. Старый парк тоже стоял в инее, как сон, придуманный художником; игольчатые кружева, покрывающие ветки деревьев, рассыпались от легкого прикосновения.

По очереди бегали на лыжах по маленькому кругу, изредка ныряя в кафе выпить горячего кофе.

В лесу было еще наряднее. Воскресный автобус отхо-

дил в семь утра со станции недалеко от дома. Сонных ребятшек заталкивали в цигейковые шубки до пят, в одинаковые красные валенки, в пуховые платки. Потом пристраивали досыпать на свободных местах в грузном желтом автобусе, переполненном веселыми молодыми людьми в пестрых шапочках. Турбаза располагалась в столовой летнего пионерского лагеря, где пахло чаем с душицей и мятой, разгоряченными молодыми телами, снегом. Длинная лыжная трасса проходила по прозрачному лесу, то спускаясь с холма, то поднимаясь; большое розовое солнце лежало на вершине горы, уютно примостившись на голых ветвях берез и дубов.

Миша кататься не умел, он умел ходить, отталкиваясь лыжной палкой, почему-то при этом двигаясь назад; пройти круг по парку он еще мог, но осилить холмистую лыжную тропу ему было не по силам. Они с Люсей скатывались на санках с горы, прижимая к груди своих детей, дружно тянули в горку драгоценный груз. Дети росли спокойными и удобными в обращении, не создавая родителям серьезных проблем. Люсе казалось, что они понимают друг друга без слов - Женя и Женя, мальчик и девочка.

Наташа с Ваней нарезали круги, разгоряченные подъезжали к горке, где говорили близким незначительные слова, которые обозначали любовь: "Спасибо, что даете нам возможность кататься, чудная погода, не застудите малышей, мы еще пару кругов до обеда успеем пробежать, как красиво!".

"Как красиво!" Это был стержень дружбы, основной мотив хорошей песни.

Взаимный интерес мужчин и женщин не отягощался предательством, ходили по параллелям, не соприкасаясь.

Однажды, только однажды сплеховал Миша.

В саду не было электричества, поздно ночью в компании делать было совсем нечего, не спать же; оставалось только пить, чем и завялись все с молодой энергией, из-

рядно преуспев в этом нехитром деле. На следующий день не болела голова только у Люси, не умевшей пить. Обычно она прикладывала губы к напитку, изредка проглатывая, судорожно морщилась, с гримасой отвращения отставляла рюмку.

Утром Наталья обнималась с яблоней, издавая утробные звуки; из большой комнаты слышались не менее мощные звуки Ваниного храпа. Люся готовила молочную кашу для детей, которые вскоре должны были проснуться. Миша лежал на кухонном диванчике синим трупом:

- Людочка, давай порвем наши цепи и поменяемся парами.

- Как это? - не поняла женщина.

- Я на тебе женюсь, а Наталья за Ваньку замуж выйдет.

- Зачем?

- Как зачем? Неужели я тебя не волную?

- Не волнуешь.

- Как не волнуешь? - мужчина был обескуражен, - совсем не волнуешь? Ты внимательно посмотри, я довольно хорош.

- Хорош, не спорю, только ты меня не волнуешь, - сказала Люда, открыв дверь, чтобы отнести горячую кашу на летний стол в саду. На крыльце сидела мрачная Наталья, услышанное не улучшило и без того поганое настроение.

- Гад! Поменяться захотел, паразит, - она вяло ругалась, придерживая руками стеклянную голову, завернутую в мокрое полотенце. Ей казалось, что неосторожным движением можно расколоть вдребезги этот драгоценный сосуд, и голова со звоном разлетится на мелкие колючие осколки.

- Не бери в голову, ей без того досталось, выпей лучше чая, - с этими словами Люда пошла наливать чай.

Дети росли, умиляли неожиданными открытиями, которые потом долго смаковались взрослыми. Мальчик говорил "путица" вместо "пуговица", говорил: "Изреши, мамочка, погулять". Ему "изрешали", он приходил с прогулки по

двору гордый, обменяв новое ружье на горсть камней. Дети ставили белому пушистому медведю банки и градусник, целовали его, кутали в пеленки и сажали на четырехколесный "краткор". Люся читала ребятишкам книгу "Сорока-белобока" и спрашивала, тыча пальцем в сороку:

- Кто это?

- Мудала, - пропищала девочка.

Кто!? - опешила учительница.

- Мудала, ты же сама сказала: "Этому дала, этому дала".

По выходным мужчины с детьми уходили на охоту за бизонами. Повзрослев, сын признался, что очень не любил ходить за бизонами. Папы ставили санки с детьми друг против друга, заходили в пивбар и пропадали надолго, потом везли домой ребятишек мимо парка и кричали:

- Бизон пробежал, бизон! Вы видели? Скорее доставьте ружье! Ах, как жаль, убежал.

Дети во все глаза высматривали бизона, но так ни разу не увидели.

Им было около четырех лет, когда они, взявшись за руки, подошли к родителям, и сын спросил:

- Мама, папа, а где вы жить будете, когда мы поженимся?

Однажды ураган обозначил их особенность - так они решили позже, рассматривая историю со всех сторон, с за-
поздалым испугом заглядывая в ее холодные глаза.

На озере не купались, было довольно прохладно, волны шумно колотили кулачками из съжившихся старых листьев по крутому берегу, перевернутые лодки скрипуче жаловались на ветер, усиливающийся с каждой минутой.

С трудом разожгли костер из сухого хвороста, сварили уху. Миша пел под гитару: "Девочка плачет - шарик улетел...", Ваня громко рычал: "Ой мороз, мороз...", женщины мыли посуду, оттирая песком копченые бока котелка, дети с визгом бегали по причалу до тех пор, пока совсем не стемнело. При свете фонарика устроились в палатке на

ночлег: ребяташки в центре, мужчины - ближе к краю. Ночью ветер озверел, издавая трубные звуки, но палатке колотил сумасшедший дождь.

- Конец котенку, - шепнула Наталья, укрывая своей шерстяной кофтой дочь.

- Мокро, - Ваня снял футболку и укрыл ею жену, лежащую тоже без кофты. Мужчины в одних плавках плотнее прижимались к теплым женам, стараясь отодвинуться от мокрого края палатки.

- Господи! Что за погода! - Люда обнимала малышей, прижатых друг к другу, как шпроты в банке, от них шел пар.

Казалось, что совсем не спали, но пасмурное утро принесло тишину, чем и разбудило измученных людей.

Со скрипом вылезли из палатки в серое утро и обомлели: все вокруг напоминало фантастический фильм о жизни после смерти. Кругом лежал снег, на выкорчеванных деревьях с зелеными листьями, на унесенных в озеро лодках, на обломках ларька, невесть кем построенного на берегу и одиноко скучающего без товара и хозяина, на воротах пионерского лагеря, лежащих на земле, беспомощно раскидав калитки, как руки. Мужчины в одних мокрых трусах удивленно взирали на единственный уцелевший предмет в округе - их палатку.

Свадьба шла своим ходом. Из белозубой невесты во все стороны торчали колючки, как из только что сорванных в саду роз, усеянных утренней росой.

Как в длинной слепополуденной тени узнаешь дерево, так в бесшабашной новобрачной, с удалью танцующей на своей свадьбе, Людмила узнавала свою подругу Наталью.

Впервые собрались у Шубичевых. Люда приготовила коктейли по книге "Праздничный стол" - больше ничего про первый вечер она вспомнить не смогла, кроме разве того, что с ними была еще одна пара.

В субботу в том же составе встретились у Натальи. Она

приготовила тефтели из медвежатины, присланной Мишиными родителями, и поставила на стол нарядную миску с сахаром, залитым чистым спиртом. Все осторожно пробовали большими столовыми ложками сахар, удивленно охали, наливали привычную водку в фужеры для шампанского, поставленные на нарядный стол вместо пока еще не купленных рюмок.

К ночи ближе все упились в зюю, в стельку, до потери равновесия и части разума. И тогда Наталья сказала:

- Вы знаете, с кем пьете? Я проституткой в гостинице работала.

- Да, - широко улыбнулся Миша, утром посмотрел на нее: жалко стало, красивая баба зря пропадает, чистый воробышек. У меня командировка закончилась, я ее к родителям увез и женился.

- Опля! - подумала Людмила, - теперь кое-что встает на места, попадает в свои лузы. Но сладкий спирт, запитый горячим чаем с тортом, возмущался в своей обители и норвил посмотреть на других гостей, поэтому свои мысли Люда додумает позже:

- Вот почему сын министра живет в этом маленьком городке с осенним названием, его просто в ссылку сослали с глаз долой.

Позже она узнает о своей прозорливости, заодно откроется завеса над хипповской Мишиной юностью с приводами в милицию за спекуляцию дисками с записями запрещенного рока и джаза.

Это было очень давно, оставалось только удивляться изощренной памяти, которая неожиданно для хозяина выуживала из реки времени забытые факты.

Наступало новое лето с походами на гору, дальнейшее озеро, с чаепитиями под яблоней в родительских садах. Приходила новая зима с лыжами, Дедом Морозом и Снегурочкой. Дети, взявшись за руки, ходили в детский сад во дворе

дома, где Ваня с Мишей построили горку, а Люся с Натальей нарисовали веселых утят на беседке. Потом ребята вместе сидели за первой партой в Люсином классе и стали называть ее Людмилой Даниловной. На выпускном балу Женечка была в белом атласном платье с розой на тонкой талии, в этом же платье она была на своей свадьбе в сентябре. Евгению пришлось купить новый костюм, вступительные экзамены в университет не остановили его рост.

Время вносило свои коррективы, Людмила с Ваней в одночасье вдруг разбежались после свадьбы детей. Иван женился снова, приведя в дом домовитую скромную женщину, с обожанием заглядывающую в его до сих пор красивое актерское лицо. Людмилу забросило в чужую жаркую страну к новой многочисленной родне, к новому мужу с интеллектом Билла Гейтса, но без его миллионов. За тридевять земель подрастала куколка - внучка, одновременно похожая на всех четверых и в то же время - только на себя. Одно лишь оставалось неизменным - песня Миши и Натальи, случайно сложенная из осколков и красиво допетая до конца.

На тридцатилетие свадьбы друзей собрались вчетвером, так сложилось. Наталья внесла в комнату противень с курником, разрезала на части, положила всем в тарелки.

- Спасибо, милая, - сказал Миша и поцеловал жену в запястье.

Люда поймала взгляд бывшего мужа, говоривший: "У нас с тобой тоже все могло так сложиться".

Да, могло. Только она виновата, что не сложилось, это она сломя голову ринулась на край света в поисках приключений, потому что вдруг стало скучно. Сейчас, вдали от близких людей, она поняла, что такое настоящая скука, когда не с кем просто поговорить за чаем. Страсти давно увяли, как цветы-однодневки, для новой родни Люда осталась посторонним человеком, муж любил только своих детей и внуков. После одиннадцати лет супружества они ста-

ли совсем чужими. Пресловутый стакан воды, который будет некому подать в старости, дамокловым мечом висел над женщиной; поэтому она боялась уезжать от него, хотя вряд ли будет этот стакан. Когда она болела, муж просто сказал:

- Чего маешься, вскипяти чай да выпей.

Друзья говорили о прошлом, вспоминая смешное и значительное, о внучке, на которую был направлен вектор любви всех четверых. Наталья мимоходом ерошила волосы мужа, он обнимал ее за плечи и тепло улыбался.

Позже отыскивали старую игрушку с недостающими фишками, чудом уцелевшую на антресолях той же квартиры, где когда-то ели ложками сахар, залитый спиртом, но игра почему-то не заладилась. Снова пили водку, но она, видимо, состарилась, никто не пьянел, хотя очень хотелось утонуть в алкогольном блаженстве, чтобы не замечать морщин на лицах друзей, тревожную седину в волосах - безжалостные отметины времени - чтобы убить тоску в сердце.

Миша снова хвастался медалью чемпиона города по лыжному марафону, это, похоже, была его самая трудная победа в жизни.

Свадьба летела на крыльях любви и спотыкалась о колючки ненависти, через которые приходилось пробираться, раздирая в клочья уцелевшую часть души, расцарапывая ее в кровь, но ослепительное белое платье и бесшабашная улыбка маскировали все. Жених, как наседка, прячущая под крылом цыплят, прятал свою любимую от недобрых взглядов, поворачивая ее к себе. Тогда она видела только его глаза, обещающие:

- Все будет хорошо, все хорошо.

Людмила Даниловна слушала нервное дыхание свадьбы и думала:

- Какая красивая песня может еще сложиться у молодых!

Я видела его

Семилетняя Алиса сидела в беседке пионерского лагеря "Гайдар" и больше не плакала, что толку плакать, ведь никто не видит. Родители привезли ее сюда вчера, а сегодня такой день! Такой день! Как все неправильно устроено. Она мыла полы в своей комнате, потом все цветы побрызгала, набирала в рот воды и брызгала, а листочки протерла тряпочкой. Правда, они немного поломались, но она же не нарочно это сделала. И полы мама зря перемыла, можно было коврик постелить, никто не заметил бы, что она нечаянно гуашь пролила, когда с братиком рисовала картинку для такого дня. Как все неправильно! Братик дома остался, ему хорошо, а ее в лагерь отправили. Братик еще маленький, ему только три года, лучше бы его к другой бабушке отвезли, а ей разрешили хоть одним глазком взглянуть. Она понимает, конечно, что квартира у них маленькая, всем места не хватит, но она могла бы и не спать, что тут такого особенного. Вчера на тихом часу она совсем не хотела спать.

Девочка тяжело вздохнула.

Жалко, что Тома шоколадку на всех не стала делить. На день рождения ей одна тетенька в очках принесла шоколадку с Аленушкой на обертке. Все ждали, что Томка поделится. А она положила ее на шкаф и забыла. Только Алиса знает, что Тома - жадина-говядина, совсем она не забыла про шоколадку, а просто ждала, когда все гости уйдут, чтобы одной скушать. Папа говорит, что скоро шоколадки будут в магазинах продаваться.

Там еще были круглые разноцветные конфеты в вазе, их можно было есть сколько угодно. Когда она вырастет, у нее тоже будет такая красивая ваза на ножке, а там конфеты разные, как раньше. У нее уже есть шкатулочка из голубого стекла. Мама туда складывала пуговицы, а Алиса попросила больше не складывать туда пуговицы, потому что

шкатулка может сломаться. Что тогда будет Алиса делать, когда поженится? Куда она будет складывать пуговицы?

Что делать? Сегодня такой день, она ничего не увидит. Папа сказал, что он будет у них ночевать. Алиса так старалась! Все игрушки в ящики сложила, даже те, которые братик разбросал. Это совсем неправильно.

Девочка сползла с высокой скамьи беседки, обошла ее и пошла к дороге через лес. Дежурные у ворот ее не заметили.

Вдоль главной улицы стояли все жители города. Алиса не стала заходить домой, попыталась протиснуться вперед. Успела, хорошо, что успела. Долго шла. Горн на обед звал, когда она к дороге подошла. А сейчас уже немножко темно.

Протиснулась вперед. Сзади ее толкали больно, а впереди злой милиционер всех толкал. Алиса еле выбралась назад и помчалась домой.

Бабушка сказала: "Господи! Убежала?". Алиса быстро схватила со стола два куска хлеба и побежала к двери. "Куда ты, стой! - крикнула бабушка. - Вот наказание". Но девочка уже успела закрыть дверь, напоследок услышав, как заплакал братик.

На площади она не стала пробираться сквозь толпу, обежала вокруг памятника Ленину и встала впереди всех. Милиционер хотел ее поймать, но в это время толпа зашевелилась со словами: "Едет!".

Алиса вытянула шею, но пока не было ничего видно.

- Хрущев! Хрущев! - гудела толпа, сильно засуетились милиционеры. Вдали показались машины. Потом стало тихо. Машины ехали медленно, их было не сосчитать. Алиса видела, как бросают цветы. Она не знала, что надо с цветами приходиться, а то нарвала бы на клумбе около лагерного флага. Ой, приближается, приближается! Девочка жадно всматривалась в подъезжающие машины, вдруг кто-то сказал:

- Вон он, во второй машине!

И она увидела его! В плясе! За закрытым стеклом машины!

Но тут что-то случилось, все зашевелились, и толпа, сметая милиционеров, ринулась за машинами.

Алиса упала, больно ударившись об асфальт коленом. Кто-то наступил на нее. Она кричала, но ее никто не слышал, даже она сама. Какой-то дядя поднял ее за шкирку и поставил. Толпа раскачивалась и гудела, потом все громче и дружнее начала глухим хором сканировать: "Хле-ба-хле-ба-хле-ба-хле-ба!"...

Отец пришел утром черный, тяжело опустился на кухонную табуретку в маленькой "хрущевке".

- Он за двадцать минут провел совещание, ни на банкет не остался, ни в гостиницу не поехал. Уехал задом через парк в Татарию. Всю ночь нас чихвостили и в хвост и в гриву, - говорил он жене. А мы так готовились! Так готовились!

Удача

Мужик лежал на диване и страдал. Страдал он самозабвенно, глубоко и трагично, изредка прикладываясь к бутылочке водки, сочно закусывая хрустящим огурцом с пунырышками.

Кроме огурцов и водки, в доме ничего не было, даже соли, даже заплесневелого кусочка хлеба. Холодильник сверкал девственной чистотой, а кот вопил противным скрипучим баском, в черных глазах его горела ненависть и желание съесть.

Рука перевернула страницу детектива, кот мертвой хваткой вцепился в этот волосатый кусок мяса.

- Брысь, собака, - зарычал мужик, деловито осмотрел руку, шелкнул несчастного кота по носу. Потом перевернулся на бок и стал изучать узор на обоях: "Денег нет. Достать их негде", - мужик обсасывал эту фразу со всех сторон, как мозговую косточку, тяжело вздыхал, проклиная свою жену, которая бросила его и уехала.

Вскоре в его глазах появилось мечтательное выражение. Он увидел выход - купить лотерею и выиграть. На этом успокоился, зевнул, блаженно вытянул ноги и затих. Громко жужжала муха, тщетно пытаясь пробиться сквозь стекло. Раздавался мерный храп.

Кот обиженно свернулся в клубок и уснул. Ему снился большой кусок мяса, который чирикал и норвил убежать. Во сне у кота нервно подрагивали лапки.

Говорят, мужик действительно выиграл квартиру, машину и новую жену в целлофановой упаковке, с гарантией качества и маленькой биркой на пухлой руке "Бесценная".

Странная история

Ирка в пятом классе прочитала в журнале про гермафродитов:

- Первый признак - у них на ногах начинают расти волосы.

Люся посмотрела на свои загорелые ноги с разбитой правой коленкой, с ужасом обнаружила лёгкий пушок:

- Ой, что же теперь будет?

Ирка разглядела под носом волосок, с тоской поняла, что беда пришла и к ней.

Девочки папиной электробритвой "Харьков" побрили ноги, повели жужжащей машинкой под носом, удовлетворились результатом и стали собираться на берег озера, где сегодня ожидался праздник в честь дня города. Солнце с утра радовало теплом и радужным светом, рассыпанным по мокрым листьям, асфальту, крышам домов.

На берегу озера кучками сидели горожане, уютно расположившись на принесенных одеялах. Одни уже приступили к трапезе с водкой, килькой в томатном соусе, где-то дружно под баян орала на разные голоса "Ой, мороз, мороз...", толстая тетка держала малыша над водой, который с визгом колотил ножками по поверхности озера, поднимая веер брызг.

Ирка продолжала свой жуткий рассказ:

- У них волосатое тело, женские груди... - вдруг она застряла на полуслове, её зрачки расширились, увидев что-то невероятное за Люсиной спиной.

- Не делай резких движений, - произнесла она тихо, - медленно поворачивайся. Там идет гермафродит.

Люся торопливо обернулась. По пляжу шёл кругленький улыбающийся мужчина в мокрых плавках. Люся заморожено стала разглядывать солидный живот идущего человека, обвислые груди, его неспортивную фигуру, волосатые ноги.

Потом, заикаясь, по слогам прошептала:

- Эт-то мой п-п-папа.

Без меня тебе, любимый мой...

У Лолы муж паразит и мерзкий тип, потому что он её бросил. У него неуравновешенная психика, несносный характер. Было бы неплохо, если бы он совсем не родился на свет, тогда он точно не бросил бы Лолу.

Диана поставила бутылку водки на стол.

- Выпьем?

- Выпьем, - ответила несчастная, размазывая косметику по лицу, шумно сморкаясь в клетчатый носовой платок. Судорожными большими глотками выпила колючую жидкость из граненого стакана. В животе загорелся уголек, стало легче дышать. Лола сказала:

- Споём?

- Споём, - ответила подруга. У Дианы чистый светлый голос, хорошо поставленный в консерватории. Женщины дружно запели:

- Без меня тебе, любимый мой, земля мала, как остров...

Лоле казалось, что стройно, замечательно получается.

- Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом...

- Когда ты первый раз попробовала водку? - вдруг спросила Диана.

- Я не попробовала, я сразу до потери сознания напилась, - сквозь слёзы Лола улыбнулась. - Мне лет шестнадцать было. Приехали друзья из училища искусств: Вера с художниками Стрелковыми и гипнотизёром Джоном. Я тогда была зелёной, никого, кроме одноклассников, не видела, поэтому при настоящих художниках затрепетала, как флаг на горсовете. Они налили четверть стакана водки, посоветовали запить водой, что я незамедлительно сделала из уважения к друзьям моих друзей. Позже, помнится, я кукарекала под столом, а следующее воспоминание связано с мамой и "скорой помощью". Совершенно трезвые, перепуганные

подруги держали меня за руки и клялись маме, что они тут ни при чём, что водку я нечаянно запила водкой.

- Знаю, милый, знаю, что с тобой... - задумчиво пели женщины, сидя за круглым столом в столовой под сенью лиан, расплзшихся вдоль нитей, старательно протянутых под потолком Лолиными умелыми руками.

- Я тоже как-то шампанским отравилась, брат принес ящик со своего завода со словами: "Особо не увлекайтесь, мне разрешено только сорок процентов товара в наших краях продавать".

- Я особо не увлеклась, выпив фужера три, уснула, а ближе к утру слышу: "Бу-бу-бу...Лежу на шоссе в красном пальто, дверца "рафика" настежь...". Какое красное пальто? С вечера маленькая племянница в зале фотографии разглядывала, брат с мужем в кухне в нарды играли за бутылочкой. Пальто какое-то красное. Думаю, конец, крыша поехала. Слышу: "Бу-бу-бу...Лежу в красном пальто на шоссе..."

Голова цементная.

Выползаю на кухню по дорожке из фотографий, выложенной моей драгоценной Кристиной, попутно гляжу на часы - четверть пятого. За столом моя половинка и Зарема уютно расположились за бутылочкой. Подружка обрадовалась моему появлению, опять начала свой рассказ о том, как ночью в аварию попала, вылетев через лобовое стекло "рафика". Лежала на шоссе в новом красном пальто за двести рублей, пока её не доставили в больницу около моего дома. Она сгоряча оттуда сбежала. Потом она ещё раз двадцать повторила свой рассказ о красном пальто, которое грязной тряпкой висело в прихожей на вешалке; почему-то ссадины на её щеке и ладонях мало беспокоили артистическую душу моей подруги, хотя вечером ей предстояло выйти на сцену.

- Без меня тебе, любимый мой... - вновь затянули женщины.

- Мама мне говорит: "Ты, когда посуду моешь, или пойдешь, или гремишь крышками от кастрюль. Вместе эти звуки невыносимы, так как по отдельности они просто невыносимы, как зубная боль". Но сегодня я хорошо пою, правда, Диана? - спросила Лола с робкой улыбкой.

- У нас просто здорово получается, - кивнула головой добрая подруга, подхватив вилкой скользкий грибок из плоской тарелки.

- ...Лететь с одним крылом... - дружно продолжили женщины, размахивая руками. Грибок соскочил с вилки, колобком укатившись за диванчик.

- Зубная боль - это страшная штука, - задумчиво проговорила Лола, наткнувшись взглядом на часть слова "стомат..." за окном. Поликлиника утопала в сирени, но радостных ассоциаций не вызывала. Может, Вовика не устраивал вид из окна? - Мой сосед, татарин, едва не помер из-за зубной боли, подавившись салом.

- Салом? - Диана наколола второй грибок точным ударом вилки, осторожно поднесла ко рту.

- Да, салом. Он положил кусочек на зуб, ткнул водки, укутался шалью, прежде чем завалиться на диван. Он все перепробовал - чесноком у большого пальца тер, таблетки пил, травы заваривал - всё в дело пустил, только толку никакого. Он же татарин, сало для него, что таракан. Уснул в тепле, конечно, да подавился. Еле откачали, - смеясь, Лола нетвердым шагом подошла к шкафу, заменила стаканы изящными хрустальными рюмками, неровным движением смахнув одну на ковер. Та покатилась до голубого орнамента в центре круга и застыла, не разбившись. Женщины молча наблюдали за передвижением стойкой посуды, налили в новые рюмки "Столичной", оставив в покое путешественницу.

- Это что! - продолжила Диана. - Я однажды пригласила декана к себе. Мужик временно холостой - шоколадка. Накрыла стол маминой вышитой скатертью, серебряные

приборы поставила, кольца для салфеток, даже розетки для варенья поставила. Сели мы с ним за стол, свечку зажгли, а тут по стене таракан ползет. Я от стыда сама подавилась, едва концы не отдала.

Помолчали, задумавшись каждая о чем-то своем, потом выпили еще по стопочке.

- Потерял покой ты, потерял... - одновременно, почему-то не очень дружно, запели молодые женщины и рассмеялись.

- Хорошо, что про розетки напомнила. Я тебе сейчас одну историю расскажу, - сказала Лола, похоже, забывшая про Вовку-паразита, который утром собрал чемодан с коллекцией пустых бутылок необычных форм и переехал в свою художественную мастерскую. - Помнишь Валину сестру Наташу? Так вот, Миша у нее варенье не стал есть, якобы сладкое не любит. Потом пригласил ее к себе в гости, разложил джем в розетки, почти полную банку один слопал. Одним словом, богема, сынок двух профессоров, может есть варенье только из розеток. Наташа боялась, что он после этого на ней не женится, но все обошлось, поженились. Поженились, - почему-то с легким недоумением повторила Лола, - сыночек у них в январе родился.

- Слушай, - Диана встрепенулась, - что я тебе про сыночка расскажу! На днях после школы вбегает домой и с порога кричит: "Мама, мама! Учительница сказала, что завтра во всех первых классах будут учить проститутки!"

- Какие проститутки? - меня аж оторопь взяла, я блины пекла в это время, так один мимо сковороды кувыркнулся. Бросила все, побежала к учительнице. "Что, - спрашиваю, - за безобразие такое, какие проститутки?" У бедной учительницы нервный тик начался, зеленая стала, что твой огурец. Говорит, что завтра практикантки из института будут уроки вести.

Диана налила по стопочке, бутылка от смеха раскачивалась, и водка норовила вылиться на скатерть.

- Да, - со смехом сказала Лола, - это слово дети с пелёнок знают, даже страшно телевизор включать, что только не покажут. Эх, цензуры советской на них нет.

Выпили, Лола закусила огурцом и стала размахивать пустой вилкой, как дирижерской палочкой.

- Без меня тебе, любимый мой... - грянул дуэт дружно.

- Представь себе, а у моего Тарасика велосипед украли, - начала очередную рассказ Лола. - Я по глупости заявление в опорный пункт милиции отнесла, благо, далеко ходить не нужно, в соседний подъезд.

В час ночи ко мне домой оперативник Садыков пришёл, составил протокол. Только его проводила, опять в дверь звонят. Из-за двери:

- Хозяйка, укройте в туалете, собака след преступника будет брать.

Сын вышел на балкон, я посидела на унитазе, пока милиция не ушла, удивляясь их прыжки. Видать, устали от безделья, коль тяжёлую артиллерию пустили в ход из-за ерунды.

Только всё успокоилось, мы по постелькам разбрелись, опять звонок в дверь. Пришла дама-милиционер и сообщила, что собака пошла по следу, нашла Садыкова и изрядно того покусала, бедолага в больницу угодил. Я ему хотела потом передачу отнести, да постеснялась. Велосипед нашёлся, его кто-то тихо возле моей двери в тупике поставил.

- Ты знаешь, что в Уфе есть Тупик Свободы в Черниковке? Задорнову надо бы об этом написать, - сказала Диана.

- Тупик Свободы - это ерунда, - хмыкнула Лола, - у нас на истфаке Лазарь Шмулензон учился. В Израиль собрался на свободу, пошёл в ОВИР, да попал в тупик. "Пишите, - говорит, - в паспорте иудей". А ему написали "индей". Его кондрашка едва нехватила, когда он паспорт получил. Снова сдал паспорт, деньги хорошие заплатил, чтобы ему все по-человечески сделали. Что ты думаешь? Сделали, конечно. Написали "индейский еврей".

От безудержного смеха дамы похрюкивали.

Давясь смехом, вытирая краем скатерти выступившие слёзы, Диана подхватила эстафету:

- В Салавате один предприниматель по фамилии Вагин открыл для своей жены магазин продуктовый, который она назвала своей фамилией "Вагина". Какие там продукты - пустые прилавки, всё сметали за день. Народ валом валил из любопытства, что могут продавать в магазине с таким названием.

- Да им бы лучше секс-шоп открыть, как на Западе. Так вот, про Задорнова. Он одну историю рассказывает, которая в Октябрьском произошла. Видать, кто-то послал ему привет, - Лола принесла из зала альбом с фотографиями.

- Помнишь Васю, деверя моего? У него друг в автосервисе работает, с ним-то беда и случилась. Как-то с друзьями в Новый год он хорошо заложил за воротник да увел жену шефа в свой гараж, который под Туркменской горой стоит. В гараже он с дамой сердца продолжил праздник, но горячего не хватило. Он говорит ей:

- Погоди немного, милая, я мигом ещё принесу. Пошел. Дорога до магазина неблизкая, поэтому он забыл, куда и за чем шёл. Точнее, за чем шёл - не забыл, купил бутылочку и к друзьям.

Дама сердца в гараже томится. День томится, второй. Всю воду, какую нашла, выпила, поплясала от холода, потом наткнулась на дрель да за работу принялась. Сколько она дыр в машине просверлила без перерыва на обед и ужин! Не машина, а решето.

Третьего числа тревогу объявили, жена шефа как в воду канула. Тридцать первого вроде бы была, а второго числа муж её под боком не обнаружил, чему очень удивился.

Тут наш непутевый любовник как хлопнет себя по лбу, всё вспомнил. Побежал в гараж. А дама шибко осерчала, он только дверь открыл, она ему монтировкой по лбу.

Дамы дружно расхохотались. Лола встала, уронила стул

и, покачнувшись, рухнула на колени подруги. Та подхватила ее, помогла встать. Женщины стояли, обнявшись, продолжая смеяться.

- Монтировкой, говоришь, - Диана оторвалась от подруги, посадила ее на другой стул и ещё плеснула в стопочки. - У Стаса квартиру обворовали при помощи монтировки. Он решетки поставил, сигнализацию, замки навороченные, а они монтировкой у соседки-старушки замок скинули, из кухни в квартиру Стаса дыру пробили. Хорошо почистили, всю технику унесли. Бабке в холодильнике коньяк, деньги на ремонт и записку оставили: "Так жить нельзя".

- Ты покинул берег свой родной, но к другому так и не пристал, - тихо пели женщины за столом.

- Все мужики мерзавцы, - изрекла Лола, вспомнив мужа, коротко всхлипнула, сочно захрустела редиской.

- Враги, - поддержала Диана, - я одного знаю - от горшка два вершка, но холостой. Физкультуру ведёт. Мы ему Тамару сватаем, она видная такая, а этот гномик говорит:

- У неё пятки грязные.

- Когда он её пятки увидел? - Лола с удивлением разглядывает свои розовые пятки.

- Летом, наверное, Тома в сабо ходила.

- Гад. Все они мерзавцы, норвят пнуть, если не достанут, так на табурет встанут.

- И не говори. У моего тараканы в голове завелись, каждый вечер с телевизором ругается, а выключишь - со мной.

- Пусть лучше уж тараканы в голове, чем скелет в шкафу. Как же я теперь одна? - Лола опрокинула стопку, словно настоящий профессионал.

- Ты анекдот про грузина помнишь? Который на кладбище плясал?

Пузырек блестел прозрачной чистотой. Душа пела, дамы, дружно притопывая, орали:

- Одын, одын, совсем одын...

По батарее стучали.

- Тише, Лолка, соседей разбудишь, - Диана ладонкой пытается прикрыть рот подружке, та разбирает смех и икота.

Наконец она немного успокаивается.

- Дин, хочешь, почитаю, что мои дети в сочинениях пишут?

Не дожидаясь ответа, достаёт тетрадку.

- "Мастер сматерил полку". Или вот ещё: "Я люблю играть на сексофоне".

- Отлично?

- Отлично!

- "Столичной"?

- "Столичной".

И вновь:

- ...И мы ещё споём...

За окном тихо подкрадывался ветреный день, который ожидал от женщин серьёзных поступков и солидного поведения.

Тетушка Люба

Когда муж вез тетушку Любу к нам в гости, едва в аварию не попал от смеха, потому что она по дороге рассказывала о своем последнем путешествии.

Тетушка - великая путешественница, благо пенсионерские льготы позволяют ей разъезжать с одного конца страны до другого бесплатно. Поэтому она благополучно доехала до Бреста, где друзья встретили ее и повезли в свой большой дом в Германии. Все складывалось замечательно до тех пор, пока доброй хозяйке не пришла в голову мысль показать Любушке Париж.

Друзья купили тур во Францию, посадили подругу в автобус и отправили в простую предсказуемую экскурсию, не подозревая, во что это выльется. По дороге пожилая женщина подружилась с милой семейной парой из Чимкента, с которой потом пошла гулять по Парижу. При выходе из автобуса водитель на немецком языке предупредил, что встречаются в пять часов у "Мулен Руж". Любушка поняла, что в пять у "Мулен Руж".

Молодые ходили по магазинам, кафе. Тетушка от них не отставала, с удовольствием принимая угощение от своих неожиданных друзей, - на российскую пенсию в иностранных пищеблоках не разбежишься. Накинула на плечи озябшей беременной попутчице свою теплую кофту, а в большом магазине они друг друга потеряли. Муж, слушая Любушку, со смехом предположил, что это тетушка их потеряла, а не они ее, на что родственница посоветовала ему сначала до пенсии дожить, а потом на пенсию попробовать пожить. Сердилась она недолго, а потом продолжила свой рассказ.

Особо расстраиваться причин у нее не было, потерялись - не велика беда, в автобусе найдутся, она одна может спокойно погулять, не заблудится. Любушка очень неплохо провела время до пяти часов, гуляя по чужому теплему

городу. За пятнадцать минут до назначенного срока она никого у "Мулен Руж" не обнаружила. Тетушка немного подождала, озираясь по сторонам. Потом еще немного побродила в одиночестве, начиная беспокоиться, потом ещё чуть-чуть подождала, взглядываясь в лица прохожих - не мелькнет ли знакомое лицо. Еще подождала, еще, уже заметно тревожась. В семь стало ясно, что никто не подъедет за Любушкой, чему она очень удивилась. И опечалилась.

Похолодало. Тут тетушка вспомнила, что кофту она отдала. А ещё вспомнила, что в кармане кофты остались адрес друзей, носовой платок, кое-какие деньги и паспорт. Тут уже стало совсем грустно.

Тетушка села на ступеньки и заплакала. Прохожие парижане видят: сидит у "Мулен Руж" симпатичная аккуратная старушка и горько плачет, на вопросы ответить не может, размахивает руками и что-то говорит на иностранном языке. Пожалели они ее и покидали разные монетки. Любушка быстро высушила слезы, собрала деньги и пошла покупать билет в Германию.

Поезд скоренько шел в нужном направлении, тетушка заметно оживилась. При первой же немецкой фразе на очередной станции она поспешила собраться и выскочить, но учитывая пенсионный возраст, с чем тесно связывается почему-то черепаший темп, она вышла только на следующей станции, которая, к ее великому изумлению, была французской.

Стояла благодатная летняя ночь. Тетушка стояла на одинокой станции в чужой стране без документов, без денег, теплой кофты, с пустым желудком и без единой дельной мысли в голове. Было достаточно поводов для огорчения.

"Где наше не пропадало.", - сказала сама себе храбрая тетушка и пошла в полицию.

Дальше хлопотная суета жизни, в результате которой ее препроводили до дома друзей, где выяснились очень интересные детали.

Во-первых, встреча в пять предполагалась с обратной стороны "Мулен Руж", о чем водитель на чисто немецком языке предупредил всех пассажиров.

Во-вторых, дорога из Франции в Германию проходит весьма любопытным маршрутом: Франция, кусочек Германии, опять Франция. На этот кусочек попыталась попасть тетушка, предполагая, что уже приехала, но проскочила.

Третье и самое интересное открытие тетушка сделала в самом конце бурной беседы - никто не знал координат чимкентской пары, у которой находилась Любушкина кофта, в турбюро только разводили руками. Бог с ней, с кофтой, ей уже другую подарили, но паспорт! Как с паспортом быть, тетушка же не кот Матроскин?!

Звонили в посольство, озадачив сотрудников, которым пришлось звонить в Чимкент. Через некоторое время картина немного прояснилась, создав еще больше вопросов: молодожены успели уехать на Родину, прихватив злополучную кофту.

Больше месяца Любушка ждала документ, ежедневно рыдая на плече доброй подруги, муж которой все чаще стал задерживаться на работе - в доме повисло напряженное ожидание.

Все в конце концов закончилось благополучно, тетушка покинула радушных друзей и отбыла домой.

Говорят, Любушка в этом году в Америку к друзьям собирается.

История кота Юрасика

- Белый, красивый, злой, - сказал вьетнамец, показывая на нашего кота коричневым пальцем.

Вьетнамца зовут Тхоньг, он гордится, что научился говорить по-русски.

Мама закрывает большую книгу с картинками, говорит, что урок окончен. Наша мама учительница, она хочет заработать шубу. Мы с Женькой тихо сидим на диване, ждем, откуда вьетнамец будет ее доставать, но он ничего не достает, уходит до следующего четверга.

Кот начинает громко мурчать, тянет маму на кухню. Мы тоже бежим на кухню, чтобы посмотреть, как Юрасик лижет холодильник. Он лижет холодильник розовым язычком, просит "Вискас", подлизывается. "Ките кат" он ест с презрением, кривит мордочку и не уважает нас.

Мы с Женькой пробовали "Ките кат" - противно. Брат сказал, что кот у нас не дурак есть такую гадость, он сказал, что лучше быть полицейской собакой, чем котом. Собаку точно "Ките катом" не кормят.

Сегодня мама дала Юрасику "Вискас". Он припал к своей миске, шерстка на спинке подрагивает, пушистый хвост занимает половину кухни.

- Лопай, лопай, бродяга, - говорит Женька, но кот на него не обращает внимания. Он любит нашу маму, думает, что она - его мама. Но он, может, не Юрасик вовсе!

Летом мама уехала на курсы повышения квалификации, а кот выпрыгнул с балкона. Мы его искали целую неделю. Перед маминым отъездом папа сказал, что кота выкинет, потому что ему хватит двух архаровцев. Но кота он тоже искал, у соседки тети Оли он искал кота до вечера. Юрасик пропал. Мы думали, что он поехал за мамой.

Мама приехала и сказала, что дом без нее рухнет.

Я посмотрел на стены: дом как дом, только обои в коридоре немного отклеились.

Потом мама написала объявление: "Пропал белый пушистый кот. Просим помочь отыскать за вознаграждение".

Две девочки принесли нам кота за вознаграждение шоколадками. Он сильно похудел, был ужасно грязный, испуганный, нос красный, мордочка в царапинах.

Он долго лакал воду из крана, совсем не царапался, когда мы его стирали в тазу, сушили феном. Потом маме пришлось постирать нас с Женькой.

После путешествия Юрасик стал тихим, перестал приносить маме бигуди, зато научился лизать холодильник. Он хорошо кушал и быстро поправился.

А недавно папа с мамой ходили в театр, у дома встретили еще одного Юрасика.

- Почему кота на балконе оставил? - спросила мама. - Опять выскочил, придется его домой отнести, а возвращаться - плохая примета.

- Какой ты чумазый, - сказал папа, поднимая кота на руки. - Где вымазаться успел?

Кот молчал.

- Он совсем легкий! - удивился папа. - Нет, это определенно не наш кот. Наш похож на поросенка.

- Может, не наш, - ответила мама задумчиво, и вдруг ее осенило:

- Может, этот наш, а тот, который дома сидит, не наш. Давай этого усыновим, жаль животное.

- Нет, или я, или второй кот, - сказал папа командирским тоном. Он знал, что мама выберет его.

Когда они вернулись из театра, чумазого кота возле дома не нашли.

Мима жалеет, что не взяла второго Юрасика, хорошо было бы, у каждого свой кот.

Только Женька хочет собаку.

Однажды маму вызвали в школу на замену. Она торопится домой и увидев, склеив, что скоро вернется. Велела

мне поглядывать за тестом. Если сильно поднимется, надо помыть руки, потом примять тесто ладошками.

Когда дверь за мамой закрылась, Женька стал надевать на кошачью мордочку авоську.

- Ты полицейская собака, - сказал он. Коту не хотелось играть в полицейскую собаку, поэтому он тянул Женьку за палец. Оба громко завопили, мне пришлось закрыть кота в шкафу.

Я пошел на кухню, тесто сидело тихо, как партизан.

Мы стали играть в войнушку. Женька был Терминатором, но ему не понравилось, что я все время попадаю в него пулями, поэтому мы стали играть в прятки. Женька наступил в шкаф на кота. Опять оба громко заорали, кот со страху выскочил, пробежал по ковру, который на стене висел, сорвал тюль с окна, потом спрятался под ванну.

Мы хотели его оттуда достать, но он забился в самый угол. Зато мы нашли клизму, сделали из нее водяной пистолет и стали играть в звездные войны. Я поднял Женьку на космический корабль, вдруг вспомнил про тесто, побежал на кухню. Тесто почему-то вывалилось из кастрюльки. Я примял руками, лишнее отнес коту под ванну. Потом помыл руки.

Когда я вернулся в зал, Женька сидел высоко на шкафу и ныл, что он мокрый весь, ему холодно, он все маме расскажет. Тогда я дал ему свой фонарик, который все равно не работал. Я хотел дать ему в лоб, но отдал фонарик, потому что Женька сидел высоко, не хотел слезать. Мне было жаль отдавать фонарик, пусть даже он не работал. Я разозлился и пошел играть во двор к ребятам. Тут мне крупно не повезло - во дворе совсем никого не было. Только Юля с Ленкой под деревом секретик закапывали. Старый секретик я раскопал позавчера, под стеклом лежал кусочек битой фарфоровой чашки, фантик от конфеты "Мишка на севере" и радужное перышко. Скукотища. Девчонки - глупый народ, что с них возьмешь.

Верочка играет в классики с Томой, Иришка стоит возле них с совком и розовым ведерком.

Я понял, что вечер сегодня пропал, и пошел домой.

Женька сладко спал на шкафу, положив голову и фонарик на гостевую подушку.

Вечером мама напекла пирожков с повидлом, мы сели у телевизора пить чай, а Юрасик стал громко мяукать. Я дал ему кусочек пирожка, но кот не ел, а плакал и плакал.

Он всю ночь плакал, не давая нам спать. Утром мы посадили его в корзину с крышкой, пошли к ветеринару, который раньше в нашем доме сантехником работал. Дядя Коля все время улыбался и качался. Взял у мамы деньги и сказал, что кот сильно болен, у него опухоль в животе, надо его усыпить. Мы с Женькой заплакали, мама посадила кота в корзину, не дослушав ветеринара, потом мы пошли домой.

В комнате у кошачьего домика мы положили рыбку, кусочек мяса, налили в блюдечко молоко.

Кот ничего не ел, мяукал жалобно, терся мордочкой о наши ноги. Мы жалели-жалели его, потом пошли ужинать. Когда пришли к Юрасику снова, около него лежал маленький слепой котенок.

- Мама, смотри, мышка! - закричал Женька.

Прибежала мама, тоже закричала:

- Боря, скорее! Наш кот котенка родил!

Пришел папа.

- Олүхи! Это же кошка, а не кот! - он очень удивился.

Мы сидели возле домика со снятой крышей, во все глаза смотрели на котенка.

Мама закрыла крышу и прогнала нас на улицу. Гулять совсем не хотелось, мы быстро вернулись домой. Возле Юрасика лежали уже два котенка, один черненький с беленькой грудкой, другой беленький.

Папа вспомнил, что обещал нас в зоопарк свозить, посадил в машину и увез, хотя нам было гораздо интереснее смотреть на наших котят, чем на львов и павлинов.

Вернулись мы поздно. Юрасик сидел с высунутым языком возле шестерых котят, быстро-быстро дышал.

Мама сказала, что кошке имя Юрасик не подходит. Дала ей теплое молоко.

Какие же забавные были котята, крохотные, с закрытыми глазками!

- Значит, тот бедолага, которого мы на улице встретили, был Юрасик, а эта принцесса - неизвестно кто. Попезло ей. Ах, как жаль, что мы не забрали его тогда, - мама сильно огорчилась.

- Да, счастье было бы великое, дома иметь восемь кисок, - сказал папа, - да нас четверо. Прямо китайский табор!

Что такое китайский табор, мы не совсем поняли. Наверное, это когда много кошек.

Через две недели котята открыли глазки, через месяц стали пушистыми комочками кататься по нашей маленькой квартире. А когда им исполнилось два месяца, мама надела большую шляпу, темные очки и пошла на птичий рынок.

Вернулась с пустой корзиной после обеда.

- Я кричала: "Кому свежие котята по одной копейке за хвост!" Всех пристроила, - радовалась мама.

Мы с Женькой не стали ужинать, было скучно без наших милых кисок.

Юраше мама сшила красный жилет в белый горошек, с липучками на спине. Только так разрешила брать с собой на улицу.

Но киска оказалась очень хитрой, сбежала от Женьки, когда он на качелях качался. Опять пропала.

В этот раз нам не пришлось ее долго искать, дядя Саша принес грязную кошку, завернутую в красную жилетку.

- С вашей кошкой можно с ума сойти, - сказал он. - Смотрю: кто-то красный по забору крадет. Думал, галлюцинация. Спрыгнуло это чудо на землю, тут мой кот

Семен подбегает, зубами разрывает жилетку. В сумерках я сначала не понял, что это ваша кошка. Принимайте свое сокровище.

Однажды мама решила отправить сестре посылку, купила сырокопченую колбасу и повесила ее на балконе подсушиться. Сидим мы, рисуем, родители в кухне пьют чай вместе с тетей Лизой.

Мама пошла на балкон, вдруг закричала:

- Мальчики, идите скорее сюда!

Мы прибежали. Тетя Лиза с папой тоже прибежали. Все застряли у балконной двери с открытыми ртами.

Кошка висела на колбасе, вцепившись когтями, раскачивалась и продолжала есть. На нас она не обращала внимания.

- Вот это нахальство! - воскликнула мама.

- Вот это наглость, - сказали мы с Женькой.

- Ну и дела! - удивился папа.

- Это еще что, - сказала тетя Лиза, у которой дома живут пять кошек и собака. - У меня кошки еще нахальнее. Я два килограмма сосисок купила, забыла в холодильник убрать. Сажу с учеником, "Бабушкины воспоминания" разучиваю. Прибегает моя старая кошка Муза, говорит: "Мяу, пошли на кухню". Я ей: "Брысь, не мешай!" Она снова прибегает, фортепьяно царапает. Я ее опять прогнала. Тут она в третий раз меня трогает лапками, на чисто кошачьем языке говорит: "Мяу, иди на кухню, там другие кошки все сосиски съели".

- Да, умные животные, - сказал папа.

- Куда уж умнее, мне теперь кошку придется в посылку положить, колбаса-то внутри нее, - решила мама.

- Кошек всех я наказала, Музе сосиску дала, - продолжила свой рассказ тетя Лиза.

Взрослые пошли допивать чай, вспоминая разные истории про разных кошек.

Наша наелась, скрынула с колбасы и пошла мимо нас в комнагу с независимым видом. От удивления ее забыли наказать.

С тех пор прошло много лет. Женька стал толстым и важным доктором, у него есть лохматая добродушная собака породы двортерьер. Наша бедная Юраша пропала при многочисленных переездах, мы вспоминаем о ней с грустью.

Территория

По всем параметрам территория подходила, оставалось только выяснить военную мощь противника перед захватом, рассчитать предстоящие потери и свои ресурсы. Живые существа невероятных форм, размеров, цветов кишмя кишели на выбранном участке, но поймать мысль пока не удавалось.

- Господи! Когда же наконец закончатся мои мучения! Сегодня опять это злобное существо пихало мне в рот какую-то гадость. Я понимаю: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, но всему есть предел. Одно дело, когда в рот суют толстую резину с дырой, оттуда хоть съедобное льется. А тут что-то коричневое, липкое в шуршащей обертке.

Спрятался я в ароматной постели, думал, что пару часиков вздремну, так тут такой кошмар приключился! Сбоку опустилась прозрачная плита, отовсюду вода полилась, все гудит и трясется, меня наизнанку выворачивает. Думал: конец, но нет, вынули, чтобы продолжить истязания. В смирительную рубашку намертво закутали, рукава за спиной завязали, а к носу горячий ветер поднесли. Словно я сумасшедший! Потом этот гладкий урод толстыми щупальцами начал напяливать на меня шлем, выдергивая волосы.

А если бы мы их так? Да куда нам! Вон их сколько! Великаны лысые, злобные, вонючие, да они одним ударом расплющат - одно мокрое место останется. И постоянно воду льют на себя из пузырька, задохнуться можно - такая гадость!

- Есть! Заприте, есть! Поймали мысль! Попробуем поймать изображение.

- Намедни мне тварь неразумную за хвост приволокли,

перед носом трясут, а это существо пищит, брыкается. Жить хочет. Не живодер же я, мне хватает того, что в большом белом ящике каждый день крутится. Я лягу сверху и жду, когда дзинькнет. Тогда эти большие твари открывают ящик, вынимают еду. Может, они что-то соображают, ведь понимают, что раз дзинькнуло - надо вынуть, такой у них условный рефлекс выработался. Чирикают целые дни, редко замолкают, только когда другой ящик чирикать начинает.

- Есть! Есть изображение! - крикнул один из членов экипажа, остальные прилипли взглядами к экрану, затаив дыхание. В большом ящике на колесиках и с ручкой, в необыкновенном шлеме, комбинезоне с разноцветными картинками лежал их соотечественник и сосал соску.

- Невероятно! - воскликнул командир экипажа, задумчиво почесав за ухом пушистой лапой. - Выходит, что легенды о первых переселенцах имеют твердую почву под собой, - потом повернулся к команде корабля и торжественно произнес. - Перед вами, уважаемые коллеги, важное доказательство. Думаю, стоит рискнуть. Каково мнение остальных, выясним путем голосования. Кто "за" - поднимите хвосты.

Поздно ночью высадился десант добровольцев. Летящая тарелка с потушенными огнями скользнула ввысь никем не замеченная.

- Оля, хватит мучить кота, ему и так сегодня досталось, в стиральной машине покрутился.

- Бабулечка, я не мучаю, я его в коляске укачиваю. Посмотри, он в чепчике и ползунках на ляльку похож.

- И чтобы больше мышей из капкана не вынимала, договорились?

- Я хочу Филю научить мышей ловить.

- Пусть рыбку ест. Филиппок, рыбка в микроволновке,

беги скорее, милый котик! Оля, открой дверь, мама с работы пришла.

- Мама! - крикнула с порога молодая женщина, влетая в комнату. - Полный город зеленых кошек, никто ничего не понимает!

- Ох, доигрались с радиацией, - сказала бабушка Люся, всплеснув руками, и от удивления плюхнулась на только что устроившегося на диване кота.

Второй круг

Рука выводит имя давно ушедшей подруги Зойки, давным-давно, около шестидесяти лет назад. Как давно! Им было по шестнадцать.

Стены Зойкиной комнаты разрисованы гуашью. Фантазии о любви, мечты о скорости, надежды - все скрылось под слоем побелки во время ремонта, затеянного её семьёй в июне.

Старая женщина слушает Гершвина. Сегодня в пятнадцать сорок семь наблюдала за солнечным затмением, стоя с кинокамерой в весеннем саду. Слепящее солнце над высоким тополем с вороньим гнездом, четкий лунный серп, розоватые облака. И не понять, действительно ли видишь розовые облака, или это игра воображения.

В августе того года вывесили списки абитуриентов, поступивших в университет. Она нашла свою фамилию, хотелось поделиться с кем-нибудь радостью, купила ленинградские краски и альбом для Зойки. Подруга теряла год из-за болезни, предстоящая разлука вызывала легкую грусть, но обещание столичной студенческой жизни заглушало другие чувства Риты.

- Её больше нет, - Лапшина стоит растерянная, с пластмассовым сувениром в руке. - Это я ей купила, а ее нет. Возьми себе. Я не могу... - говорит подруга и плачет у окна, занавешенного белым тюлем.

Рита молча закрывает дверь Аниной квартиры и уходит, не подозревая, что беда разрушила дружбу.

На Новый год Зойка уехала на Сахалин к сестре, после зимних каникул в школу не пришла.

- У неё что-то с кровью. Ты бы навестила её, - просит Аня. Ей хочется дружить втроём, но юношеский максима-

лизм мешает Рите забыть какую-то девичью обиду, она упорно избегает встреч с подругой.

В мае Зойка сама пришла к Рите:

- Пошли в кино.

Она была необыкновенно праздничная, в красном новом пальто, в модных чёрных лаковых туфельках.

Рита в ту пору ещё не научилась чувствовать, факт преобразования подруги из небогатой семьи удивил, но не насторожил её.

Женщина тяжело поднимается с кресла, выходит в сад, долго смотрит на высокий тополь со слегка позеленевшим стволом на фоне хрустально-прозрачного неба. Сегодня ни облачка, холодно, надо бы печь растопить. С утра по всем каналам рассказывают о солнечном затмении.

"Знать бы, одни ли мы?" - думает Маргарита Валерьевна. - "Много странных явлений вокруг, которые не стыкуются с моим пониманием мира. Жаль, что в меня вбили неверие".

Она вспоминает, как профессор на экзамене ловил студентов вопросом: "Ты мусульманин или христианин?" Отвечать надо было: "Я атеист". Многие попадались. "Интересно, жив ли Руслан? Он же в этой области профессором был. Вот его бы послушать", - думает женщина, поднимаясь на второй этаж, ступени скрипят от её легких шагов. Да, дом тоже старится. Она садится в своё любимое кресло и включает музыку, за окном сад, крыши соседних домов.

Однажды в десятом классе Руслан пригласил её в гости, показывал дурно пахнущего краба и другие свои ценности. Рита осторожно трогала пальцами темную шершавую морскую звезду.

- Мужчины - это стопроцентные люди, а женщины дотягивают только до двадцати пяти, - говорит одноклассник, Рита слушает. Руслану виднее, он вундеркинд. Как-то учитель математики перед ним извинялся, когда проиграл в споре.

- В тебе, - продолжает Руслан, - есть все двадцать пять процентов, поэтому я выбрал тебя.

Ей неприятен его крысиный нос. Может, у крыс другие носы, только это не главное. Потом он всю жизнь будет доказывать свои сто процентов, но Рита не простит ему свои двадцать пять.

Почему она опять поставила платиновый диск Гершвина?

Ей всегда казалось, что первую половину жизни она прожила за Зойку, вышла замуж за её мужчину, рисовала.

Неожиданно это наваждение закончилось. Она изменила всем: дому, мужу, городу, Родине. В чужой стране всё сложилось намного удачнее: путешествия по всему миру, новые увлечения, новые друзья, теплый дом, согревающий не только тело. Но чем дальше вела тропа жизни, тем настойчивее и чаще влекло ее в тот давний маленький уголок детства.

Маргаритка в шесть лет читала "Тысячу и одну ночь" на татарском языке и знала одно русское слово "молоко". Дома постоянно шли споры, в какую школу отдавать девочку.

- Вы хотите лишить ребенка будущего, - возмущалась бабушка. - Где она будет учиться в старших классах, в интернате?

У бабушки строгий взгляд, мягкие теплые щеки. У нее есть значок "отличник народного просвещения" и медали, которыми очень гордится девочка.

Рита любит прижиматься к бабушке и слушать рассказы о детдомовских детях, укравших у нее в поезде паспорт. Теперь ей не скоро дадут пенсию, новый паспорт выдали с неправильной датой рождения на какой-то Богом забытой станции. Рассказывает бабушка о корове, которую дедушка в голодный год подарил школе, а мама пила один стакан молока в день, как все дети. Рассказывает о сыне - летчике,

погибшем в последний год войны. Она достает зеленые стеклянные пуговицы от старого, когда-то подаренного ей сыном платя, нежно поглаживая маленькие кружочки, говорит, что у него были зеленые глаза. Много лет в клубе висел портрет добровольца, нарисованный сыном, он мог стать художником.

- Когда у тебя день рождения. бабушка? - спрашивает Рита, пряча за спиной подарок - портрет солдата, нарисованный цветными карандашами, ей хочется, чтобы бабушка не плакала.

- Когда картошку копали, - отвечает она, бережно берет портрет у ребенка и целует девочку в макушку.

Бабушка высокая, в очках с толстыми линзами. С папой они друзья, а к совету друзей прислушиваются, поэтому Маргаритку отдают в русскую школу.

Первая русская фраза звучала так:

- Можно в уборную?

Валентина Петровна отвечала:

- Можно, но надо говорить: "Можно выйти?"

Девочка выходила в сентябрьский школьный двор, доходила до дощатой уборной, смотрела на поздние астры на клумбе, возвращалась в класс.

Через пять минут она снова поднимала руку:

- Можно в уборную? - так приятно говорить по-русски. Дети смеялись. Валентина Петровна прикрепила к девочке Веру Борисову.

Вера указывала девочке пальчиком на забор и говорила:

- Забор.

Указывала на собаку и говорила:

- Собака.

Рита повторяла: "Забор, собака".

К концу года в табелях у девочек были одни пятерки. Вера Борисова - девочка серьезная, у нее всегда чистый

воротничок, выглаженная форма. Маргаритке она нравится, дома у подружки много книг и старенькое пианино. Вера чистенькая и аккуратная, даже конский навоз собирает в варежках. Каждый вечер девочки выходят в поле на окраину городка с ведром, изучают язык и собирают конский навоз для сада.

- Гусев - дурак, в этом девочки единодушны. Маргаритка сидит за одной партой с Гусевым. В ее пушистой головке зреет интересная мысль: "Вот сидит красивый Гусев. Он станет взрослым, и кто-нибудь выйдет за него замуж, не зная, что он дурак". Эта мысль не дает покоя девочке, откладываясь в закоулке памяти вывернутой наизнанку программой. и через двенадцать лет она выскочит замуж за двойника Гусева. Вера сидит с отличником Рыбаковым. А еще у них в классе есть двоечник Иноземцев с вечно мокрым носом, красными губами и страшным папой с вывернутой шеей. Говорили, что когда-то он был нормальным, а потом его укусил клещ.

Идет урок. Женя Брежнева рассказывает о концлагере. У девочки неправильный прикус. Она широко открывает глаза и говорит большим ртом с неправильным прикусом:

- Фашисты сдирали кожу с человека и делали перчатки.

У Риты по коже бегут мурашки. После учительского рассказа о Зое Космодемьянской из насмерть перепуганной девочки вылушивается маленький предатель: "Если я попаду в плен - притворюсь фашистом и все расскажу. Когда отпустят, - думает девочка, - быстренько предупрежу своих".

Кстати, в израильской армии солдатам внушают: "Если вы попали в плен, ваша задача - выжить. Мы вас выкупим, поэтому рассказывайте все, что знаете".

Не такая уж крамольная мысль приходила в голову первокласснице Рите.

Ещё у Маргаритки есть подружка Люба Агафонова, которая живет в соседнем доме.

На пасеку к Любиному деду ходили через кукурузное поле. Кукуруза выше головы, тропа еле видна, девочкам страшно. Уставшие, они выныривают на душистую поляну с ковром цветов. Старый Агафонов, прихрамывая, идет навстречу, долго ворчит, заводя детей в черный бревенчатый дом, ставит перед ними на стол две щербатые кружки с ключевой водой, ломти домашнего хлеба, огромные куски меда в сотах. Как же вкусно!

В школе выбирали звеньевых октябрятской группы, Риту предложила Валентина Петровна. Люба быстро вскочила, в праведном гневе закричала:

- Ее нельзя выбирать звеньевой, потому что она влюбилась в Рыбакова!

- Неправда, я не влюбилась!

- Влюбилась! Влюбилась!

Риту выбрали санитаркой.

Дома мама сказала:

- Видишь, какая у тебя подружка. А мы ее пирожками угощаем.

После этого случая Рите не хочется ходить на пасеку. Но меда в сотах очень хочется. И они опять идут через кукурузное поле.

Люба говорит:

- Я сейчас покажу, как дети получают.

Вяжет узелок из носового платочка, закрепляет его на поясе, втягивает подружку в собачью будку на пасеке и показывает. Рита недоуменно вертит головой, пытаясь стряхнуть подружку с себя.

Дома она спрашивает у бабушки:

- Из носового платочка дети получают?

Бабушка долго разговаривает с ребенком, а потом говорит, что мед Маргаритке она у тети Сони купит, нечего де-

вочке с Любой в дальний лес ходить. Незаметно Люба расплывается и исчезает из жизни Риты.

Женщина долго рассматривает групповой снимок первоклассников, где во втором ряду, третья слева - она, с обвислыми, как собачьи уши, атласными бантами, без белого фартука, с нарисованной звездочкой на груди. Она почему-то на всех групповых снимках не в школьной форме.

Кого, интересно, вернет ей память ещё?

Сорокин с раскрытой книгой. Точно, Саша Сорокин. Он болел туберкулезом и жил в лесу, в санатории. Там же был и роддом, в котором родилась Рита. Отец рассказывал, что родилась она похожей на маленького баранка с толстым брюшком, тонкими ручками, ножками и двумя крохотными родинками на виске. Мама спросила:

- Она красивая?

Отец протянул стакан коньяка и сказал:

- Выпей вина, это тебе полезно.

После чего мама надолго выбыла из жизни и очень удивилась, когда ее стали будить:

- Мамаша, просыпайтесь же наконец, ребеночка кормить пора.

- Мамаша? Какая мамаша? - Мама начисто забыла, что родила Маргаритку.

Потом отец на телеге повез жену с дитем домой, завернув их в тулуп. Всю дорогу он молился, чтобы волки не догнали их:

- Только бы до моста доехать, а там пробьемся. Только бы до моста...

Дочери часто рассказывал он эту историю и каждый раз добавлял:

- В рубашке родилась, не догнали.

Мама дала Рите амулет - вышитый мешочек с рубашкой, в которой родилась девочка, и первым пушком её волос.

Женщина достала амулет из старой коробки из-под

обуви, нежно погладила вышитый мамой мешочек, аккуратно развернула шуршащий пергамент, потрогала морщинистыми пальцами, вновь все завернула и спрятала в коробку.

Села у окна и стала наблюдать за облаками над домом.

Лес у роддома поднимался в гору. Сосновый бор с лохматыми лиловыми колокольчиками, желтым водосбором и крупной сочной земляникой, которая росла с обратной стороны горы, на заброшенных могилах. Как-то Рита принесла бабушке землянику.

- Не ешь ягоды с могилок, не обижай ушедших, - сказала бабушка.

За лесистой горой любила гулять бабушкина корова, которую приходилось до позднего вечера искать, потом доить при керосиновой лампе. Молока было много, бабушка радовалась, когда удавалось кому-нибудь отдать ведро молока. Сепаратор давал приторно-сладкие, теплые сливки. Рита счищала края чашечки от сепаратора душистым хлебом и ела.

Накануне женского праздника Рита попросила у отца рубль на подарок учительнице. Отец отчитал ребенка и велел нарисовать картинку в подарок. Девочка тихо утерла слезы, пошла в свою комнату.

На следующее утро завтракать в буфете она не стала. Зажав в кулачке драгоценные десять копеек, побежала в магазин, где продавалась замечательная пудра "Рашель" с двумя белыми лебедями на голубом фоне. На перемене гордая и счастливая Рита подарила маленькую коробочку учительнице.

На уроке Валентина Петровна всех детей благодарила за подарки, потом подняла голубую коробочку и сказала:

- Дети, посмотрите, что подарила Рита. Папа у неё хоть и начальник, а денег пожалел.

"Интересно, дождусь ли я внуков?" - думала женщина у окна. Ее гордость - её род медленно, но верно умирал, не

успев окрылиться. Вышла она замуж за постороннего, нарушив семейные традиции. "От любви бедной сыночек будет бледный", - поет Окуджава. У сына все никак не складывалась семья, жена ушла на экран, после чего сын за океан уехал, так и не обогатив старую женщину внуками. Теперь ее ждало одиночество, ей не грозила многословная старость в окружении любящей семьи.

Женщина смотрит на кучевые облака. Ее любимая пластинка "Голубая пирамида" играет "Равнодушие" Джонни Ходжеса.

"Вот бы прожить жизнь сначала, с белого листа. Как хорошо жить, просто жить", - думает она, глядя в небо. И начинает горячо молиться неизвестно кому:

- Верните меня в детство, если Вы есть. Я верю, что Вы есть. Верните мне детство. Хочу прожить все сначала".

На лето Риту отправляли в родную деревню отца.

- На кино, они тебе больше пригодятся, - говорит дядя и протягивает пять рублей Рите. Она помнит его есенинский чуб над веселыми голубыми глазами, полосатую тельняшку, звуки аккордеона под вечерней ивой в деревне с одной улицей. Играл он хорошо, в семье все играли на аккордеоне, привезенном отцом из Германии в сорок восьмом. И сейчас в огромном доме звук тальянки вызывал щемящее чувство потери далекого детства.

Лесок был в двух километрах. На опушке Рита с деревенской подружкой Соней нашли незнакомые белые грибы, сбили с них шляпки и углубились в чащу к заброшенному колодцу за хворостом.

- Здесь рысь на днях видели, - шепотом сказала Соня, перевязывая веревкой собранную охапку хвороста. У них дома даже летом очень холодно, домик покрыт почерневшей соломой, на чисто подметенном земляном полу стоят две полаты с двух сторон печи. Одну занимает большая женщина, вторая - для троих детей: полоумной девочки лет

шести, маленького мальчика и девятилетней Сони, самой старшей из детей.

В кустах что-то зашуршало и мяукнуло.

- Рысь, там рысь! - Рита отпрыгнула от кустов, бросив связку хвороста. - Бежим!

Дети припустились к деревне.

Задыхаясь от долгого марафона, девочки вбежали в сени с криками:

- Рысь! Рысь!

Бабуля невозмутимо сообщила, что там не только рыси водятся, но и лешаки. С горящими глазами дети слушают бабушкины рассказы о страшном лесе. Мама тем временем вынимает из кармашка у дочери гриб, невесть когда прихваченный:

- Где же вы шампиньоны нашли?

- Да их на поляне возле старого колодца полным-полно! Ещё на опушке леса мы не все раскидали.

Мама берет старую плетеную корзину.

- Не ходи туда, там рысь! - Рита испуганно хватается за руку. Та ласково гладит девочку по светленькой головке.

- Бояться надо не рыси, а плохих людей.

Бабуля полная, с яркими синими глазами, утонувшими на морщинистом лице. Она не строгая, а веселая. На комодке стоит её фотография - молодая красивая женщина с длинной белой косой.

Деда, председателя колхоза, убили бандиты до войны, но бабуля говорит, что его соседка из ревности отравила. У бабули шесть сыновей, старший сын - Ритин отец.

Вечером девочек отправляют в баньку. Уже темно. Дети плещутся в тазу при слабом освещении свечи, рассказывая друг другу страшные истории. Неожиданно в окно заглядывает чудовище с ярко горящими глазами. С визгом голые дети выбегают из баньки и застают у порога смеющуюся бабулю с тыквой в руке. Тыква страшная, в ней прорезили два окна, рот, внутри горит свеча.

Мама выговаривает бабуле, что нельзя пугать ребят-шек, идет домывать девочек.

Сабантуй устроили в тот год в дальнем лесу на большой поляне. Папа посадил всех в тарантас и повез. Маргаритка на поворотах кричала:

- Упаду! Упаду!

Всем было смешно, а ей страшно.

Праздник остался в памяти веселым калейдоскопом. Мужики в тюбетейках, с завязанными глазами, колошматили друг друга мешками с соломой, сидя на бревне. Кто-то на столб за гармошкой поднимался, взрослые наперегонки в мешках скакали.

Открытие Рита сделала одна, без взрослых. Маленький чистый родник с крохотным озерцом, на дне которого лежало много-много монет. Рита рассматривает монеты сквозь прозрачную, с легкой рябью, воду, осторожно достает одну. Настоящая! Все дно родника устлано настоящими монетками. Она набивает ими карман. Вокруг молча собираются взрослые. Девочка поднимает глаза. Все молчат, не улыбаются. Она быстро встает с колен, ей отчего-то неуютно, она уходит. Никто ее не останавливает.

- Откуда у тебя деньги, дочь? - мама застает Риту за покупкой ирисок в брикетах. Девочка рассказывает про родник.

- Надо отнести деньги назад.

- Не надо, - говорит бабуля, - она счастье свое поймала. В этот родник люди желания бросают вместе с монетой. Если монету возьмет чужак, который обычай наши не знает, или дитя невинное - желание исполнится у того, кто бросил монетку и у того, кто поднял ее.

Женщина поднялась с кресла, передвинула букет засохших роз на край стола, поправила кружевную, вывязанную мамой, скатерть, подошла к музыкальному центру, поста-

вила диск "Ретро вдвоем" Тодоровского и Никитина, вновь села у окна.

"Вот бы прожить жизнь сначала, с белого листа", - Маргарита Валерьевна начала мечтать в сослагательном наклонении.

Профессию она выбрала бы прежнюю, с детьми у нее была взаимная любовь. Старая учительница подозревала, что невольно научилась гипнотизировать, смотря ребенку в глаза, повторяя его жесты, говоря с ним на равных равным, спокойным тоном. Самая большая любовь ее жизни - это ее дети.

Женщина разглядывает групповые снимки своих учеников.

Как они не любили, когда к ним в тетрадку приходил бумажный Поподружка из мультфильма, имя которого расшифровывалось "Поросенок поросенку друг". Дети смеялись, стыдливо пряча незваного гостя, но приходил он редко. Большинство работ украшали цветные звезды, всем хотелось непременно стать космонавтом и облететь как можно больше звезд.

Только Миша мечтал стать президентом.

А Стас говорил:

- Когда я вырасту, я подарю телевизор нашему классу.

Он говорил "нашему".

Женщина открыла папку с детскими сочинениями, письмами, рисунками.

"...У нас самый красивый класс. Каждый день я иду в школу с хорошим настроением. Там ждет меня моя первая учительница Маргарита Валерьевна..."

"...Иногда мы занимаемся под музыку..."

"...В прошлом году я пришел в первый класс. Я очень волновался, какая у нас будет учительница. Придя в красивый класс и познакомившись с нашим учителем, мне показалось, что я знаю Маргариту Валерьевну очень давно. Она добрая, красивая, мне нравится, как она одевается..."

Женщина улыбнулась. Какие обороты, трудно поверить, что пишет второклассник.

"...Она много шутит, но требовательная и строгая. За три ошибки ставит двойку..."

"...Любит зверей. Однажды она говорит: "К нам пришел гость". Мы, как обычно, все встали. В класс входит маленький черненький котенок. Мы поиграли с ним на ковре, а потом продолжили урок. В классе у нас живут полугаи и рыбки. А у учительницы - кот Персик..."

"...В первом классе мы провели урок чтения в лесу, на срубленном дереве. Сидели и читали..."

Она вспомнила ельник напротив школы, который рос на высоком берегу реки. Дети радовались проходящим теплоходам.

"...Моя учительница очень забавная..."

Женщина опять улыбнулась.

"...часто шутит на уроке. Однажды наш ученик, его зовут Никита, в диктанте написал "щюка". Маргарита Валерьевна написала помадой у него на лбу "чу, шу". На следующий день Никита пришел в класс, а на лбу у него было написано "чу, шу". Мы все смеялись.

Выяснилось, что Никита не умывался утром..."

"...Я Вас буду помнить всю жизнь..."

"...Приезжайте ко мне в гости..."

"...Вы мне как мама..."

"...Я Вас люблю..."

И они ее любили.

Нет, профессию она не стала бы менять.

Мужчину она выбрала бы последнего. Маргарита представила, как приезжает в город за три тысячи километров от дома тонконогая пятиклашка в круглых очках, находит первого парня на деревне, любимца всех учителей и девчат школы, и говорит:

- Ты не женись в десятом на Ольге, у нас с тобой в будущем лучше все сложится.

Ситуация ее рассмешила. Когда ей было семнадцать, у него уже росли двое сыновей.

Неправда, что выбирают мужчины, последнее слово всегда за женщиной. У неё было много хороших вариантов, но что-то помешало ей думать, неопытность или какой-то другой фактор. Да Бог с ними, мужчинами, это не самое главное в жизни.

Что бы она исправила в новой жизни?

Маргарита вспомнила Элю, отличницу из своего второго "А". У девочки была замечательная мама, хорошая семья. Но бес попутал эту маму, ее сняли скрытой камерой, когда из окна кондитерской фабрики через забор она перебрасывала шоколадные брикеты своей родственнице. Показали в вечерних новостях. Женщина выбросилась из окна своей квартиры на двенадцатом этаже. Отец запил и пропал в водовороте жизни, девочку отдали в интернат.

Как же она тогда оплошала!

Надо было Элю взять к себе, такая умная, славная девочка была. А что из нее получилось? Стыдно сказать.

Маргарита Валерьевна тяжело вздохнула, укрыла теплым пледом озябшие колени, закрыла глаза и вновь ушла в свои мысли: "Я прожила хорошую жизнь, жаль, что она так быстро прошла". Сколько раз она говорила "спасибо" прожитому дню. И теперь, сидя в кресле в пустом доме, она не считала себя несчастной. Немного одиноко, грустно, но никогда не скучно. А жизнь такая замечательная. Она ещё не все страны объездила, не успела стать художником, не получила ответы на многие вопросы. Один из них: "Одни ли мы?"

А сожалеть можно только о неповторимости жизни. И она вновь начала кого-то просить дать ей шанс на второй круг.

Они пришли в четыре утра.

Маргарита узнала их сразу, но испугаться не успела.

Молочница долго звонила в дверь, оставила бугылку на крыльце, зашла к соседке Люсе, сказала, что учительница дверь не открывает. Та выглянула в окно - печная труба в соседнем доме не дымилась. Слегка озадаченная, она решила проведать подружку - не случилось ли чего. Гаражные ворота были слегка приоткрыты. Люся осторожно прошла в дом через гараж, несколько раз позвала хозяйку.

В доме стояла гулкая тишина. Кошка Муза с голодными глазами ластилась к Люсе и мурчала.

- Рита, Рита, ты где? - еще раз позвала она и осторожно поднялась на второй этаж, где обычно подружка слушала музыку, сидя в кресле.

Кресло стояло на старом месте возле большого окна. Клетчатый красный плед сохранил очертания женщины. На ковре валялся маленький домашний тапок, в кресле лежали слегка обгоревшие тряпки. На полу справа - древние золотые часики, подарок мужа, старые альбомы с выцветшими фотокарточками, письма...

Маргариты Валерьевны не было.

Полиция долго ломала голову над странной пропажей. Самовозгорание в захудалом городишке - событие, не укладывающееся в голове. Приезжали люди в штатском с военной выправкой. Долго расследовали чрезвычайное происшествие. Потом появилась статья в "НЛЮ". Медленно-медленно все затихло. Соседка забрала кошку, дом опечатали.

Женщина исчезла.

Роддом находился в сосновом бору, росшем на крутом косогоре. Девочка родилась похожей на барашка, с толстым брюшком, тоненькими ручками, ножками, с двумя крохотными родинками у виска.

- Она красивая? - испуганно спросила женщина у счастливого мужчины, державшего ее за руки.

- Просто куколка. Цветочек. Давай назовем ее Маргариткой.

Открытие

Мария проснулась в пять пятнадцать утра с мыслью: "Я - ведьма". Сильно удивилась тому, что прозрела только сегодня, в день своего пятидесятилетнего юбилея.

Накануне утром муж обидел несправедливо, просто от плохого самочувствия и дурного характера.

- Ты же знаешь, нельзя меня обижать, опять неприятности начнутся! - в сердцах воскликнула она. А вечером позвонила одна из его дочерей, сообщила нехорошие вести. Он всю ночь ворочался, под утро уснул тяжелым сном с плохими сновидениями, стонал, кричал.

Маша его пожалела, укрыла пуховым одеялом ноги, поставила на тумбочку чай с лимоном, сердечные таблетки.

Уже светало. Муж тихо посапывал рядом, около настольной лампы стоял пустой стакан, лежали облатки от проглоченных таблеток.

Мария посмотрела на часы. Вставать еще рано, желания почитать не появлялось. Она лежала с открытыми глазами, анализируя странные случаи в своей жизни, задаваясь вопросом: почему только сегодня она поняла о себе самое главное, свою необычную сущность.

Когда, интересно, все началось?

На тридцать девятый день от рождения родители ее потеряли. В деревне у бабушки домик крохотный - сени да горница, разделенная большой печью на две части.

Отец в городе в институте учился, приезжал по праздникам, поэтому в то утро спали долго. Бабушка осторожно, стараясь не шуметь, подкинула дрова в топку.

- Ма, дай Машу покормлю, - сказала мама, высовывая голые ступни из-под теплого одеяла.

- Бог с тобой, какую Машу? - бабушка встрепенулась, подбежала к кровати, бесцеремонно подняла одеяло.

Ребенок куда-то пропал.

От шума сонный отец сел на край кровати, бессмысленно тараща глаза. Мама в панике поднимала подушки, заглядывала под кровать, заставленную большими плетеными корзинами, зачем-то открыла отцовский саквояж, обнаружив там грязные носки, пару тегралок.

- Ма, ты точно не трогала Машку? - дрожащим голосом спросила мама.

- Бог с тобой, доча, я скотину кормила, - бабушка растерянно трясла белье, лежащее на стульях.

Отец очнулся ото сна, испуганно наблюдая за женской суетой, натянул штаны и стал искать ребенка.

Рассказывали, что искали довольно долго, пока бабушка на корточках не залезла под кровать и не вытянула сверток со спящим ребенком из самого дальнего угла, за корзинами для гусят.

- Все, черт подменил ребенка, - как припечатала, изрекла бабушка, выбравшись из-под кровати, и утерла подолом фартука вспотевшее лицо.

С тех пор все и пошло.

В первом классе она порезала пальто однокласснику, который в кинотеатре сидел перед ней. Фильм еще не начался, у Маши в руке бритва для заточки карандашей. Она зажимает ее между пальцами, говорит Федотову:

- Будешь дразниться, пальто порежу.

- Кобра, кобра, - Вовка не чует опасности, - четырехглазая.

Маша прячет бритву глубоко между пальцами, чтобы всерьез не повредить пальто, проводит понарошку, как ей кажется, по спине Федотова.

- Вот тебе!

Вечером мама штопает чужое клетчатое пальто, Вовкина мамаша пьет чай с отцом, вежливо обсуждая детские шалости. Маша ждет порки. Когда противная соседка уходит, унося злополучное пальто, отец в гневе снимает ре-

мень. Делает шаг к дочери, наступает на резиновую голову тряпичной куклы, падает и ломает ногу.

Так, разберемся с конечностями. Сколько она их перепортила за свои полвека?

Первому мужу - три раза, второму - один раз.

Петенька был патологическим вруном, врал просто из любви к искусству, чем доводил Машу до синевы. Но в тот раз врал со смыслом.

- В командировку еду, вечером буду, - сказал он Маше, уехав с сотрудниками на пьянку в День нефтяника в лесную гостиницу. Она о коварстве мужа узнала где-то в обед от вахтера, позвонив на работу, и шибко опечалилась. Петенька в это время подвернул ногу на коряге у реки, получив закрытый перелом.

Через год история повторилась с точностью до часа.

Она выдавала бегунок хвостатому студенту, когда в кабинет вошла сотрудница.

- Почему с мужем не поехала на пикник?

- На какой пикник? Он в командировке.

- Ха, в командировке. Они утром у моего дома в автобус садились всем табором, сегодня же День нефтяника.

- Ах, паразит! Ах, паразит! - у Маши слов для возмущения оказалось только два.

Вечером привезли хромого мужа, который покаянно поведал, как, танцуя с коллегой Ольгой Трофимовной, угодил в какую-то яму на поляне. И вот результат - перелом лодыжки.

Третий раз он повредил ногу в Чишмах, при пересадке с поезда на поезд.

Они возвращались с Украины, всю дорогу напевая: "Я купил себе путевку за девяносто пять рублей, лучше бы я купил веревку и повесился на ней..."

Лукавили, конечно. Путешествие было замечательным: мавзолей Пирогова, Софийский собор, Лавра, магазины. Везли восемь тюков мануфактуры себе и родным. От из-

бытка хорошего настроения Петенька завязал легкий роман с молодухой с дитем, а в Чишмах вызвался посадить их на электричку. Маша злилась, сидя на чемоданах, ожидая задержавшегося мужа, который подозрительно долго провожал эту Олю.

Конечно, результат прежний. Электричка тронулась неожиданно, дверь закрылась, Петенька повис с внешней стороны вагона с зажатой дверью ногой. Слава Богу, что совсем не убили, когда наконец-то вытянул ногу и упал на перрон. Обошлось без перелома, но размер конечности увеличился в два раза.

Она подводила мужа до скамейки на перроне, оставив пятилетнего сына охранять чемоданы, потом по одному тюку волокла вещи. Как до дома добирались - особый рассказ.

За двадцать один год супружества они так надоели друг другу, что развод обмывали торжественно в кругу друзей, пили шампанское и кричали: "За свободу!"

Когда он увозил свои вещи - опять незадача.

- Выйди из зала на минутку, - говорит Петенька, загрузив свои мешки и коробки в грузовик, стоящий во дворе.

- Зачем? Мне и на диване неплохо. Тебе что-то из моих тряпок приглянулось? Может, юбка зеленая? Не стесняйся, бери при мне.

- Как хочешь, - сказал экс супруг, приподнял полупустой книжный шкаф и вытащил толстую пачку купюр с портретами иностранного президента.

- Ах, паразит! - воскликнула Маша, развеселившись. - Маме хотя бы долг верни!

- Ты же хочешь развода, а не я, вот сама и крутись, - с этими словами Петенька забрал деньги, пряча глаза, и был таков.

Маша упала на диван и расхохоталась, повторяя: "Ах, паразит!" - удивляясь своей глупости. Давно подозревала, что муж втихаря копит деньги, но поверить в такое ей в голову не приходило.

После этой истории на мужика посыпались беды, одна другой хуже. Машка диву давалась, почему на Петьку свалились небеса. Умерли родители с любимой теткой, мышинная лихорадка три месяца держала мужика в плену, а когда на голове вырос рог величиной с куриное яйцо, мужик не выдержал, нашел ее за день до операции:

- Отпусти ты меня ради Бога, - взмолился Петенька, - не могу больше.

Маша решила ему подыграть, уверенная, что она тут ни при чем, что это очередная блажь нашла на него.

- Хорошо, - сдерживая улыбку, сказала она, - будешь сыну помогать, отпущу.

Он привез сыну мешок картошки и лег в больницу. Удивительно, что у него не только наладилась жизнь, а очень хорошо все пошло: наследство свалилось неожиданное, женщину хорошую встретил, даже в лотерею умудрился машину выиграть.

Итак, с Петенькой все ясно.

А как обстоят дела с Феденькой?

Любила его Маша без памяти. Горнолыжник, яхтсмен, гений - математик, а как танцует - мечта. Год живут как в песне, только в паспорте штампа нет, что женщину сильно огорчает.

Накануне отпуска Федор предлагает Маше отправиться на Чембулак, обещая купить лыжи и другие необходимые вещи:

- Я научу кататься. Как в будущем вместе отдыхать, если ты горы не полюбишь?

Она со всем согласилась, но выпросила недельную поездку на Урал к матушке, скучала очень.

Вскоре он позвонил.

- Я путевку взял в Альпы, с дочерью едем.

Маша упала и растворилась в слезах, предположив крах, полный крах отношений.

И отказалась приезжать к нему.

Они встретились только через три месяца в московском поезде, проходящем через ее родной город. За это время Маша стала настоящей ведьмой. Все три месяца она рыдала на плече у верной подруги.

Провожал брат. Маша волокла часть отцовской библиотеки, у вагона высилась гора коробок. Федор встретил без улыбки, рукой указав, куда нести вещи. Стоял командором каменным, держась за поручни у входа.

Маша с братом загрузили вещи, расцеловались на прощанье, поезд тронулся. В купе заглянул Федор:

- Я в соседнем вагоне, сейчас вещи перенесу, договорился с проводниками, - сказал и пропал на час.

Когда она окончательно решила на следующей станции сойти, в купе вошел Федор, волоча лыжи, сумку и костыли. Только тогда Маша увидела его толстую негнущуюся ногу в спортивном трико.

И кинулась на шею любимому, который, охнув, осел на полку и закричал:

- Осторожнее, я в гипсе, вторую ногу сломаешь!

Только муж до сих пор не подозревает, что первую ногу тоже она сломала. Вычислила позже. Он на лыжне кувыркнулся на четвертый день отдыха в тот самый момент, когда Маня, обливаясь слезами и сморкаясь, выводила стишки: "Я расстелюсь лыжнею для тебя..."

Свадьбу, конечно, сыграли, даже ряженые были.

И колечко было с бриллиантом, которому женщина обрадовалась даже больше, чем вождеденному штампу в паспорте.

После этого случая Маша почесала темечко, стала к себе приглядываться и прислушиваться.

Цветы вяли от ее похвалы, младенцы плакали. Она перестала смотреть в глаза маленьким, помня мамин совет:

- Намотай на спичку свой волосок, сожги, дай понюхать тому, кого сглазила.

Никогда ей не приходилось мстить за обиды. Она про-

сто ждала и дожидалась. Всегда дожидалась. Обидчик получал сполна, а Маша благодарила Бога.

- Ну даешь же ты, - подумала она о себе, лежа под теплым одеялом, - сама мстила всем.

Вспомнила бабушку Катю, говорившую ей:

- Машенька, ты первенец, поэтому можешь лечить людей, только веры в тебе нет.

И дядю-гипнотизера вспомнила, который видел человека насквозь. И часы, которые встали в момент смерти отца. И вторые часы, мамины, до сих пор в родительском доме стоят, указывая печальный миг. И вещие сны вспомнила.

Отец, работавший когда-то инструктором горкома по атеизму, говорил дочери:

- В средние века тебя бы на костре сожгли.

Знал, значит, о дочери больше, чем она сама.

Он уже заместителем мэра работал, как сейчас говорят, когда пробил его час.

За неделю до этого он жене говорит:

- Если верить вашим бабским сказкам, то я на днях умру. Мать с отцом на телеге приехали за мной, увезли и ворота закрыли.

Мама насторожилась, не приняв отцовской бравады, пустила в дело тяжелую артиллерию, заставила его срочно взять отпуск и путевку в Юрмалу.

Но не успел он уехать на отдых, сердце остановилось.

Позвонили его брату с печальной вестью. Тот в соседнем городе работал прокурором, тоже был атеистом. Трудно поверить, но Маша рядом с матерью стояла и все слышала, когда дядя воскликнул:

- Ах, все-таки увезли!

Потом подробно рассказал, что сон видел накануне, как родители на телеге приехали и просили кого-нибудь из сыновей к ним присоединиться, потому что скучно одним.

Мария - образованная женщина, проработавшая в ин-

стигуге двадцать пять лет, веселая и доброжелательная, оказывается потомственной ведьмой?

Тут что-то не так.

Она вспомнила волну телепередач про ШЮ, полтергейст и прочие интересные явления.

- Видимо, грядет какое-то важное открытие в физике природы. Оно уже на носу у человечества, просто мы его не видим, мучаемся, не всрим. Петр Первый тоже не поверил бы в сотовый телефон или в "Бонни", - решила Маша, - мир по спирали поднимается. Иначе как объяснить сказки о говорящих зеркалах, коврах-самолетах? Все уже было, вывод очевиден - скоро молодильные яблоки должны появиться.

Нельзя сказать, что открытие удивило ее. Факты - вещь упрямая, всем это известно. Надо ситуацию проанализировать и приспособиться к ней, какой бы странной она ни казалась. И идти дальше.

Если все мои предположения верны, я должна уметь летать, - подумала она с ленцой, разомлев в теплой постели. Полежала некоторое время в дремотном состоянии, потом откинула одеяло, села на край кровати, ногой отыскала меховые тапочки. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, спустилась в нижнюю кухню, держась за перила, вышла через гараж во двор с высоким забором и подняла голову к небу. За елями из-за соседнего двора поднимался розовый день.

- Надо метлу, наверное, взять, - подумала Мария меланхолично. В гараже отыскала грязный облезлый веник, забраковала его, нашла метлу из караганика, которая ей тоже не по душе пришлась. Сняла с вешалки новую китайскую швабру с поролоновым низом, ручкой для автоматического выжимания.

Выйдя за дверь, перекинула одну ногу через швабру, зажав древко между ног, держась двумя руками за ручку.

Переваливаясь уточкой, засемила по двору, потом

оторвалась от земли сантиметров на двадцать, раскачиваясь из стороны в сторону, аккуратно развернулась около калитки и медленно полетела в сторону сада, ничуть не удивившись случившемуся.

- Дура старая, сколько времени потеряла, - с недоумением подумала Маша, выравнивая полет, осторожно тормозя у поленницы дров. Потом поднялась на полтора метра и заглянула в соседний двор. Лохматая собака Грета посмотрела на соседку снизу вверх, положила на лапы голову и прикрыла веками глаза.

Эка невидаль, она всегда за забором чуяла эту тетку. Маша перелетела к противоположной стороне забора, стараясь не задеть оголенные ветви яблони в весеннем саду, высунула нос через двухметровый забор, увидела неопрятный соседний сад с бэльсом на веревке.

Подниматься выше не стала, уже на работу народ собирался. Хороша она будет в желтой пижаме с лягушатами на штанах, да на швабре.

- Ночью полетаю, - подумала она, как о чем-то будничном, вернулась к входу в гараж, прислонила швабру к стене дома, уселась на скамейку. Рядом пристроилась хронически беременная кошка Муся, стала смотреть на Машу огромными пронзительно голубыми глазами.

- А я вот полетала, - сказала она кошке. Помолчав, спросила:

- Когда котят-то ждать, подруга?

- Не знаю, как получится. Что-то давление пошаливает, - пожаловалась та, почесав за ухом.

Маша оторопела от неожиданности.

- Ты рыбу дай, что смотришь? Есть хочу, - невежливо пробурчала кошка и направилась в гараж, к своей миске, подняв трубой полосатый хвост.

- Вот это да! Подарочек ко дню рождения, - изумилась Маша и пошла за рыбой.

СКАЗКИ

Сказка для ночного пассажира

За окном унылый мир. Красные коровы на высохших полях, стрелочницы в рыжих безрукавках вдоль рельсов. В вышине небо волокнистое, вязкое, в крапинках пыли. Осень во мне, вдали и близко.

Я осталась в комнате с большими белыми бабочками на обоях, которые оживают по ночам и шелестят мягкими крыльями среди ветхих книг. Их подарила мне волшебница из тридцать шестой квартиры, женщина добрая и красивая. Это печальная история.

Лучше послушайте вот эту сказку.

Жил-был Путник. Долго бродил он по свету в поисках счастья, ни разу не сказал он дню: "Спасибо". Однажды опустилась к нему на плечо голубка и посоветовала:

- Ищи город Амо.

Послушался Путник и пустился в поиски города. Долгим и трудным было это странствие.

Зеленая гора Злоба преграждала дорогу. Она ненавидела людей, прорывших в ней туннели; деревья, которые пустили корни на ее вершине; певчих птиц, мешающих ей спать; мышей, щекочущих ее подошвы.

Медлительная река Зависть пыталась утопить его в своих мутных водах. Она завидовала его широкому шагу, широкой улыбке, широкой душе.

С трудом пробрался он сквозь дремучий лес Глупости, каждой веткой трещавшей такую чепуху, что Путник стал опасаться за свой рассудок.

Едва не застрял в вязком болоте Пошлости, которое тягуче чавкало:

- Дай обниму тебя, Мусик-Пусик. Не уходи.

В пустыне Ревности опалил свое сердце.

- Ты любишь себя больше, чем меня, - шептала сухая пустыня, жгучими песчинками пробираясь в сердце.

Но труднее всего пришлось в зыбучих песках Равнодушия, где он заблудился. Никто не указал ему дорогу, не дал глотка воды.

Устал Путник.

Наконец добрался до волшебного города.

С удивлением вошел в обыкновенный городок с кирпичными пятиэтажками, пыльными улицами, где тополинный пух забивал носы прохожим, а по мостовой мчались желтые автобусы.

- Что в этом городе волшебного? - подивился он, но вскоре заметил нечто необыкновенное - лица всех прохожих были светлы и прекрасны: добрые улыбки смягчали старческие морщины пожилых прохожих, мягкое умиротворение было на лицах женщин, силу и доброту излучали мужские лица, счастьем и удивлением светились яркие ребята глаза.

Долго бродил Путник по тихим улицам городка, всюду встречал только счастливых людей.

- В чем секрет вашего счастья? - спросил он жителей города.

- В книге Мудрости, - ответили доброжелательные горожане и подарили тоненькую книгу.

Вот что было в ней написано:

- Имей спокойный разум.

- Не требуй ничего от других и от себя.

- Забудь то, что было вчера, и не тревожься о том, что будет завтра.

- Люби всех.

- Плати добром за зло.

Так нашел Путник счастье. Говорят, что он стал правителем в одной дикой стране, правил семь лет и семь дней.

Женщина

Сначала она придумала любовь. И нарисовала колокольчиковую поляну на вершине горы над огромным озером, горячие губы с привкусом мяты, теплый взгляд под густым лесом светлых ресниц.

И встретила его.

Потом она придумала дом. И нарисовала огромную библиотеку, где играла музыка, не переводились верные друзья, где пахло пирогами и душистым яблоневым садом.

И они построили дом.

Затем она придумала детей. И нарисовала мальчика с большими глазами, сидящего за компьютером, и крохотную девочку, похожую на куклу, играющую в куклы.

И у них появились дети.

Однажды она придумала смерть. И нарисовала многоцветную радугу на бесконечном лазоревом небе, смеющееся солнце с теплыми волнистыми лучами, по которому плыли белые гуси. Нарисовала глубокий таинственный океан с множеством веселых рыб; нарисовала серьезного муравья, строящего дом среди огромных деревьев изумрудного леса; нарисовала белые горы, слепящие глаза искристыми вершинами; нарисовала женщину, которая все это держала в руках.

И пошла печь пироги.

Мужчина

Он лежал на колокольчиковой поляне на вершине горы над огромным озером, смотрел на проплывающие барашки облаков и видел баранов, кабанов, мамонтов.

И придумал охоту.

И убил первого зверя.

На рассвете у него появилась охота, и он поймал женщину. Из нее каждый год сыпалась писклявая мелочь, которая горохом каталась по поляне.

И он придумал забор.

И убил первое дерево.

В полдень он увидел дом соседа на пол-аршина выше, чем его дом, увидел его тучных баранов, его молодую женщину.

И придумал войну.

И убил первого человека.

На закате ему стало скучно охотиться на зверей и женщин, убивать, придумывать самокаты и самолеты, космические корабли и шариковые ручки, компьютеры и стиральные машины, холодильники и микроволновые печи...

И он придумал вино.

И убил мужчину.

Женщина внесла в комнату поднос с пирогами, чаем.

Мужчина лежал на мягком диване около включенного плазменного телевизора, передающего вечерние новости, на полу стояла пустая бутылка, раскрытая вечерняя газета упала на лицо, заросшее седой бородой, и не шелестела от его дыхания.

- Спит, - подумала она и тихо прикрыла дверь.

Маленькие сказки

Жил да был Иван Царевич с беспокойной душой. Давным-давно на развилке дорог он выбрал прямой путь и шел долго-долго, совершая разнообразные подвиги, которые вошли в историю: одолел поганого Змия Зеленого, скинул с трона Царя Пустоголового, а потом женился на Василисе Премудрой. Однажды напала на него скука смертная, захотелось снова вернуться на развилку трех дорог.

- Налево пойдешь - убью, - сказала Василиса на прощанье, когда Царевич перешагивал через забор из пирогов и пеленок.

Сел Иван на шестисотый "Мерседес" и поехал направо, не боясь потерять коня, которого у него не было.

И проиграл машину в казино.

"Семь бед - один ответ", - подумал Иванушка, пешочком направляясь налево.

И потерял голову из-за Елены Прекрасной.

До сих пор бродит без головы.

У Попа была Собака, он ее любил, она съела кусок мяса - он ее убил. Взял, закопал, на столбе надпись написал, что у Попа была Собака...

Приходит он домой, а там та же Собака сидит, да еще привела с собой овечку по имени Долли.

Жили-были Дед да Баба, и была у них Курочка Ряба. Жили, не тужили, пока Злой Птичий Грипп не пришел. Поджарили они Курочку в сметане с чесночком, чтобы беды не приключилось, и съели.

А про Золотое Яичко они слыхом не слыхивали.

Про умного барина и его глупую жену

Жил да был умный барин с глупой женой. Детей Бог им не дал.

Жили не тужили. По воскресеньям ходили на базар и покупали топор.

- Купи мне обновку, старая одёжка прохудилась, - просит жена.

- Залатай, - отвечает барин, прицениваясь к топору: не опростоволоситься бы и не прогадать.

- Зачем тебе столько топоров? У тебя же только две руки, - спрашивает жена.

- Молчи, глупая! Мозги у тебя, как у курицы, ничего не понимаешь. Пусть все видят, какой я богатый!

Придет домой, сядет у печки и любуется покупкой. Толстыми пальцами по лезвию проведет, положит обухом на живот и пытается согнуть - прочный ли.

- Давай соседей на блины пригласим, - говорит жена. Скучно ей, поговорить охота, а муж берет оселок и топор точит: "Вжик-вжик, вжик-вжик".

- Некогда мне.

Напечет она блинов, маслицем польет, медом помажет да вынесет батракам.

- Глупая ты, - говорит муж, - мед сами можем съесть.

Жена ничего не говорит. Накормит мужа. А крошки со стола птичкам вынесет.

В воскресенье опять на базар за топором идут.

В доме тесно уже, везде топоры лежат. Муж сядет возле печки и любуется новой покупкой.

- Батраки копейку просят на обувку, лапти прохудились, - говорит жена. - Зима на носу.

- Некогда мне с тобой разговоры разговаривать, не мешай. И опять: "вжик-вжик, вжик-вжик".

Сядет женщина у окошка, кошку на коленях пригреет и вяжет.

Первому батраку связала теплые носки. Этот батрак раньше звездочетом был. Однажды посмотрел он на небо и понял, что все звезды пересчитал. Грустно стало ему. Махнул звездочет рукой на все, подружился со Змием Зеленым.

Второму батраку связала теплые носки. Этот батрак шутком у Царевны был, мечтал на ней жениться, да она за Ивана Царевича замуж вышла. Ушел шут несолоно хлебавши, куда глаза глядят, ничего не нажил: ни дома, ни детей.

Всех жалко. Лапти у батраков давно прохудились.

А муж ругается, жалко ему ниток. "Глупая ты, - говорит он жене, - барыни батракам носки не вяжут".

Пошли как-то раз умный барин и его глупая жена на базар, купили топор, возвращаются домой, а дома-то нет. Сгорел.

И топоры все сгорели.

Пригорюнился барин, а жена за хворостом пошла, чтобы костер разжечь да мужа согреть.

Пожалели батраки барыню и новый дом из бревен срубили для нее. А птички пуха на перину в клювиках нагаскали.

Ладный получился дом. Аккурат на Рождество вселились. Соседи ахают, а один маленький мальчик говорит:

- Смотрите! Новая звезда на небе!

Посмотрел звездочет на небо - правда, новая звезда. Хорошо стало на душе. Пошел он снова звезды считать.

Весело стало второму батраку добро людям делать, пошел он в Деды Морозы. Уехал в Лапландию.

Барыня села у окошка, пригрела кошку на коленях и опять вязать начала - носочки соседской ребятне. И мальчику, который звезду увидел.

А барин в батраки пошел, на новый топор копейку копил, да никак не насобирает - лапти прохудились.

Так и не понял мужик, что не в топоре счастье.

Рождественская сказка

Господи! Как ты мне надоела, коза, - сказала женщина маленькой Аньке, зябко кутаясь в засаленный халат, хлебнула из горла живительный напиток и снова завалилась на неопрятную постель. По грубо сколоченному столу среди грязной посуды и окурков деловито сновал рыжий таракан.

Анька прогнала таракана, пальчиками скатала из хлебных крошек шарик, положила в рот и медленно стала сосать, ощущая привкус чего-то несъедобного.

- Есть, интересно, на земле место, где можно много кушать, никто не заругает, не пнет, как тот злой дядька с красными глазами? Она хотела со стола кусок хлеба взять, а бутылка нечаянно упала. Противный дядька страшно хотел, когда Анька свалилась на кучу тряпок, а потом сам уснул на них. До сих пор лежит, не шевелится. Что будет, когда проснется, Анька знала, они пойдут на вокзал просить милостыню. Ей стало скучно.

Она надела большие тетины сапоги, проеденную молью шаль, накинула пальтишко с короткими рукавами и пошла в сторону города вдоль леса, рассматривая снежные шапки высоких сосен. Остановилась, увидев, как с ветки на ветку перелетает белочка, роняя снег на землю.

- Белочка! - изумленно прошептала девочка и пошла по хрупкому снежному насту, не проваливаясь, до того была легка.

Белочка затерялась в ветвях. Девочка огорчилась, присела возле толстого ствола дерева, прислонившись спиной, стала разглядывать вершины уходящих в небо сосен. Синее небо лило холодный свет через сито веток, звенящая морозная тишина настроила маленький разум ребенка на музыку леса, Анька смотрела в небо и шептала:

- Дедушка Мороз, мне холодно.

Откуда она знает про Деда Мороза, девочка не помнила, но смутно выплывали картины нарядной елки в теплой

комнате, где огромный Дед Мороз с белой бородой дарил подарки Анюте. Да-да, ее тогда звали Анютой, а за руку держал кто-то надежный и самый лучший. Ах, знать бы, кто это был.

- Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? - услышала девочка и широко раскрыла глаза. Над ней склонился самый настоящий Дед Мороз в красной шубе с белым пушистым воротником, в шапочке красной, из-под которой выбивались белые волосы. Он смотрел на нее добрыми синими, как небо, глазами, ласковая улыбка пряталась в пушистой бороде и таких же пушистых усах. Анюта не испугалась, доверчиво протянула к нему руки и призналась:

- Холодно.

- Ничего, сейчас согреешься, - с этими словами Дед Мороз поднял ее на руки, спрятал в свою шубку и понес к саням в оленьей упряжке. При виде девочки олени улыбнулись и сказали: "Привет, принцесса!". "Привет!" - ответила Анюта, высунула руки из шубки и помахала им.

- Ну, залетные! - крикнул Дедушка Мороз, устроившись в санях. - Поехали!

Сани бесшумно поднялись, внизу остался черный лес на белом снегу, смешная белочка, спрятавшаяся в этом лесу; осталась маленькая лачуга на окраине городской свалки, остался большой страшный город с вокзалом, пахнущим поездами и чебуреками. Они летели быстрее ветра, обгоняя птиц, которые кричали вслед: "Привет!" "Привет!" - радостно отвечала Анюта.

Дедушка Мороз крепче прижимал к теплой груди ребенка и ворчал: "Теряют маленьких детей, а они в снежники превращаются".

Они летели по бесконечному коридору из звезд, которые, подмигивая цветными глазами, тоже приветствовали девочку: "Какая милая принцесса! Привет, принцесса!"

- Не бойся ничего, все будет хорошо, - шептал на ухо

Дедушка Мороз, - послушным детям я дарю подарок. Подумай, чего тебе хочется больше всего на свете.

- Я буду послушной девочкой, - шептала Анюта.

- Скоро прилетим! Ты только будь послушной.

В это время сани замедлили ход, и олени по спирали стали опускаться вниз.

Царство Деда Мороза встретило искристым радужным светом на темном небе.

- Это северное сияние, - сказали толстые белые медведицы в белых халатах и смешных очках. - Давай познакомимся, принцесса.

- Здравствуйте, меня зовут Анюта, - вежливо представилась девочка.

- Будь здорова, принцесса Анюта, - пожелали белые медведицы, - мы - твои нянечки. Сейчас пойдем в школу Снежинок.

- Почему вы меня называете принцессой? - осмелилась спросить маленькая девочка.

- Об этом узнаешь на седьмом уроке, - с улыбкой ответили медведицы и повели ее на первый урок, который назывался Зрение.

- На этом уроке откройте пошире глаза, мы будем учиться видеть, - сказал Пингва в смешном берете с помпоном. - Я приехал в командировку с Южного полюса, чтобы научить вас рисовать снег.

- Что такое Южный полюс? - тихо спросила Анюта.

- Это такая точка на земле, откуда любой шаг в сторону будет шагом на Северный полюс к Деду Морозу, - важно объяснил Пингва в черном фраке.

- Мы на Северном полюсе? - робко спросила Зиночка.

- Да, - утвердительно кивнул головой учитель, - если вы сделаете шаг в любую сторону, то уже отправитесь на Южный полюс ко мне в гости.

- Как интересно... - протянула Адель.

- Почему мы не замерзаем? - решила задать вопрос Анюта.

- Об этом поговорим на седьмом уроке, а сейчас будем делать бумажные снежинки.

Пингва раздал листочки бумаги и показал, как их надо свернуть, потом научил ножницами вырезать разные дырочки.

- Теперь разверните свои листочки - у вас получатся снежинки.

- Как красиво! - прошептала Зиночка, разглядывая ажур.

В красивых снежинках, - продолжил учитель, - прячутся добрые желания, а в некрасивых - злые, они несут добро и зло, ложась снегом на землю.

- У меня добрая снежинка? - спросила Адель.

- Никакая, потому что она бумажная, как бумажные розы, которые пахнут пылью. Теперь представьте много настоящих снежинок и нарисуйте снег.

Вскоре девочки положили на учительский стол рисунки.

У Адели был снег солнечный, с розоватым оттенком, как на картинах Юона.

- Ты увидела смеющееся солнце, - обрадовался учитель.

У Зиночки снег был рыхлый, как халва. Такой снег в картине Сурикова "Боярыня Морозова".

- Ты увидела грустную луну, - сказал учитель.

Анюта положила на стол чистый белый лист.

- О, ты увидела одинокое небо! - учитель опечалился.

Потом он разрешил девочкам немного отдохнуть перед уроком, который назывался Слух.

Второй урок начался с колокольного звона, который изгонял злых духов из Царства Деда Мороза.

- На этом уроке мы будем слушать музыку ветра. Навострите ушки, - с этими словами учитель впустил в класс ветер, который стал летать между партами и петь о вершинах гор и вершинах человеческой радости, о глубоких оке-

анах и глубокой печали, о горячем солнце и о горячих сердцах романтиков. Пел о земле, на которой есть все, что сумеешь придумать, потому что земля - это податливая глина в руках ваятеля.

- Что вы услышали в музыке ветра? - спросил Пингва.

- Смех, - весело сказала Адель.

- Плач, - сказала печально Зиночка.

- Молчание, - шепнула тихо Анюта.

- Как все запущенно, - тяжело вздохнул учитель, глядя на принцессу Анюту с жалостью. Но тут прозвенел звонок, а после перемены начался урок со смешным названием Обоняние.

- На третьем уроке самым важным рабочим инструментом будет нос, - учитель зачем-то потерял свой нос. Адель не сдержалась и хихикнула.

- Де дадо баловаться, принцесса, - строго проговорил Пингва, на этот раз зажав нос между пальцами. Он хотел сказать "не надо", а получилось "де дадо". Даже грустная Зиночка улыбнулась, а Адель ладошками зажала себе рот, она хотела быть послушной девочкой. Только Анюта молчала и внимательно слушала учителя.

Две белые медведицы в очках вошли в класс, открыли тяжелый ледяной люк в полу и уселись на рядом стоящую скамейку, свесив ноги в смешных тапочках. В люке поблескивала темная океанская вода. Пингва снял берет с помпоном, положил его около медведиц, взял пустой стакан и соскользнул на животе в прорубь. Девочки с любопытством смотрели на учителя, ловко выпрыгнувшего из воды уже с полным стаканом. Он бережно поставил на учительский стол сосуд, надел берет с помпоном и торжественно произнес:

- Перед вами самая чистая вода на Земле - вода Северного Ледовитого океана. Определите, чем пахнет океан.

- Медом ! - тут же выпалила Адель.

- Полюнью, - неуверенно проговорила Зиночка.

- Белым цветом, - сказала Анята.

- Белым цветом, белым цветом, - медленно повторил учитель и спросил: - Может, немного голубым цветом, а?

- Нет, только белым, - твердо ответила девочка.

Урок на этом закончился, медведицы закрыли люк и начали вносить в класс разнообразные вкусоности.

О, четвертый урок был самым вкусным. Он так и назывался - урок Вкуса.

Чего только не было на столе! Сочные груши и арбузы, мягкие булочки, пироги с запахом ванили, блинчики с медом, разные орехи и ягоды. Большинство вкусоностей не имели названия: или Анята видела их впервые, или просто забыла, что это такое.

Принцессы наелись и устроились удобно на той скамейке, где недавно сидели медведицы в смешных тапочках. Девочки держались за животики, болтали ногами и языками. Пингва сказал, что на уроке Вкуса главный инструмент - язык, поэтому девочки усердно работали при помощи этого важного инструмента.

- Как ты сюда попала, Зиночка? - спросила Анята.

- Я читала грустное письмо от подруги и плакала. Земля большая, на ней много людей, а подруга тает от одиночества, потому что ей нужна только я. Никто никого никогда не может заменить. Она стала совсем прозрачной, скоро растает совсем. Я хочу встретиться с ней.

- А как попала ты, Адель? - повернулась Анята ко второй принцессе.

- О! - радостно воскликнула она, - я видела звезды, жителей других миров, нашла дорогу к счастью. Я хочу все рассказать людям.

- Принцессы, - прервал беседу Пингва, подходя к ним с тремя стаканами с самой чистой водой Северного Ледовитого океана, - скажите, какой вкус у воды.

Девочки попробовали воду.

- Сладкий, - Адель еще отпила глоток.

- Горький, - Зиночка поставила стакан на стол.

- Пресный, - сказала Анюта.

- Пресный, так пресный. После перемены начнется пятый урок, который называется Осязание.

- На этом уроке усыпите глаза, ушки, ваши маленькие носики, спрячьте болтливые язычки и погрузитесь в мир осязания кожей. Раскройте ладошки.

Принцессы послушно выполнили указания учителя, приготовились к новым испытаниям.

На ладошки что-то упало.

- Вата! - закричала Адель.

- Камень, - тихо проговорила Зиночка.

- Цыпленок, - уверенно сказала Анюта и открыла глаза. В ее раскрытых ладошках сидел желтый цыпленок.

- Молодец, Анюта, ты начала выздоравливать, - улыбаясь, Пингва погладил ее по голове.

Шестой урок оказался необычным, они вышли на улицу и увидели две тропинки, которые от крыльца вели к новгородней елочке. Короткая тропка проходила вдоль стены школы, а длинная огибала здание полукругом.

- Выберите любую тропку и пройдите по ней, - сказал учитель, а сам остался на морозном резном крыльце.

Первой прошла по длинной тропке Адель, и ничего не случилось.

- Можно мне с вами остаться, учитель, - спросила Зиночка. Пингва кивнул головой в знак согласия, и все стали смотреть на Анюту - как она поступит. Девочка пошла по короткой тропке, тут сверху на нее обрушился снежный ком, попал в глаза, за шиворот, холодными колючками заставляя ее прыгать на месте. Все стали смеяться, дружно помогая стряхнуть снег.

- Этот урок называется Интуиция, - продолжил учитель, словно ничего не произошло. - Люди на земле думают, что у человека пять чувств, а их семь. Интуиция - шестое чувство, оно есть у каждого, но пользуются им только те, кто

прислушивается к себе. Принцесса Адель, почему ты пошла по длинной тропке?

- Я боялась, что снег с крыши рухнет на меня.

- У тебя великолепная интуиция. А ты, принцесса Зиночка, почему не прошла по тропке?

- Я боялась, что снег с крыши рухнет на меня.

- У тебя хорошая интуиция, но выбираешь неправильное решение задачи. Анята, почему ты выбрала короткую тропу?

- Я боялась, что снег с крыши рухнет на меня, но хотела скорее выполнить ваше задание.

- Ты не умеешь прислушиваться к интуиции, - сказал Пингва и добавил непонятное: - ох уж это наше раболепие перед авторитетом.

Прозвенел колокольчик, которым трясла Медведица на крыльце, трясаясь от холода - она забыла надеть свой белый халат:

- Переменка! Переменка! - кричала медведица, словно принцессы такие глупые, что не понимают простых вещей. Они даже догадываются, что скоро колокольчик зазвенит во второй раз, и тогда начнется последний урок.

Они радостно бегали по коридору школы, перегоняя друг друга, потом взяли за руки и стали кружиться в танце, как самые настоящие снежинки. Белые медведицы хлопали в ладоши и говорили в такт танца:

- Раз, два, три, раз, два, три...

Пока не зазвенел колокольчик, который на этот раз держал в руке Пингва. Девочки замерли и удивленно раскрыли свои маленькие рты - Пингва был в белоснежных перчатках, а вместо смешного берета с помпоном на голове учителя восседал высокий черный цилиндр. Принцессы на цыпочках вошли в класс.

- Последний урок называется Любовь, - начал учитель.

Девочки замерли, затаив дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова.

- Любовь - это седьмое чувство человека. Оно прячется во всех предыдущих чувствах, как в белом цвете - радуга, - говорил Пингва, расхаживая по классу. Затем он поставил прозрачную призму под луч солнца, который проникал в комнату через ставни. Луч моментально рассыпался на семь цветов.

- Ох! - воскликнули изумленные принцессы и начали протягивать ладошки к разноцветной радуге. Пальцы тут же стали цветными.

- Как красиво! - восторженно шептали девочки.

Учитель улыбнулся и сказал:

- Только умеющий любить нарисует этими красками волшебные картины мира.

Затем продолжил:

- Ушами мы слышим семь нот. Одна нотка скучна, - сказал Пингва и начал пикировать на скрипке ноту "до".

Девочки заскучили, Адель даже начала зевать, пытаясь не открывать ротик. Это получалось довольно потешно, и принцессы отвлеклись от урока.

Но тут зазвучала прекрасная музыка, и девочкам захотелось сначала плакать, а потом смеяться.

- Только умеющий любить превратит ноты в прекрасную музыку, - тихо сказал учитель, убирая скрипку в футляр.

- Теперь потрогайте свои носики, милые принцессы. Носом мы обоняем семь ароматов, по отдельности запах может быть неприятным. Только умеющий любить сложит из них ароматы духов.

Он раздал ученицам флакончики, от которых шел восхитительный запах.

Девочки надушились, а Пингва начал чихать:

- Осторожнее, куда столько льете! - воскликнул он. - Все должно быть в меру. Спрячьте флакончики, продолжим урок, - велел учитель. Девочки быстро попрятали в кармашки платьиц духи и приготовились слушать.

- Языком мы осязаем семь оттенков вкуса. Только умеющий любить испечет вкусный хлеб, - объяснял Пингва. - Кожей мы осязаем семь ощущений. Только умеющий любить согреет ближних. Пока понятно? - спросил он.

- Понятно! - дружно закивали головами принцессы.

- Интуицией мы чуем семь сторон жизни. Только умеющий любить дружит с интуицией. Любовь - это крона дерева, где все чувства сплелись, словно ветви. Если сломать одну ветку, дерево может погибнуть.

Пингва задумчиво подошел к окну, дыханием растопил маленькую дырочку в морозном узоре, посмотрел в нее и продолжил: - Научившись любить, вы научитесь составлять прекрасные сочетания из всех чувств и будете счастливы.

Девочкам тоже хотелось посмотреть в дырочку, но они смирно сидели за партами, как самые настоящие принцессы.

- А теперь слушайте внимательно. У розы есть колючки и нежный бутон, любящий видит бутон, а обделенный любовью видит колючки.

Любовь излучает тепло. На Северном полюсе вас согревала любовь.

Вы - принцессы, потому что если человека кто-то очень сильно любит, то для него он принц или принцесса.

И еще хорошо запомните, что только любовь в ответ рождает любовь.

Урок понятен? Я ответил на все ваши вопросы? - спросил Пингва и снял белые перчатки.

- Я все поняла! - воскликнула солнечная Адель. - Я смогу своей любовью согреть других людей!

- Я все поняла, - сказала грустная Зиночка, - я смогу своей любовью спасти от одиночества подругу.

- Правильно ли я поняла, что если сильно буду любить самого лучшего человека на земле, то найду его? - спросила Аня, боясь произносить забытое слово "мама".

- Вы хорошо усвоили уроки, - сказал улыбающийся Дед

Мороз, который в это время вошел в класс. - Каждая загадайте самое заветное желание. Просите не много и не мало, если попросите о самом важном - то ваше желание исполнится.

- Прощайтесь с теми, кто вас любит, потом поднимемся высоко, высоко в небо на моих санях, - сказал Дед Мороз.

Принцессы попрощались со всеми и в тот же миг превратились в Снежинок.

Она медленно опускалась вместе с такими же Снежинками на землю и молилась: "Пусть меня поймает лучший в мире человек". Многие Снежинки падали на крыши, закрывая от холода дома печальными сердцами, многие падали на землю под ноги прохожим и плакали скрипуче: "Не повезло". Значит, они загадали неправильные желания. Теперь им придется долго путешествовать, сначала превратившись в весенний ручей, потом в облако и только следующей зимой в медленном танце Снежинкой опуститься на землю, шепча заветное желание.

Снежинка Анюта сверху увидела, как Снежинка Адель опустилась на золотую макушку храма, а Снежинка Зиночка тихо приземлилась в саду, на который из окна смотрела ее прозрачная подруга. Еще она увидела забавную белочку и крикнула ей:

- Привет, принцесса Белочка!

Белочка в ответ задорно рассмеялась, помахала хвостом и скрылась в кроне сосен. Снежинка Анюта замедлила полет и стала внимательно разглядывать город.

Дедушка Мороз сказал: "Просите не много и не мало, если попросите о важном - то ваше желание исполнится". Правильно ли она загадала желание?

Анюта медленно опускалась на землю, кружась в танце под музыку ветра, и мягко коснулась раскрытой ладони, где моментально растаяла.

Очнулась, слава тебе, Господи! Моя золотая принцесса... - плакала женщина, потом повернулась к Деду Морозу, который почему-то был в красном лыжном костюме, в красной шапке и с белым длинным шарфом вокруг шеи. - Низкий поклон вам, низкий поклон, я два года ищу своего дитя, если бы не вы... - опять залилась слезами она.

Анюта смотрела на нее и вдруг вспомнила вокзал, чемодан, эту женщину, уходящую вдаль со словами: "Я приду через минутку. Будь послушной девочкой, никуда не уходи, сиди на скамейке около чемодана. Будь послушной".

Анюта не послушалась, ушла за той тетей, которая помянула ее игрушечным цыпленком, клюющим зерно, и стала Анькой.

- Мама! - закричала девочка и бросилась в родные объятия.

МЫСЛИШКИ

На всякого мудреца довольно и кольца.
Говорил сладко, да делал гадко.
Умный молчит, а дурак стучит.
С грамотой - врач, а без грамоты - палач.
Кто не работает, за того работают.
От завидки одни убытки.
Бодливой корове сам черт не страшен.
Неумеху видеть к смеху.
Балерину ноги кормят.
Не лопата землю роет, не водица окна моет.
Один в гору топает, семеро глазами хлопают.
Мед есть, да пчел не счесть.
Не тот глуп, кто на слова скуп, а тот глуп,
кто на работе рвет пуп.
Лежа цела одежда, да в пузе негоже.
Кто помнит зло, тому не повезло.
Мал золотник, да в чужом кармане.
Чего в доме нет, того и хочется на обед.
Пастуха почитал, да на шашлык попал.
В ком правды нет, у того богат обед.

Птицы в дружной стае и на собаку нападают.

Аргель дружбой крепка, а водка - градусом.

Где лад, там и шоколад.

Что ни бай, да только гладко сочиняй.

Была бы охота, а кабан найдется.

СОДЕРЖАНИЕ

Лирика

Утро	11
Времена года	45
Полдень	59
Зимние письма	87
Вечер	103
Детские страницы	171

Проза

Класс	181
Нежность	206
День	212
Тонтон-макута	218
Подруги	246
Ностальгия по школе	253
Бархатная революция	262
Совок	294
Женщина ее мужа	300
Роман с продолжением	309
Орел	321
Свадьба	330
Я видела его	339
Удача	342
Страшная история	343
Без меня тебе, любимый мой	344
Тетушка Люба	352
История кота Юрасика	355
Территория	362
Второй круг	365
Открытие	380

Сказки	
Сказка для ночного пассажира	389
Женщина	391
Мужчина	392
Маленькие сказки	393
Про умного барина и его глупую жену	394
Рождественская сказка	396
Мыслишки	408

Лилия Лукманова

Вдвоем по радуге

Литературно-художественное издание

Стихотворения

Рассказы

Издано в авторской редакции

Компьютерная верстка

Д. Афанасьев,

Ю.Кузьменко

Корректор М. Урсарюк

Издательство

"Региональный учебно-издательский центр"